

**ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

ДИДЕНКО Марина Сергеевна

**СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(1917–1936 гг.)**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
д.ю.н., профессор Шатковская Т.В.

Ростов-на-Дону – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Научные подходы к понятию и классификации источников права в переходном состоянии государства	19
1.1 Основные научные подходы к понятию «источник права» в отечественном правоведении	19
1.2 Признаки и особенности источников права в переходном состоянии государства	41
Глава 2 Формирование системы источников социалистического права в период военного коммунизма и новой экономической политики (НЭП)	69
2.1 Влияние марксистского, социологического и психологического правопонимания на формирование системы источников права в Советском государстве	69
2.2 Первая кодификация советского права и ее роль в формировании системы источников социалистического права	99
Глава 3 Развитие системы источников социалистического права в СССР в период индустриализации	134
3.1 Особенности развития системы источников советского социалистического права в 1929-1936 гг.	134
3.2 Советский закон как основной источник социалистического права в СССР и его соотношение с иными источниками права	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Юридическая сила современных источников российского права обусловлена их отношением к государственно-организованному праву, на котором сфокусирована юриспруденция. Различные религиозные, традиционные, корпоративные и иные источники «непозитивного» права рассматриваются как субсидиарные, исторические и вспомогательные. Считается, что они выполнили свою роль в правовом развитии, подготовив почву для позитивного права, выстроенного в вертикальную систему формально-определенных источников, среди которых особое место занимают нормативно-правовые акты.

Такой подход не всегда соответствует историческому опыту. Действие и значимость источников права зависят от конкретно-исторической ситуации, специфики культурной среды и общественно-политического строя. Особенно показателен в этом отношении советский период. После Октябрьской революции 1917 г. в России произошла ломка имперской системы источников права и вместо нее была создана новая иерархия источников социалистического права. Специфичность советского социалистического права признана не только российскими, но и зарубежными юристами. В частности, Р. Давид доказал наличие самостоятельной правовой семьи социалистического права, сохраняющейся в ряде современных государств мира.

Для Российской Федерации (далее РФ) Союз ССР является не только исторической формой её государственного развития, но и непосредственным правопредшественником¹. Созданная в советский период система источников социалистического права во многом предопределила как положительные, так и негативные аспекты современной российской системы законодательства. Так, расширение сферы действия советских нормативно-правовых актов (далее

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 67.1// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

НПА) с 1917 по 1936 гг. привело к ограничению и субсидиарному применению иных источников права прежде всего правовых обычаев и как следствие отрыву права от его национальных корней и реальных потребностей человека.

До сегодняшнего дня в российской юридической науке ведутся дискуссии об иерархии нормативно-правовых актов, о классификации законов, о соотношении кодекса и закона, начало которым было положено в 20-30-х годах XX века. Разрешение этих споров невозможно без выявления и преодоления противоречий, заложенных в систему источников права при ее формировании.

Несоответствие социальной роли и юридического положения альтернативных НПА источников права наблюдается и в законодательстве. Так, правовые обычаи закреплены в качестве субсидиарных источников права. Однако для государственных служащих установлена обязанность уважительно относиться к обычаям и традициям народов России и содействовать их развитию для обеспечения межнационального и межконфессионального согласия¹.

Дихотомия между реальным и формальным значением различных источников российского права обусловлена и отсутствием единства научных подходов к понятию «источник права» и его разграничению с формой права. В советской юридической науке 30-х годов дискуссия об источниках социалистического права получила особую остроту и политическое звучание, став частью «правового фронта» борьбы за построение социализма.

Полагаем, что историко-правовое исследование позволяет выявить устойчивые тенденции развития, особенности построения и системного взаимодействия источников национального права. Важное значение имеет оценка социального воздействия тех или иных регуляторов в отдельные

¹ Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 (ред. от 25.08.2021) «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства РФ. 19.08.2002, № 33, ст.3196.

периоды развития государства, целесообразность и последствия их использования, влияние конкретно-исторических событий на содержание источников права и способы их формально-юридического выражения.

Изучение исторического процесса становления системы источников права государства в переходном состоянии избавляет общество от страха правовых изменений в ходе социально-экономических и политических преобразований. В данный период можно выявить наиболее жизнеспособные источники и формы права, тесно связанные с мировоззрением народа и составляющие его своеобразную нормативную идеологию.

Степень разработанности темы исследования. Научное исследование системы источников социалистического права в 1917-1936 гг. неразрывно связано с историографической традицией изучения источников российского права в досоветский период. Советской юридической науке был свойственен критический подход к трудам отечественных и зарубежных «буржуазных» правоведов.

Так, при формировании диалектико-материалистического подхода к источникам социалистического права предметом пристального научного анализа были труды Г.Ф. Шершеневича. Он одним из первых в отечественной юриспруденции попытался разграничить понятия «источник» и «форма» права. Не меньшее внимание в рассматриваемый период уделено трудам Л.И. Петражицкого, предложившего введение в научный оборот альтернативное источнику права понятие «нормоустанавливающий факт».

В трудах Ф.В. Тарановского под источником права понимался факт, ставший непосредственной причиной нормы права. На различии источника и формы права настаивал П.Г. Виноградов. В трактовке Н.Н. Алексеева источником права являлось все, что способно устанавливать права и обязанности.

Позиция об идентичности понятия источник и форма права в досоветском правоведении представлена в трудах Н.Л. Дювернуа, И.В. Михайловского, В.М. Хвостова и др.

В советской юридической науке проблема источников права вообще и источников социалистического права в частности стала предметом самостоятельных исследований только в конце 40-х нач. 50-х годов в трудах Н.Г. Александрова, Д.А. Керимова, С.А. Голунского, С.Ф. Кечекьяна, Б.С. Маньковского, И.Б. Новицкого, В.Г. Сокурено, М.С. Строговича и др. Важность теоретических построений перечисленных авторов для исследования обусловлена тем, что они опирались на советское законодательство и юридическую практику 30-х годов.

Известными современными теоретиками права С.В. Бошно, Н.Н. Вопленко, М.Н. Марченко, В. М. Сырых, В.А. Толстик и др. подготовлены специальные исследования, затрагивающие в том числе источники социалистического права. Так, в исследовании М.Н. Марченко источники права изучены, обобщены и проанализированы в сравнительно-правовом ключе. Среди источников советского права особое внимание учёный уделил судебной практике. В работе Н.Н. Вопленко дано обоснование необходимости разграничения понятий «источник права» и «форма права».

В теоретическом аспекте источники права получили рассмотрение в современных диссертационных исследованиях. В диссертации Т.В. Гуровой предпринята попытка развить концепцию источника права в рамках интегративного правопонимания с использованием методов филологии, философии, психологии, социологии.

Ряд диссертационных исследований посвящен отдельным источникам права. В диссертации О.В. Богатовой рассмотрен нормативный правовой акт как источник права. Формальные источники права проанализированы Т.Н. Данцевой. В диссертации А. А. Васильева правовая доктрина изучена в качестве источника права.

Историко-правовые исследования, посвященные источникам советского права как целостному предмету исследования, немногочисленны. В основном они стали появляться только в начале XXI в. Так, место различных источников

права в период действия Свода законов Российской империи (1832-1917гг.) исследовано И.В. Ботанцовым.

К этой проблеме в основном обращаются авторы, изучающие отдельные сферы правового регулирования в Советском государстве на разных этапах его развития. В частности, Т.Ф. Ящук в исследовании, посвященном организации местной власти в РСФСР в 1921-1929 гг., охарактеризовала источники советского права о местных советах.

В докторской диссертации Т.В. Шатковской показана особая историческая роль правовых обычаев в формировании социокультурных основ российского права. Советский период не входил в хронологические рамки работы, но автор затрагивал и вопросы применения правовых обычаев в крестьянской среде вплоть до начала 30-х годов XX в.

Партийные документы коммунистической партии исследованы в качестве источников советского права в диссертации С.А. Токмина. Автор допускает возможность существования советских источников права, не признаваемых законодательством и официальной наукой. В исследовании подробно изучены акты КПСС и предпринята попытка обоснования их правовой природы.

Ретроспективно развитие источников российского права в советский и современный периоды прослежено в диссертации Н.Е. Садохиной. Выявлению тенденций формирования и развития источников права в России посвящена диссертация Д.В. Жуковой-Василевской. Роли советского правосознания в уголовно-правовой сфере в 1917- середине 1920гг. посвящена диссертация И.А. Шаповалова.

Отдельные аспекты историко-правового рассмотрения источников советского права представлены в отраслевых юридических исследованиях (А.Б.Иванов, А.Л. Бурков, А.Е. Лакеев, А.Л. Маковский, Т.Е. Новицкая, М.О.Окунева, А.И. Чучаев, О.Ф. Шишов и др.).

Многие из вышеназванных авторов отмечали, что в юридической науке отсутствуют специальные исследования, посвященные источникам советского

права. Вместе с тем юристами предложены новые научные подходы к пониманию данной проблемы, позволяющие выявить специфику источников советского права, в том числе такие его черты как темпоральность и их обусловленность конкретно-историческим состоянием общественных отношений.

Историографический анализ проблемы становления системы источников социалистического права позволяет заключить, что имеются пробелы как в теоретическом, так и историко-правовом изучении источников права в переходном состоянии Советского государства в 1917-1936 гг. Выявленные пробелы позволяют сформулировать объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объект диссертационного исследования составили процессы, события, явления, общественные отношения, идеи, теоретические воззрения, связанные со становлением и развитием советского права в период построения социализма в Советском государстве.

Предметом диссертационного исследования стало строение последовательно формируемой системы источников советского социалистического права в 1917-1936 гг. во взаимодействии её элементов, различных свойств и связей, а также устойчивые тенденции ее развития.

Хронологические рамки исследования включают период с октября 1917г. до 1936г. Данный период является переходным от буржуазного к социалистическому государству. Выбор нижней границы исследования связан с образованием РСФСР на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и началом формирования системы источников социалистического права. В рассматриваемый период накоплен уникальный опыт социалистического правового строительства. Верхняя граница исследования обусловлена принятием Конституции СССР 1936г., закрепившей конституционные основы первого в мире социалистического государства. Для реализации цели и задач исследования в отдельных случаях допускается выход за пределы установленных хронологических рамок.

Цель диссертационного исследования состоит в установлении последовательных изменений в формировании источников социалистического права в период построения социализма в Советском государстве для выявления закономерностей в системном построении источников российского права, а также определения специфических особенностей, свойственных источникам социалистического права.

Реализация поставленной цели достигается решением следующих **задач**:

- охарактеризовать основные научные подходы к понятию «источник права» и его соотношению с «формой права» в отечественном правоведении;
- выделить признаки и особенности источников права в переходном состоянии государства;
- определить влияние марксистского, социологического и психологического правопонимания на формирование системы источников права в период построения социализма в Советском государстве;
- показать роль первой кодификации советского права в становлении системы источников социалистического права;
- охарактеризовать особенности развития системных связей источников советского социалистического права в 1928-1936 гг.;
- раскрыть специфику советского закона как основного источника социалистического права в СССР и соотнести его с иными источниками права в 30-х годах XX в.

Научная новизна диссертации подтверждается достижением следующих научных результатов:

- дано авторское определение источника права как волевого нормоустанавливающего акта, организующего многократно воспроизводимые реальные социальные связи и объективирующего их в юридической норме силой способного осуществлять принуждение внешнего авторитета; обладающего ценностью и нормативным значением. В работе доказывается, что данное определение позволяет разграничить основные источники российского права по условиям их возникновения;

- выделены признаки и особенности источников права в переходном состоянии государства. Обоснована особая роль нормативно-правовых актов в переходном состоянии государства, выделены такие специфические признаки НПА как казуистичность, оперативность, субъективизм, низкий уровень юридической техники, синкретизм, временный характер, многофункциональность, новизна, вариативный и преобразовательный характер. Определение специфики НПА дало основание утверждать, что такие альтернативные НПА источники права как правовой обычай и судебная практика в переходном состоянии государства сохраняют правовое содержание, обеспечивают преемственность и устойчивость социального развития. В научный оборот введены неиспользованные ранее материалы, извлеченные из архивных фондов;

- определено влияние марксистского, социологического и психологического правопонимания на формирование источников права в период построения социализма в Советском государстве. Установлено, что формирование теории источников социалистического права происходило в том числе в ходе дискуссии представителей марксистского и психологического правопонимания. Выявлены позитивные и негативные последствия победы в этой дискуссии марксистской теории;

- восполнен пробел в изучении первой кодификации советского права в аспекте ее влияния на формирование системы источников социалистического права, в том числе осуществлена периодизация первой кодификации советского права. На примере первой кодификации советского права установлено, что системное построение источников права невозможно без теоретического разрешения вопросов о формах и источниках права и взаимоотношениях между ними, определения закона и его роли в советском обществе, закрепления четких процедур законодательного процесса, разграничения правотворческих компетенций между советскими органами;

- раскрыты черты источников советского социалистического права конца 20-30-х годов, подтверждающие, что полностью уйти от правового

традиционализма в разных его проявлениях советским юристам не удалось. Вместе с тем установлено наличие существенных новаций, содержащихся в концепции социалистического права и не соответствующих классическим («буржуазным») теориям права. Обоснована позиция о невозможности признания партийных актов формально-юридическими источниками социалистического права;

- выявлены особенности советских законов, изменение их роли в политической системе СССР 30-х годов, их соотношение с такими источниками социалистического права как революционное и социалистическое правосознание, судебная практика, правовые обычаи, а также с иными социальными регуляторами такими как правила социалистического общежития.

Научно-теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что научные результаты работы вносят существенный вклад в развитие истории советского государства и права. Исследование позволило восполнить ряд пробелов в историко-правовой науке, связанных с изучением динамических изменений в соотношении различных источников права в переходный период развития Советского государства, влияния первой кодификации советского права на формирование системы источников социалистического права, традиционных и своеобразных черт в ее строении и функционировании. Кроме того, выводы и теоретические положения исследования вносят вклад в теорию источников права, расширяют научные данные и источниковую базу исследовательского подхода, доказывающего необходимость разграничения понятий «источник» и «форма» права.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что выявленная в исследовании специфика источников социалистического права даёт понимание о реальных возможностях и пределах практического использования советского законодательства в современных условиях. Позитивные и негативные тенденции в формировании источников социалистического права, раскрытые в диссертации, следует учитывать в современном правотворчестве

для повышения качества НПА и актуализации массива российских нормативно-правовых актов.

Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс в Южно-Российском институте управления филиале РАНХиГС при Президенте РФ, используются при изучении таких дисциплин как «История государства и права России», «Теория государства и права», «Актуальные проблемы юридического познания».

Методология диссертационного исследования. Выполнение поставленной цели и задач достигается использованием комплексного методологического подхода с привлечением общенаучных и специальных юридических методов. Диалектико-материалистический подход к праву использован для выявления природы, принципов, характерных черт, внутренних и внешних структурных связей в системе источников социалистического права. Системный метод позволил установить взаимосвязи и взаимозависимости отдельных элементов, составляющих систему источников социалистического права в СССР.

Метод научной критики применён для выявления основных противоречий в теоретических подходах к понятиям «источник права» и «форма права».

С помощью исторического метода решается научная задача преодоления недостатков отвлеченных понятий, отчасти произвольных, составленных без знания совокупности условий и конкретных фактов их действия в отношении формирования системы источников социалистического права.

Метод абстракции и обобщения использован для изучения сходства и различия отдельных элементов системы источников социалистического права и особенностей их взаимодействия.

Метод оценки регулирующего воздействия позволил определить некоторые негативные последствия множественности и неопределенности источников права в Советском государстве в период военного коммунизма.

Метод реконструкции использован для воссоздания исторической реальности советского государственного строительства в 1917-1936 г. в ее объективной инвариантности с целью выявления необходимых связей и отношений, имеющих нормоустанавливающий характер.

В исследовании также применены синергетический, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, системно-структурный, структурно-функциональный и другие методы.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили научные результаты, выводы и теоретические положения, сформулированные в трудах Н. Н. Алексеева, С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, П.Г. Виноградова, Н.Н. Вопленко, Р. Давида, А.Н. Данилова, С.Л. Зивса, В.М.Курицына, С.В. Кодана, Е.А. Лукашевой, А.Л.Маковского, В. П. Малахова, М.Н. Марченко, А.В. Мицкевича, Д.А. Пашенцева, Л.И. Петражицкого, А.С. Пиголкина, С.И. Сергеевича, В.В. Сорокина, П.А. Сорокина, В. М. Сырых, Ф.В. Тарановского, В. А. Томсинова и др.

Исследование идейно-содержательной основы источников социалистического права осуществлено с использованием трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина.

При исследовании источников права государства в переходном состоянии использовано обоснование идеи циклической повторяемости явлений и процессов общественной жизни локальных систем определенного культурно-исторического типа, сформулированное в трудах А.С. Архиезера, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.И. Кареева, а также в работах С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, А.И. Ковлера, В.В. Сорокина и др.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и неопубликованные документы и материалы. В числе опубликованных материалов выделим официальные документы советских государственных органов (циркуляры Наркомата юстиции РСФСР, акты и директивы российской коммунистической партии большевиков, статистические отчеты о

работе Президиума ВЦИК РСФСР, сборники постановлений и распоряжений ВЦИК РСФСР и др.).

Неопубликованные данные взяты из фондов Российского государственного исторического архива (Фонд А-353 – Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР), Фонд Р-6978 – Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов 1 созыва. 1917-1918), Государственного архива Ростовской области (Фонд Р-1133– Народный суд 8 участка г. Ростов-на-Дону, Фонд Р-1129 – Народный суд 3 участка г. Ростов-на-Дону, Фонд Р-1146 – Народный суд 6 участка г. Ростов-на-Дону, Фонд Р-1147 – Народный суд 9 участка г. Ростов-на-Дону, Фонд Р-1175 – Краевой арбитражный суд при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Крайисполком), Фонд Р-1191 – Особая сессия по трудовым делам (трудсуд) при Донском областном суде. г. Ростов-на-Дону), Государственного архива экономики (Фонд 478 – Народный комиссариат земледелия РСФСР). В частности, в фондах архивов собраны судебные решения народных судов, данные об использовании правовых обычаев в крестьянской среде в первое десятилетие советской власти, в том числе на основании докладных записок должностных лиц, командированных в деревню, о работе местных партийных советских и общественных организаций.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. В отечественном правоведении дискуссии о понятии «источник права» ведутся в основном в аспекте его соотношения с формой права. По этому критерию позиции исследователей подразделены на три группы. Сторонники узконормативного подхода не разделяют источник и форму права, но понятие «источник права» трактуют по-разному: материальная или идеологическая первооснова права, специфическая форма выражения воли господствующего класса для придания ей значения нормы права (М.И. Байтин

и др.), своеобразная оболочка содержания юридической нормы (С.Л. Зивс и др.), вид государственной деятельности (Н.Г. Александров и др.) и др.

Второй подход представлен в трудах юридических позитивистов (Г.Ф. Шершеневич, Ф.В. Тарановский, И.Б. Новицкий, М.Н. Марченко и др.), разграничивающих понятие «источник права» в материальном смысле и форму права. Этот подход не решает проблему смешения понятий «источник» и «форма» права, но подчеркивает недостатки узконормативного понимания.

Третий подход включает позиции исследователей, разграничивающих понятия «источник» и «форма» права. Они представляют различные концепции правопонимания (Н.Н. Алексеев, Н.Н. Вопленко, А.В. Поляков и др.). Поэтому ими предложены различные обоснования отличия источника и формы права. Окончательно рассматриваемый вопрос в отечественной теории права не решен, что объясняется в том числе и пробелами в историко-правовом изучении источников российского права.

2. Источники права в государстве в переходном состоянии не представляют собой стабильной системы и могут рассматриваться как динамическая структура. Одни ее элементы завершают свое существование, другие трансформируются, а третьи только формируются. Такое многообразие приводит к дисбалансу и даже к разрушению сложившейся ранее иерархии в системе источников права. Основными признаками источников права в переходном состоянии государства следует признать их *антиномичность* (противоречивый характер), выражающийся в одновременном действии старых и новых источников права; *динамичность* как отражение постоянной трансформации социальных отношений; *неупорядоченность*, связанную с отсутствием в обществе сложившихся социальных и политических иерархий; *множественность*, вызванную снижением социальной значимости действовавших источников права и необходимостью поиска новых; *казуистичность*, то есть детерминированность конкретными обстоятельствами социальной действительности; *временный характер* их действия, определяемый задачами текущего момента.

3. Реализация марксистского подхода к праву показала, что прогнозы об отрицании права при переходе к социализму оказались неверными. Отрицание буржуазного права не привело к отказу от законодательного регулирования. За десять лет советской власти применение альтернативных закону источников права было существенно ограничено. Единственным источником формирования права провозглашалось пролетарское государство.

Социологическая школа права не оказала существенного влияния на систему источников советского права. Полагаем, это связано и с тем, что представители данного научного направления не занимали руководящих должностей в партии, органах власти и управления Советским государством. Поэтому вплоть до конца 20-х годов XX в. процесс формирования советской правовой доктрины в основном сопровождался дискуссиями между марксистской и психологической теориями правопонимания.

Победа в этой дискуссии марксистского правопонимания с одной стороны, способствовала завершению споров и выстраиванию системы советского законодательства в целом. С другой стороны, заложила в теорию источников права и ее практическое системное построение ряд противоречий. Законодательство лишилось самостоятельного правового содержания, что привело к необходимости постоянной смены законов для их соответствия первоочередным задачам, решаемым партией и государством.

4. Первую кодификацию советского права следует признать сложным многоэтапным юридически значимым процессом, в ходе которого на практике вырабатывались не только доктринальные подходы, принципы построения, содержание и форма советского законодательства, но и состав, иерархия источников советского права, пределы действия альтернативных закону источников права. В итоге удалось сформировать основные отрасли советского законодательства и осуществить их кодификацию. Кроме того, была преодолена сложившаяся в первые годы советской власти негативная практика самовольного издания законов на местах, а также закреплён приоритет законодательства высших и центральных органов советской власти

и управления, обязательность их исполнения на местном уровне. Упорядочение советского законодательства позволило заложить основы иерархического построения системы источников социалистического права.

5. В конце 20-х – 30-х годов в СССР возобладала тенденция единства и ограничения форм юридического выражения источников социалистического права. Они сохранили такие черты предыдущего периода как темпоральность, динамизм, классовый характер, тесную взаимосвязь с реальными общественными отношениями, социально-экономической структурой социалистического общества и политикой советского государства. Вместе с тем, в рассматриваемый период можно выделить и такие особенности как ограничение количества источников права, их неотделимость от государства и его политической надстройки, централизм, идеологическое единство, определенность и иерархичность, приоритет закона над иными источниками права. Неразрывность права и государства приводила к тому, что единственным источником права в Советском государстве стала воля государства, определяемая политическим руководством в лице коммунистической партии.

6. В Конституции СССР 1936 г. не удалось полностью преодолеть такой недостаток как множественность органов, издававших законы. Критерии разграничения законов и актов законодательного назначения, к которым можно отнести указы Президиума ВС СССР, содержащие общие нормы, отсутствовали. В условиях наличия в актах подзаконного характера, таких как постановления СНК СССР, советов народных комиссаров союзных и автономных республик общих норм права юридическое содержание советского закона фактически определялось компетенцией Верховного совета СССР, верховных советов союзных и автономных республик. При отсутствии четких разграничений между полномочиями властных и управленческих органов такой подход к юридической силе НПА создавал ряд негативных тенденций в системе источников социалистического права коллизионность, множественность, разобщенность, несогласованность, неупорядоченность,

нестабильность. Формальный подход к определению закона создавал трудности при разграничении законов и указов Президиума ВС СССР, определении юридической силы указов Президиума ВС СССР, а также установлении различия между нормативными и административными актами, административными актами и договорами.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена путем выступления с докладами на международных и всероссийских научно-практических конференциях, проходивших в городах Воронеж, Елец, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Таганрог, Курск, Краснодар.

Основные научные результаты опубликованы в 14 статьях, в том числе четыре статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ; 1 статья в сборнике научных статей, индексируемом в SCOPUS. Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» Южно-Российский институт управления.

Структура диссертации определяется поставленной целью, задачами, её предметом и включает введение, три главы, разделенные на шесть параграфов, заключение и список источников.

Глава 1. Научные подходы к понятию и классификации источников права в переходном состоянии государства

1.1 Основные научные подходы к понятию «источник права» в отечественном правоведении

Сравнивая и сопоставляя различные источники права, выделяя в них общее и различное ученые расширяют и углубляют знание о природе права и приводят его в систему. Зачастую для этого используется метод абстрагирования. Однако с его помощью сложно завершить познание во всей полноте его предмета, так как свести в единое логически целое понятие «источник права» очень сложно. Вместе с тем примирить единство со множеством и максимально учесть причинно-следственные ряды между ними позволяет историко-правовое исследование, приводя множество частных фактов в удобные и научно обоснованные конструкции.

Не менее важным для определения понятия различных источников права считаем их сравнение. Уяснение сходства отдельных источников права в различные исторические периоды позволяет выявить их сходные черты, в том числе определив их распространенность и продолжительность действия.

Небезразлично и то практиковался ли данный источник сотнями или миллионами людей. Недостаточно указать время появления и исчезновения источника права, необходимо выделить период, когда этот источник играл наиболее деятельную роль, а также установить его последовательные изменения. Для формулировки свойств необходимо выделить не только сходные, но и отличительные черты, чтобы убедиться в том, что выделенный признак типичен для целого.

Источники права, абстрактно обособленные в различные группы, в действительности имеют общие признаки и настолько связаны между собой, что определенное изменение в одной из групп влечет изменение в другой. Поэтому изучить понятие «источник права» можно только во взаимосвязи различных источников права одной правовой системы.

Таким образом, для определения отдельных групп источников права необходимо осуществить обзор, группировку и обобщение исторических фактов, критически оценив их значение и соединив отдельные выводы в общую систему. Такое исследование невозможно без применения исторического метода, так как только с его помощью можно преодолеть недостаток использования отвлеченных понятий, отчасти произвольных, составленных без знания совокупности условий и конкретных фактов их действия.

К примеру, понимание обычая как источника права только после его восприятия судом и обеспечения принудительной силой государства, то есть включения в систему позитивного права широко распространенное в советской и современной российской юридической науке приводит к смешению двух источников права¹.

Такой подход не только искусственно лишает правовой обычай его самостоятельной социальной роли, но и не соответствует историческим фактам. В России вплоть до начала XVIII в. высшие органы власти осуществляли кодификацию обычаев и признавали их юридическую силу в правоприменительной деятельности не только общественных, но и государственных судов. После проведения Крестьянской реформы 1861 г. правовой обычай был признан государством источником права в крестьянской среде.

Историко-правовое исследование способствует преодолению стереотипов в понимании источников права. Так, М.Н. Марченко, исследовавший природу источников права в романо-германской правовой семье, справедливо указал на устойчивое научное представление о том, что в рамках данной семьи закон считается основным источником права. Однако историко-правовое исследование отдельных национальных правовых систем, входящих в эту семью, показывает, что это не общее правило. К примеру, в

¹ Вопленко Н.Н. Источники и формы права: Учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С.49.

Греции, Швеции, Франции особое значение уделяется правовой доктрине и общим принципам права¹.

В России приоритет закона впервые был закреплен Петром I в Артикуле воинском в 1715 г. Однако следует помнить о том, что понимание закона существенно отличалось от современного, так как законом считалось волеизъявление Его императорского величества. Кроме того, по степени его распространенности среди лиц, в отношении которых действовало законодательство Российской империи, оно существенно уступало правовым обычаям. Возможно поэтому общепринятое понятие «закон» до сих пор отсутствует в отечественном правоведении.

Прав М.Н. Марченко, говоря о том, что общим признаком источников права в романо-германской правовой семье следует признать общность взаимосвязанных и взаимодействующих разнообразных источников права, выстроенных на определенных принципах в иерархию².

Характеристику научных подходов к понятию «источник права» предварим несколькими тезисами. Во-первых, наблюдается множественность научных подходов к понятию «источник права», многие из которых не просто различны, но и диаметрально противоположны³.

К примеру, такие позиции можно встретить в отношении юридической силы правовых обычаев в истории государств входящих в романо-германскую правовую семью. Подобное многообразие объясняется не только различием

¹ Марченко М.Н. Источники права. Учебное пособие. – М.: Норма, 2018. – С.454, 455.

² Там же. – С.456.

³ Одни авторы признают самостоятельность правовых обычаев и даже их исторический приоритет, и роль первоосновы для позитивного права (См.: Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. – СПб., 2001. – С.493, 494; Шатковская Т.В. Социальная реконструкция источников обычного права// Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. – С.32-41). Другие авторы полагают, что обычай, как и норма морали становится источником права и приобретает юридическую только после его признания государством в лице судебных органов, наделяющих обычай юридическим характером и определяющих объем его применения (См.: Михайловский И.В. Очерки философии права. Т.1. Томск: Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. 628. – С.277; Хвостов В.М. Общая теория права. – С.116; Вопленко Н.Н. Источники и формы права: Учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с. – С.49).

факторов, влияющих на их формирование и развитие одних и тех же источников права у разных народов, но и субъективизмом научных трактовок и оценок, в той или иной степени присущим любому гуманитарному, в том числе юридическому исследованию.

Достаточно напомнить о том, что юридическое сообщество неоднократно организовывало дискуссии с целью выработки единообразной дефиниции права и его признаков. Например, в СССР подобная дискуссия была организована в 70-х годах на страницах журнала «Советское государство и право». В результате советская юридическая наука пополнилась правовыми знаниями о взаимовлиянии государства и права, общества и права, но цель дискуссии так и не была достигнута.

Во-вторых, для понимания истинного смысла понятия «источник права» необходимо всестороннее исследование исторического процесса формирования и развития источников права на уровне национальной правовой системы. Только после этого методом обобщения можно определить общие признаки конкретных видов источников права в рамках национальной правовой системы, а затем их универсальные свойства. Даже соседние народы, живущие в сходных природно-климатических и географических условиях, зачастую имеют различную систему источников права, например Англия и Шотландия¹.

В-третьих, особенности национальной системы источников права и ее иерархическое построение складываются на протяжении веков и в разные исторические периоды, содержание, формы внешнего проявления и роль отдельных источников права меняются. Ряд источников утрачивают значение действующих и становятся источниками познания истории национального права. К примеру, акты церковного права в России вплоть до начала XX в. определяли не только правоотношения в православной церкви, но и

¹ Марченко М.Н. Указ. соч. – С.8, 9.

регулировали семейно-брачные отношения россиян¹. Для современного Российского светского государства данный источник имеет духовно-нравственное, воспитательное и познавательное значение.

Общепринятой в отечественном правоведении можно считать точку зрения, согласно которой правовые обычаи господствуют только в «младенческом состоянии права»², а затем уступают место другим источникам в первую очередь нормативно-правовым актам. Такое утверждение не стоит воспринимать однозначно. Достаточно вспомнить действенность *common law* в современных правовых системах англосаксонской правовой семьи, а также сохранение субсидиарного действия правовых обычаев в романо-германской правовой семье причем не только в частной сфере, но и в области государственного управления. Вместе с тем в иерархии современных источников правовые обычаи по юридической силе уступают законам.

С XVIII в. и до сегодняшнего дня в Европе наблюдается тенденция вытеснения источниками статутного права, подкрепленными силой государственного принуждения, так называемых неорганизованных (неофициальных) источников права³ и их сокращение в национальных правовых системах. Государственный правопорядок и определяющие его источники считаются общими и высшими по юридической силе, а все прочие источники не должны им противоречить⁴.

Следует отметить, что аналогичные процессы происходили и в России. Как писал Г.Ф. Шершеневич, «при Петре Великом закон вступает в открытую борьбу со стариной, и с того времени обычаю приходится довольствоваться

¹ Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. – С.9-16.

² Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней Руси. – М.: Университетская типография Катков и Ко. 1869. – 419 с.

³ Бергель Жан-Луи. Общая теория права. Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000– С.98.

⁴ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т.1. Томск, 1914. – С.276.

тем местом, какое отводит ему закон»¹. Данное утверждение учёного подтверждается и новейшими историко-правовыми исследованиями².

Не менее значимой тенденцией, имеющей мировое значение можно признать вытеснение по мере развития грамотности писанными неписанными источниками права, например таких как правовой обычай. Причинно-следственная связь между увеличением количества грамотного населения и повышением социальной значимости письменных источников права наблюдается у всех народов³.

Можно выделить и другую тенденцию. Она наглядно проявляется в условиях социально-экономических и политических кризисов, а также при изменении формы государства. Утрата легитимности законодательства в переходный период развития государства активизирует социальное значение традиционных, а также способствует появлению новых источников права. Причем в создании неорганизованных источников права⁴ участвует не только общество, но и государственные органы, и должностные лица⁵.

В отечественном правоведении понятие и классификация источников права вызвали продолжительную научную дискуссию и разнообразие научных подходов. Данное разнообразие порождается различием трактовок права представителями отдельных научных юридических школ. С конца XIX в. позитивистская школа права занимает в российской юридической науке

¹ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1908. – С.97.

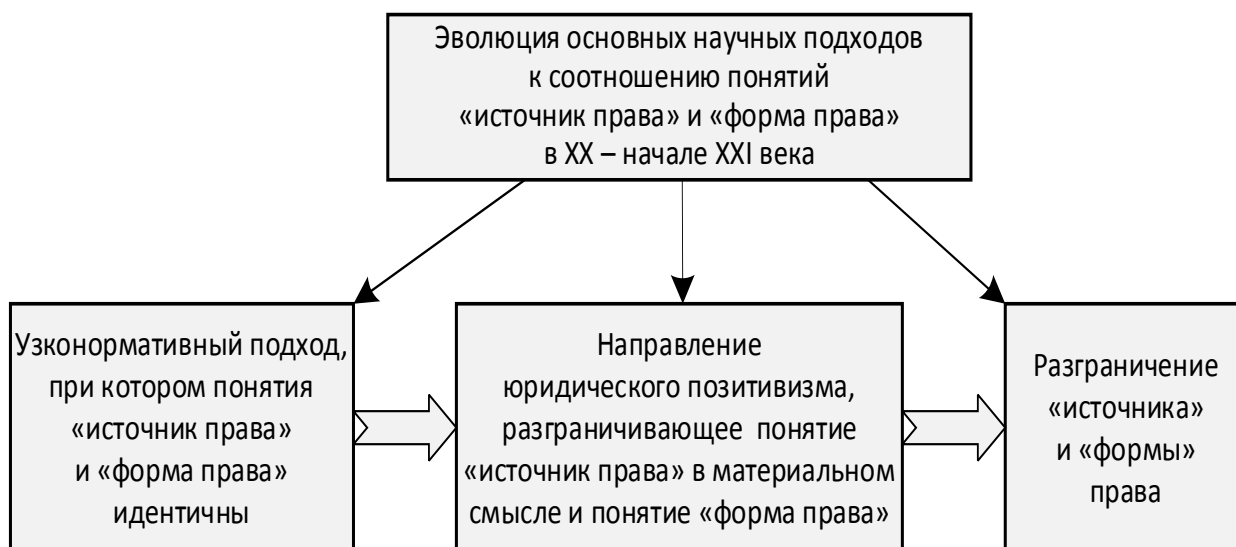
² Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. – С.188-222.

³ Феодорова М.Х. Значение фактора грамотности населения в досоветской истории кодификации права в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №4. – С.53-58.

⁴ Под неорганизованными источниками права понимаются самопроизвольно (спонтанно) возникшие правила правового поведения альтернативные организованным, введенным путем предписания, источникам права. Теоретической основой для определения неорганизованных и организованных источников права послужили труды: Бержель, Жан-Луи. Указ. соч. – С. 103-110; Гурвич, Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб.: Издательский Дом С. Петерб. Гос. ун-та, Издательство юридического факультета С. Петерб. Гос. ун-та, 2004. – С. 84-86.

⁵ Бержель Жан-Луи. Указ. соч. – С.96.

господствующее положение, в том числе и по вопросу об определении источников права. Позиции ученых можно упорядочить по определенным критериям. Прежде всего споры связаны с понятием «источник права» в аспекте его соотношения с понятием «форма права». По этому вопросу позиции исследователей можно подразделить на три группы¹:

В послевоенный период в советской юридической науке была наиболее распространена позиция, которую можно назвать узконоормативной. Она основана на наиболее консервативных положениях позитивистской концепции правопонимания. Сторонники этого подхода исходили из того, что формальная определенность и нормативность являются основным признаком права как властного регулятора общественных отношений, обеспечиваемого принудительной силой государства. Поэтому источник они трактуют как форму внешнего выражения содержания юридической нормы².

В частности, М.И. Байтин считал источник и форму права идентичными понятиями, означающими определенные способы выражения воли общества³. В одном из первых коллективных учебников по теории государства и права источники права трактуются двояко: как причина возникновения норм права, а

¹Схема составлена диссертантом.

² Диденко М. С. Эволюция основных научных подходов к понятию «источник права» в отечественном правоведении // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 154–160.

³ Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов. 2001. – С.67.

именно материальные условия жизни; как особая специфическая форма, в которую облекаются нормы права¹.

Этати́сты не разделяют источник и форму права, считая данные понятия тождественными. Однако на этом общность их позиций заканчивается, поскольку само понятие «источник права» трактуется и в значении материальной или идеологической первоосновы права, и как специфическая форма выражения воли господствующего класса для придания ей значения нормы права, икак своеобразная оболочка содержания юридической нормы², вид государственной деятельности³, а также процесс оформления права, придающий ему формальную определенность.

При этом деление источников права на организованные (официальные) и неорганизованные (неофициальные) не признавалось. Как писал С.Ф. Кечекьян, спорным в советской науке остался даже сам термин «источник права». Понятие источник (форма) права фактически приравнивалось к законодательству в широком смысле слова, поскольку право в их понимании не существует без государства⁴.

По мнению В.С. Нерсисянца, в современном государстве система источников права воспроизводит вертикальную структуру государственного управления. Юридическую силу источника права он определял в соответствии с местом органа его издавшего в механизме государства. Учёный считал, что только в традиционных правовых системах высшей юридической силой могут обладать источники права негосударственного происхождения⁵. В современных правовых системах юридическими механизмами государства и единством выраженной в законе верховной государственной воли

¹ Теория государства и права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – С.362, 363.

² Зивс С.Л. Источники права. – М., 1981. – С.9.

³ Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые записки ВЮОН. Вып. VIII. – М., 1946. – С.49, 51.

⁴ Теория государства и права. – С.364.

⁵ Нерсисянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – С.267.

обеспечивается «четкая соподчиненность источников права». Деформации системы государственного управления нарушают единство источников права и режим законности¹.

Различия в формах (источниках) права В.С. Нерсисянц связывал с факторами на них влияющими и способами их формирования. Так, обычай, по его мнению, происходит снизу из «реальных правоотношений». Все остальные источники права связаны с волеизъявлением государства, их появление регламентировано формально-юридическими процедурами и осуществляется сверху соответствующими органами государственной власти.

В традиционных правовых системах вертикальный механизм ученый связывал с надгосударственными силами, как правило, божественного происхождения. Общей тенденцией эволюции источников права он считал вытеснение источников негосударственного происхождения позитивным правом².

Недостатки данного подхода связаны с проблемами узконормативного подхода к праву. Они довольно подробно раскрыты в научной литературе. В этой связи выделим лишь то, что касается источников права. Во-первых, преувеличение значения государства как единственной созидательной силы, создающей источники права и придающей им обязательную силу. Это односторонний подход к источникам права, исключающий приобретение источником формы права без участия государства, то есть происходит абсолютизация официальных источников права в ущерб прочим.

Как писал Н.Л. Дювернуа, только с призвания князей «единство духовное, единство языка и нравов в восточном славянском мире ищет себе внешнего выражения и только отсюда может идти история русского права»³. Такой подход ограничивает теорию источников права учением об отдельных

¹ Нерсисянц В.С. Указ. соч. – С.268.

² Там же. – С.269.

³ Дювернуа Н.Л. Указ. соч. – С.23.

видах положительного права, на что справедливо указывали Н.Н. Алексеев и Л.И. Петражицкий¹.

Во-вторых, ограниченное восприятие источников права только как внешней оболочки юридической нормы, выражающей волю господствующего класса, устанавливает верховенство государства над правом и полностью исключает обязанность государства закрепить и гарантировать реализацию принципа верховенства права.

В-третьих, практичность данного научного подхода достигается за счет упрощенного восприятия источников права, отказа от признания высокого социального значения договоров и иных соглашений лиц и их организаций, правовых обычаев, судебной практики, правовой доктрины. Все это приводит к обратному результату, а именно к умозрительности нормативизма, его несоответствию реалиям юридической практики и ограничению теории источников права только положительным правом, то есть правом в объективном смысле.

Согласимся с тем как Н.Н. Алексеев объяснил методологические причины вышеназванных недостатков господствующего научного подхода к источникам права. Он полагал, что данный подход «построен на изучении случайных исторических явлений, а не на разумении истинно необходимых отношений и связей» и устанавливает «режим монополии положительного права»². Ученый справедливо полагал, что «нормоустанавливающими» следует признавать и акты государственной воли, и акты волеизъявления отдельных лиц³.

Другой научный подход к соотношению «источника» и «формы» права представлен в отечественной науке трудами отдельных представителей современных позитивистов, полагающих, что в связи с разнообразием понятия

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – С.152.

² Алексеев Н.Н. Указ. соч. – С.153.

³ Там же. – С.154.

«источник права», оно в определенных случаях может не совпадать с формой права, а значит данные понятия нельзя рассматривать как равнозначные.

Одним из первых в отечественной юридической науке это разграничение попытался осуществить Г.Ф. Шершеневич. Он определял источник права как «формы выражения права», имеющие значение «обязательных средств ознакомления с действующим правом» прежде всего такие как закон и обычай¹. Учёный отмечал, что данное определение не соответствует принятому в науке пониманию источника как силы, творящей право, и полагал, что предлагаемое им значение скорее подходит к понятию форма права².

Три основных значения термина «источник права» выделил Ф.В. Тарановский. Во-первых, как источник познания права. Во-вторых, как материальные факторы (собственно все факторы общественного развития), влияющие на процесс правообразования. В-третьих, внешние факторы, с которыми связывается «установление объективно обязательных юридических норм», то есть источники в формальном смысле³.

Многообразие смыслов делает этот термин, по мнению Ф.В. Тарановского неудачным. Только в третьем значении источник права понимается в специально-юридическом формальном смысле и это надо всякий раз оговаривать. Поэтому он считал целесообразным поддержать предложенный Л.И. Петражицким термин «нормативный факт», который отражает процесс «позитивации права», то есть «превращения известного представления, мнения, суждения о правах и обязанностях в общеобязательную норму поведения».

При этом Ф.В. Тарановский указывал на необходимость разграничения «нормативного» и «юридического» факта. Для этого он критически

¹ Шершеневич Г.Ф. Избранное. Том 4, включая Общую теорию права. Сборник научных трудов. – М.: Статут, 2016. – С.95.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С.95, 96.

³ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Типография К. Маттисена, 1917.– С.168.

переосмыслил теорию нормативных фактов Л.И. Петражицкого. Он отмечал, что первый раскрывает механизм установления юридической нормы, например издание закона, а второй – обстоятельства, с которыми юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение юридического отношения, к примеру юридическая сделка¹.

Таким образом, Ф.В. Тарановский считал необходимым отказаться от термина «источник права» в силу сложившейся в науке множественности его значений и перейти в специально-юридических исследованиях к понятию «нормативный факт», предложенному Л.И. Петражицким. Он выделил четыре вида источников права (нормативных фактов) в зависимости от внешнего авторитета («правотворящего авторитета») его устанавливающего: установление единоличного авторитета (физического или юридического лица); установление (соглашение) двух или нескольких физических или юридических лиц; установление коллективного (массового) авторитета; установление государственных органов, в том числе судебная практика².

Исходя из этого он предложил четыре вида формально правотворящего авторитета (Бог, государство, отдельные частные лица, обладающие особым нравственным достоинством или профессиональными познаниями, например пророки или авторитетные ученые-правоведы в эпоху римского права; группа лиц, осуществляющая «однообразное массовое поведение, сопровождаемое сознанием его общественной необходимости», отдельные государственные органы и учреждения)³.

В ряду данных авторитетов Ф.В. Тарановский выделял государство, справедливо отмечая, что только государственная власть в состоянии устранять частный и общественный произвол и водворять общие начала

¹ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Типография К. Маттисена, 1917. – С.169.

² Там же. – С.171.

³ Диденко М. С. Эволюция основных научных подходов к понятию «источник права» в отечественном правоведении. – С. 157.

законности¹. Развитие иных источников права он видел возможным только в тех государствах, где прочно установилось начало законности и укоренилось стремление населения к объективной оценке социального поведения.

Вместе следует учитывать то, что эпоха формирования государством правовых систем наступила на поздних этапах истории человечества. Как писал Г.В. Мальцев, «анализ силовых потоков современных правовых систем показывает разнообразную и пеструю картину: государство выступает не единственным, часто не главным правообразующим фактором»². На волеизъявление иных помимо государства внешних авторитетов как фактор появления источников права указывают и западные правоведы³.

Под источником права Ф.В. Тарановский понимал не процесс объективации юридической нормы или фактор, косвенно повлиявший на него, а факт, приведший к объективации («позитивации») нормы, то есть ставший ее непосредственной причиной⁴.

В современной юридической науке данный подход нашел продолжение в исследовании об источниках права М.Н. Марченко, который по своим научным воззрениям может быть отнесен к представителям широкого позитивистского правопонимания. Ученый во многом развивал идеи Ф.В. Тарановского. Он полагал, что право по своей природе формально. В каждой национальной правовой системе имеется система форм, занимающих строго регламентированное место. Он определяет форму права как «способ (средство, прием) внутренней организации и внешнего выражения» содержащихся в нормах права правил поведения и опосредующих их содержание.

При определении источника права М.Н. Марченко считал необходимым исходить из троякой этимологии слова «источник», объединяет которую

¹ Тарановский Ф.В. Указ. соч. – С.178.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М: Норма, 2011.– С.558.

³ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998.– С.28.

⁴ Тарановский Ф.В. Указ. соч. – С.172.

смысловое значение первоосновы чего-либо¹. Он выделил два основных подхода к пониманию источника права в отечественном правоведении (философский и специально-юридический).

Исследователь полагал, что специально-юридическое значение рассматриваемого понятия отличается наибольшей разработанностью, распространённостью и определенностью, что придает ему и практическую применимость. При этом авторского определения понятия «источник права» М.Н. Марченко не сформулировал. Он считал, что в каждой национальной правовой системе существует своя система источников права за некоторыми исключениями, связанными с действием определенных источников права в разных правовых семьях².

По вопросу о соотношении источника и формы права М.Н. Марченко высказал позицию о том, что об их совпадении можно говорить только применительно к формально-юридическим источникам. Их он именовал вторичными. Полагаем, что в его высказывании наблюдается противоречие. Форма, по мнению М.Н. Марченко, указывает на способ организации права, а источник – на факторы, определяющие форму и ее содержание³. Тем самым даже в специально-юридическом смысле данные понятия не совпадают и объективно использовать их как взаимозаменяемые не представляется возможным.

Как представляется, данный подход не решает проблему смешения понятий «источник» и «форма» права, а лишь подчеркивает недостатки узконормативного понимания. Совпадение в формально-юридическом смысле рассматриваемых терминов указывает как представляется на то, что узконормативное понимание источника противоречит его этимологическому значению.

¹ Марченко М.Н. Указ. соч. – С.50.

² Марченко М.Н. Указ. соч. – С.57.

³ Там же. – С.61, 62.

Фактически под источником представители данного направления понимают форму права. Аналогичная точка зрения нам встретилась в трудах известного теоретика права А.Ф. Шебанова. Он указывал на то, что понятие «источник права» в формальном смысле не соответствует пониманию данного слова в русском языке и предлагал использовать в этом значении термин «форма права»¹.

Третий подход включает позиции исследователей, разграничивающих понятия «источник» и «форма» права. К примеру, Н.Н. Алексеев определял источник права как «все что способно устанавливать права и обязанности». Он соотносит источники права с нормативными фактами, в которых может жить имманентная им ценность².

Нормоустановительные факты Н.Н. Алексеев считал первичными источниками права. Они способствуют образованию норм и иных предписаний с соответствующими им толкованиями, то есть всего того, что составляет положительное право и поддерживает положительный правопорядок.

Современное государство как высший носитель власти выступает с точки зрения Н.Н. Алексеева первичным источником всякого права³. В существе государства как единства абсолютного характера имеются идеальные свойства, порождающие правовые связи не только всех наличных членов государства, но и прошлых и будущих поколений граждан.

Учёный подчеркивал, что признание государственных велений в качестве первичных источников права и низведение всех остальных источников до уровня вторичных или производных в современной теории права связано с монополией государства на правотворчество, но не имеет действительно необходимых основ. В сфере свободного правотворчества источники права приобретают черты, не сходные с позитивистской общей

¹ Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – С.42-43.

² Алексеев Н.Н. Основы философии права. – С.165, 166.

³ Там же. – С.160, 161.

теорией права. Такое отличие связано прежде всего с качественным отличием внешнего авторитета, объективирующего сложившиеся правила поведения в юридическую норму.

Представители коммуникативного подхода в отечественном правоведении предлагают иное обоснование отличия источника и формы права. Так, А.В. Поляков под источником права понимает основания прав и обязанностей или «должного, конституирующего право, которым обладает субъект»¹. При этом он разделяет источники права на внетекстуальные (деятельность членов общества, в ходе которой «реализуются разнообразные человеческие потребности» и создаются различные формы объективированных текстов) и текстуальные (типичное и значимое в интересующей деятельности, «основанное на ценностных аспектах как материальной, так и духовной культуры, через обыкновения, волевое императивное установление или договор»)².

В свою очередь текстуальные источники права А.В. Поляков подразделил на мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, судебную и административную практику, правовые доктрины, священные книги, автономные и гетеромные правовые акты³.

Правовые тексты, по А.В. Полякову, могут иметь различные формы объективации, в том числе и государственно-признанные. Именно они, как правило, и признаются источниками права согласно узконормативному (этактистскому) подходу к праву.

В позитивистской юриспруденции попытку разграничения источника и формы права предпринял Н.Н. Вопленко, что прямо следует из названия его работы. Он справедливо указал на то, что широкое понимание «источника права» возможно только в образном, метафорическом смысле, а строго

¹ Поляков А. В. Общая теория права. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – С.649.

² Там же. – С.649.

³ Поляков А. В. Общая теория права. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – С.651-652.

научное понимание должно базироваться на категориях сущности, содержания и формы права¹. Исходя из этого форму права ученый определял как «систему официально установленных юридических документов, содержащих в себе нормативно выраженную государственную волю». Под источником права он понимал «официально принятые в государстве способы и формы возведения в закон государственной воли, рассчитанной на неоднократное применение»².

Как следует из определения, Н.Н. Вопленко не удалось полностью преодолеть недостатки узконормативного подхода к пониманию источника права. Так, он полагал, что в специальном юридическом смысле термин «источник» совпадает по смыслу с формой права³.

Кроме того, раскрывая понятие «источник права» как способы внешнего выражения государственной воли Н.Н. Вопленко исключал источники негосударственного происхождения из числа источников национального права, что не соответствует принципу научной объективности и реалиям юридической практики. В его понимании только внешний авторитет государства придает источнику правовой характер.

Рассмотренные научные подходы к соотношению понятий «источник» и «форма» права представляют собой своеобразную эволюцию научных представлений об источнике права в XX – нач. XXI в. Смещение источников и форм права присуще не только советским, но и досоветским сторонникам позитивизма в юридической науке⁴.

Отечественные правоведы выявили недостатки и неприемлемость узконормативного подхода к понятию источник права и его разграничению с иными юридическими терминами. Однако окончательно вопрос о необходимости разграничения понятий «источник» и «форма» права не решен.

Так, известный российский правовед Г.В. Мальцев, как представляется, правильно указывал на то, что своими регулятивными свойствами норма

¹ Вопленко Н.Н. Указ. соч. – С.3.

² Вопленко Н.Н. Указ. соч.– С.4.

³ Там же. – С.4.

⁴ См.: Хвостов В.М. Общая теория права. – С.114, 115.

обязана номустанавливающему акту, благодаря которому она появляется на свет и выражается в определенной форме в зависимости от ее социальной значимости. В понятие такого акта он включал действия публичных субъектов, обладающих легитимными полномочиями осуществлять регулятивные функции¹. Однако расширение номустанавливающегося акта за счет результата действий внешнего авторитета привело ученого к отождествлению источника и формы права.

В отношении классификации источников права в отечественном правоведении также наблюдаются значительные расхождения в научных позициях, что объясняется многообразием исходного понятия, а также различным отношением ученых к содержательным и формальным аспектам понятия «источник права».

Наиболее распространена классификация источников права по их природе и характеру явлений действительности, влияющих на правообразование, на реальные (материальные, социальные, культурные и др.) и формально-юридические. К примеру, В.И. Сергеевич указывал на двойственность понятия «источник права». С одной стороны, источник воспринимался им как сила создающая. С другой стороны, как продукт этой силы.

Так, судья берет норму для решения конкретного случая из закона, который является источником права отдельных лиц². По мнению ученого, такая классификация не разграничивает, а взаимодополняет понятие «источник права», так как раскрывает порядок создания и собственно результат формирования «норм обычного или законодательного права».

Все вышеизложенное не только показывает различия в научных подходах отечественных ученых к понятию и системе источников права, но и позволяет выделить в них общие положения.

¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. – С.626, 627.

² Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1910. – С.4.

Большинство учёных признает, что с момента появления государства как высшего властного авторитета оно оказывает наиболее существенное влияние на систему источников права. Этому способствовало возобладание в современном обществе идеи монополии узаконенного государственного принуждения как легитимного средства борьбы за социальный мир против беспорядочного насилия (самосуды, кровная месть и др.). В частности, роль религии в осуществлении государственной власти во многом определяет место священных книг и актов религиозных организаций в системе действующих источников права и характер их влияния на светские источники права.

Форма государства, в том числе организация государственного управления признается основным критерием при определении иерархии источников права по степени их юридической силы. К примеру, в современной республике источники статутного права формируются специальным законодательным органом, который на определенных условиях делегирует законотворчество исполнительно-распорядительным органам власти.

Важно, что и исторические формы правления государства определяют наиболее устойчивые свойства системы источников национального права. Так, в государствах, имеющих длительную традицию сильной монархической власти при переходе к республиканской форме правления сохраняются отдельные признаки системы источников права монархического государства.

В частности наблюдается, ключевая роль главы государства и органов исполнительной власти в формировании статусного права, отсутствие чёткого разграничения между административными и подзаконными актами, субсидиарное значение неорганизованных источников права по отношению к организованным прежде всего к нормативно-правовым актам.

Качественные характеристики общества также определяют строение системы источников права. В числе таких характеристик выделяют уровень грамотности и образованности населения, влияющих на соотношение письменных и устных источников права. Социально-классовая структура и стратификация общества определяют степень сегментированности источников

права, а также состав внешних авторитетов, устанавливающих источники права. Основные виды хозяйственной деятельности (аграрная или индустриальная экономика) влияют на содержание, структуру, форму и динамику развития источников права. Развитие науки и техники, урбанизации обуславливает характер и содержание общественных отношений как предпосылок для образования юридических норм.

Наиболее распространена в отечественной науке классификация источников права по характеру правообразующего факта, то есть факта служащего непосредственной причиной объективации юридических норм. Исходя из этого источники права подразделяют на материальные (в отдельных исследованиях их называют первичными, генетическими и др.) и формальные (вторичные, специально-юридические и др.). Данная классификация постоянно подвергается критике, но воспроизводится в исследованиях¹.

Так, Н.Н. Вопленко полагал, что в этой классификации имеется противоречие между правотворческой деятельностью государства, влияющей на процессы «правосозидания» непосредственно, и опосредованным воздействием на них разнообразных материальных факторов. Учёный предлагал собственную классификацию, подразделяющую источники права на социальные, юридические и легальные². Однако данная классификация не имеет единого критерия и не приводит к разграничению источников права и предпосылок (факторов), косвенно влияющих на образование права, к примеру воздействующих на формирование иных социальных (моральных, этических, корпоративных, религиозных и др.) норм.

Как представляется разрешение указанного противоречия было дано еще П.Г. Виноградовым, Л.И. Петражицким, Ф.В. Тарановским, Н.Н. Алексеевым. Они полагали, что источником права может быть только факт, непосредственно приведший к объективации юридических норм. Материальные факторы, опосредованно влияющие на правообразование –

¹ См.: Вопленко Н.Н. Указ. соч. – С.12, 13; Поляков А.В. Указ. соч. – С.648.

² Вопленко Н.Н. Указ. соч. – С.24, 25.

лишь предпосылки данного процесса, между которыми сложно установить прямую причинно-следственную связь.

К аналогичным выводам пришел С.Л. Зивс и предложил заменить материальные источники «факторами, определяющими содержание права данного общества»¹. Считаем, что данное предложение вызывает научный интерес, заслуживает поддержки и дальнейшего развития.

Таким образом, достигнутые отечественным правоведением результаты на пути к формированию общепринятого понятия «источник прав» позволяют сформулировать следующие выводы:

- этимологическое разнообразие смысла слова «источник» не дает оснований для его широкой трактовки и смешения со сходными терминами прежде всего форма права или памятник права. Данный вывод вытекает из особенностей юридической терминологии, предполагающей определенность и прояснение смысла термина, который впоследствии может стать законодательной дефиницией. В этой связи следует вспомнить слова И.А. Ильина о том, что есть знание – это верные, ясные и отчетливые представления об определенном предмете, «смутные сбивчивые представления не имеют цены в науке»². Поэтому смешение понятия «источник права» с такими терминами как «форма права», «памятник права», «истоки права», а также выражениями «предпосылка для образования юридической нормы», стало своеобразным обычаем в юридической науке, который критикуют и вместе с тем соблюдают;

- длительное использование в правоведении юридического термина «источник права» и слабое распространение предлагаемых ему аналогов, например «нормативный факт», служит основанием для его сохранения, но научно-критического переосмысления. Для этого его необходимо отделить от

¹ Зивс С.Л. Указ. соч. – С.22.

² Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2006.– С.47.

других терминов и определить его составляющие, имеющие собственно юридическое значение;

- тенденция к обновлению, усложнению и сегментации общественных отношений приводит к разнообразию объектов и расширению сферы правового регулирования, что обуславливает социальную потребность как в общих, так и в конкретных правилах поведения для упорядочивания различных по масштабу и формату отношений. Данная потребность противоречит тенденции монополизации правотворчества государством, аппарат которого не предназначен для детального урегулирования индивидуальных потребностей и создания конкретных юридических норм. Поэтому система источников права современного государства для обеспечения в нем нормативного порядка должна включать области немонополизированного, но контролируемого государством и обществом правообразования.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать следующее *определение источника права* – это волевой нормоустанавливающий акт, организующий многократно воспроизводимые реальные социальные связи и объективирующий их в юридической норме силой способного осуществлять принуждение внешнего авторитета; обладающий ценностью и нормативным значением.

Следует отметить, что данное определение позволяет разграничить три основных источника права по условиям их возникновения. Обычай возникает по воле социальной группы путем постоянного и длительного применения. Закон разрабатывается властными органами и выражает их волю, которая в правовом государстве должна соответствовать общим интересам. Судебная практика формируется судьями в ходе рассмотрения дел. Эти решения служат моделью при рассмотрении аналогичных дел.

1.2 Признаки и особенности источников права в переходном состоянии государства

Изучение источников права в переходном состоянии государства обладает высокой степенью актуальности. В этот период можно выявить наиболее жизнеспособные и устойчивые источники и формы права, тесно связанные с мировоззрением народа и составляющие его своеобразную «нормативную идеологию»¹.

Это особенно важно в современных условиях, когда происходит сокращение периодов стабильности и активизируются процессы радикальных изменений при переходе от старого к новому общественному устройству. В такие времена изучение исторического опыта функционирования переходных систем приобретает особую научно-практическую значимость.

Сегодня требуется концептуальное переосмысление правоведением феномена переходности, так как теория линейно-прогрессивного развития социальных процессов², господствовавшая в науке более трех столетий не подтверждается историческими фактами.

В частности, не наблюдается возрастание положительных тенденций от преобразований человеческой жизнедеятельности в более совершенные формы бытия. Не менее спорен сегодня и тезис мыслителей эпохи Просвещения о приоритете нового по отношению к старому, невозможности возврата к прежним порядкам и неизбежности перехода к новому.

Применительно к государству линейно-прогрессивная концепция достигла апогея в трудах Гегеля. Он рассматривал государство как достижение абсолютной конечной цели развития. Право в его теории заняло место высшей меры государства, основы качественных изменений государства и перехода

¹ Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Указ. соч. – С.15.

² Данная теория получила концептуальное обоснования в трудах немецких и французских просветителей. В частности: Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – Л., 1940. – С.44,45; Гольбах П.А. Избранные произведения. – М., 1963. – С.69-101; Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С.73, 74, 116.

его от одной формы к другой¹. Тем самым изменения в праве в теории Гегеля выступали источником такого феномена как переходность государства.

Недостатки линейно-прогрессивного подхода подтолкнули отечественных правоведов второй половины XIX- начала XX в. к поиску новых теорий исторического развития государства и права. Его результатом стало обоснование идеи циклической повторяемости явлений и процессов общественной жизни локальных систем определенного культурно-исторического типа, получившей наиболее отчетливое выражение в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.И. Кареева и др.

Так, Н.Я. Данилевский предложил циклы (стадии и фазы) в развитии общественных систем определенного культурно-исторического типа². Три этапа в развитии государственного организма на пути от рождения до гибели выделил К.Н. Леонтьев³.

Против прямолинейности исторического процесса выступал Н.И. Кареев⁴. В противовес необратимости идеи прогресса сторонники циклического времени обосновывали повторяемость в развитии общественных систем, в том числе и государств.

К феномену переходности сторонники циклической парадигмы развития государств подходили по-разному. По мнению Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, переходность служит толчком движения к новому циклу и связана с неизбежной гибелью общественных систем.

В середине XIX в. высказывались и иные позиции, о положительном и даже творчески преобразующем характере переходности. К примеру, Т.Н. Грановский считал переходные эпохи заслуживающими особого внимания учёных, так как в этот период отмирания старого и возникновения

¹ Гегель Г. Лекции по философии истории. – СПб., 1993. – С.89,90.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С.87.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993. – С.92, 93.

⁴ Кареев Н.И. Лекции о духе русской науки. – Варшава, 1885. – С.18.

нового в общественных отношения прослеживались творческие силы истории¹.

Положительная роль переходности при изменении общественных экономических формаций обоснована в марксистском учении. Особое внимание уделено социальной революции как способу избавления от оков старых производственных отношений и перехода к новым².

Марксистский подход представляет собой синтез линейно-прогрессивного и циклического отношения к переходности. В нем переходность рассматривается как преодоление противоречий при неизбежной смене способов производства. Непременным условием смены общественных формаций являются изменения не только экономического базиса, но и юридической надстройки.

Анализ вышеперечисленных и иных научных подходов к феномену переходности, например циклически-волновой теории Н.Д. Кондратьева³, теорий модернизации и трансформации, объясняющих изменения в государственной строе стран «догоняющего» типа распространением влияния западной цивилизации⁴ и др. позволяет сделать следующие выводы:

- социально-экономические и политические изменения в национальных государствах периода модерна и постмодерна имеют нелинейный, слабо предсказуемый, циклический характер. Усложнение и открытость общественных систем приводит к тому, что конфликты в любой сфере быстро распространяются и для их решения требуются новые способы и методы организации и осуществления публичной власти и правотворчества. Их выработка и реализация порождает переходные процессы, затрагивающие различные области общественных отношений;

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М., 1986. – С.314, 315.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.13. – М., 1961. – С.7,8.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – С.203.

⁴ См.: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. – М., 1999.

- переходность следует рассматривать как общеисторический феномен, имеющий широкое значение и сопровождающийся разнообразными взаимосвязанными переходными процессами. Их изучение дает возможность определить характер взаимосвязи и особенности взаимодействия старых и новых общественных отношений, в том числе механизм трансформации государственного и правового строя, обстоятельства и особенности смены их качественных характеристик;

- переходность применительно к процессам, происходящим в государстве и системе права, в научной литературе именуется как переходное состояние государства и права, сопровождаемое глубокими изменениями и кардинальными преобразованиями общественной системы. Переходное состояние не является основанием для выделения государства нового типа, так как государства в этом состоянии содержат признаки тех типов государства, к которым они переходят;

- изменения общественных отношений в переходный период активизируют процессы трансформации не только действующего законодательства, но и системы права в целом. Данный процесс проявляется в разных формах, в том числе в утрате легитимности несправедливых и не отражающих реальные интересы населения правовых предписаний; смене политико-правовых идей и концепций государственного развития, определяющих цель, задачи и содержание законодательства, а также юридико-идеологических основ жизни общества, государственного строя, публично-властных отношений и правокультурных требований к личности, обществу и государству.

В исследовании исходим из понимания переходности в контексте постнеклассических юридических представлений о мире как о саморазвивающейся системе, развивающейся по принципу необратимости процессов эволюции, то есть неповторимости исходных состояний общественных систем. Поэтому развитие государства и права происходит от

одного устойчивого состояния к другому, проходя при этом точки неустойчивости (бифуркации).

Закономерность такого движения дает новое («человекоразмерное») представление о детерминированности государственно-правовых явлений экономическими и иными факторами. Такая детерминация представляется не как жесткая причинно-следственная связь, а определенный набор возможностей выбора человеком дальнейшего пути развития. Исходя из этого, исследователь, детерминированный общекультурными ценностями, выступает и в роли преобразователя объекта исследования, формируя стратегию его последующих изменений.

Государства в переходных условиях представляют особый научный интерес для изучения источников права, так как в данный период ослабевает давление государственных институтов на сферу правообразования. Вследствие этого сокращается область монополизированного ими правотворчества и начинают работать процессы, названные в юридической литературе свободным правообразованием. В такие периоды проходят проверку на прочность и обновляются сложившиеся и действующие веками источники права, например правовые обычаи, судебная практика, появляются их новые разновидности и внешние правотворящие авторитеты.

Отечественная правовая наука внесла существенный вклад в изучение вопросов функционирования государства в переходных условиях. Среди современных исследователей можно выделить работы А.И. Ковлера¹, М.Н. Марченко, П.А. Сорокина, В.В. Сорокина², В.Е. Чиркина³, А.Н. Медушевского, Я.В. Бакарджиева⁴, В.В. Огородникова¹ и др.

¹ Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. – М., 1990. – С.159.

² Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 424 с.

³ Чиркин В.Е. Переходные государственные формы (формы государства переходные к социалистическому типу). – Свердловск, 1963. – С.11.

⁴ Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). – С.69-79.

Следует отметить, что научные подходы к изучению государств в переходных состояниях разнообразны. В отношении возможности выделения самостоятельного типа переходного государства имеются две основные позиции. Одни авторы (В.В. Сорокин, В.В. Огородников, В.Е. Чиркин, М.Н. Марченко, Д.И. Чесноков², В.М. Якушик³ и др.) в разных интерпретациях доказывают существование государств переходного типа как отдельной разновидности государств.

В коллективном учебнике, подготовленном коллективом кафедры теории государства и права МГУ под редакцией М.Н. Марченко, отмечалось наличие государства и права переходного типа как выражение особого этапа эволюции. Авторы учебника выделили «общеродовые признаки и черты», отличающие их от государств в нормальном состоянии⁴.

Государства переходного типа, по мнению авторов учебника, являются временными, но изменяющими сущность государства. Они характеризуются рядом «печальных закономерностей»⁵. В частности, отмечается резкое ухудшение материальных, социальных, культурных и политических условий жизни, что приводит к снижению уровня нравственности населения и иным негативным последствиям.

В исследовании В.В. Огородникова переходное состояние представлено как один из элементов формы государства. Он полагает, что у данного «особого порядка организации государственной власти» имеется «самостоятельная структура», «проявляющаяся в системе законодательства». Учёный попытался классифицировать переходные состояния политических режимов с позиций методологического единства.

¹ Огородников В.В. Переходные состояния политического режима в теории государства. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – 211 с.

² Чесноков Д.И. Исторический материализм. – М., 1965. – С.302.

³ Якушик В.М. Государство переходного типа: вопросы теории. – Киев, 1991. – 199 с.

⁴ Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: учебник для вузов. Под редакцией М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – С.80, 81.

⁵ Там же. – С.83, 84.

В результате В.В. Огородников выделил более десяти различных подвидов переходных состояний государства, имеющих, по нашему мнению, только познавательное значение. Его классификация не в полной мере отвечает критерию научной объективности.

К примеру, выделение «миросистемного переходного состояния политического режима»¹, вызывает вопросы, так как в теории государства политический режим принято определять как элемент формы национального государства. Кроме того, вызывает дискуссию позиция автора о том, что к переходному состоянию государство в основном приводят качественные изменения экономических отношений².

Другие ученые (А.Б. Венгеров³, А.И. Ковлер⁴ и др.) считают, что выделение государства переходного типа нецелесообразно, так как и в переходных состояниях государство сохраняет и проявляет все признаки, присущие любому государству.

Действительно, признание циклической модели общественного развития дает основание для утверждения о возможной частичной реставрации институтов и порядков старого государственного строя на пути к новой форме государства. Качественные изменения, происходящие на этом пути и получившие название переходного состояния, не обладают необходимыми для самостоятельного типа государства устойчивыми и повторяющимися признаками.

По вопросу о социальной значимости переходных состояний государства мнения ученых также разделились. Ряд исследователей утверждает, что такое состояние государства порождено глубоким кризисом и серьезными социально-политическими и экономическими противоречиями и в целом носит деструктивный характер.

¹ Огородников В.В. Указ. соч. – С.86.

² Огородников В.В. Указ. соч. – С.76.

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права: в 2 т. Т.1. – М., 1995. – С.92.

⁴ Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI в. – М., 1997. –101 с.

В отечественной юриспруденции данный подход наиболее отчетливо просматривается в трудах советских юристов. Вслед за классиками марксизма-ленинизма такие учёные как С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, В.Л. Вегер¹, А.С. Пиголкин, Ю.А. Юдин² и др. рассматривали переходное состояние как революционное изменение буржуазного строя в период построения социализма, а затем коммунизма. Эти изменения сопровождались радикальной ломкой правовой надстройки с помощью государства как орудия преобразовательной деятельности.

Современные ученые в большинстве своём придерживаются позиции о преобладании негативных черт в переходном состоянии государства. Так, А.С. Архиезер полагает, что в переходном состоянии государство может базироваться на утопичных идеалах. Их реализация невозможна, но осуществляется с максимальным напряжением социальных и экономических сил, что оборачивается дезорганизацией общества и внутригосударственными конфликтами³.

По мнению Н.Б. Пахоленко, государственная власть в переходном состоянии может стать взрывоопасным фактором для общественных отношений, так как представляет собой явление противоречивое и деструктивное. Он объясняет это тем, что осуществление властных полномочий представляет собой эклектическое сочетание способов, приемов и методов управления различных исторических эпох⁴.

Не менее категоричны А.Н. Данилов и В.В. Сорокин. Как полагает А.Н. Данилов, переходное состояние для государства и общества можно

¹ Вегер В.Л. Право и государство переходного времени. – М.: Издание Коммунистического университета им. Свердлова, 1924. – 131 с.

² Юдин Ю.А. Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). – М., 1975. – С.4.

³ Архиезер А.С. Методология социокультурного исследования переходных процессов (на материале России). Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 1997. – С.15, 16.

⁴ Пахоленко Н.Б. От тоталитаризма к демократии: о функциях государства в переходный период // Политические проблемы теории государства. – М., 1993. – С.35.

считать чрезвычайным¹. С точки зрения В.В. Сорокина, с переходным государством связаны многие потери для общества. Причем не только социально-экономического, политического, нравственного, духовного, но и правового свойства. Он указывает на отсутствие правовой базы государства в переходный период и наличие угрозы существования правовой системы в целом².

Другие учёные видят в переходном состоянии нормальный процесс развития государства. В соответствии с циклической моделью он сопровождается как периодами стабильности, когда идет эволюционный процесс обновления общественных порядков, так и периодами неустойчивости, связанными с обострением противоречий между старым и новым. В эти периоды смена старых отношений новыми происходит наиболее остро, динамично, противоречиво, резко, но вместе с тем обладает и важнейшей позитивной составляющей. Творческую роль переходных процессов первым из отечественных ученых выделил Т.Н. Грановский³.

Развитие и закрепление в современной науке знаний о цикличности исторического процесса разрушает мифы как о последовательном predetermined прогрессизме при переходе от одной общественно-экономической формации к другой, так и о нетипичности переходных состояний государства и права.

Изучение вышеперечисленных научных подходов позволило выявить наиболее устойчивые воззрения на переходные состояния государства, и их влияние на систему источников права. Юристы сходятся на том, что переходные состояния государств при наличии национальных и конкретно-исторических особенностей имеют общие черты.

¹ Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Минск, 2000. – С.23.

² Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С.4.

³ Грановский Т.Н. Указ. соч. – С.158.

К примеру, В.В. Огородников обосновал структуру переходных состояний политических режимов государств, выделив в ней статичную и динамичную составляющие¹. Его трактовка переходного состояния государства дана в контексте марксистского учения о преобладании экономического фактора и влиянии качественных изменений экономики на политический режим, что, по мнению данного автора, находит непосредственное отражение в законодательстве².

С этой позицией можно согласиться частично, так как не всегда экономические кризисы приводят к изменению типа государства. Развитие современных национальных государств с конца XVIII в. сопровождается постоянными экономическими кризисами, но тип государства сохраняется. Вместе с тем, серьезные социально-политические, духовно-нравственные, ценностные кризисы, сопровождаемые внешними угрозами, приводят к трансформации формы государства. Наглядным примером служит Российская империя в 1917 г.

Все вышеизложенное позволяет выделить следующие особенности государства в переходном состоянии его развития:

- разрушение устоявшихся системных связей и общественных отношений под влиянием кризисных явлений, влекущих деконструкцию структурных элементов механизма государства и иных элементов политической системы общества. Изменение их качественного состояния порождает необходимость поиска, создания и активного внедрения новых, соответствующих вызовам переходного момента, актуальным политическим задачам, социально-экономическим детерминантам и интересам господствующих социальных групп населения, органов, организаций, институтов и других структур новой политической власти, а также формирования вертикальных и горизонтальных связей между ними;

¹ Огородников В.В. Указ. соч. – С.34,35.

² Там же. – С.42.

- одновременное альтернативное сосуществование и диалектическое взаимодействие отмирающих и формирующихся государственных институтов. Их действие, с одной стороны, усугубляет системные противоречия, затрудняет работу и перестройку государственных органов, с другой стороны, обеспечивает преемственность наиболее жизнеспособных управленческих практик и правил правового поведения и их сбалансированность с новыми отношениями, препятствует закреплению нежизнеспособных институтов и перехода их в устойчивые качественные состояния государства и права. Жизнеспособность старых государственных и правовых институтов и степень доверия к ним населения определяет длительность переходного периода, продолжительность кризисного состояния, окончание институционализации и стабилизации строя государства нового исторического типа;

- сложная разноуровневая находящаяся в динамическом состоянии организация правовой системы, одни элементы которой завершают свое существование, другие кардинально трансформируются, а третьи только формируются. Такое многообразие приводит к дисбалансу и даже к разрушению сложившейся ранее иерархии в системе источников права. Наиболее существенные трансформации при этом происходят в системе позитивного права, так как кардинальные изменения в механизме государства напрямую влияют не только на содержание, структуру и форму, но и на юридическую силу нормативно-правовых актов. Ослабление регулятивных способностей государственных институтов приводит к повышению социальной значимости субсидиарных альтернативных закону источников права, например таких как правовые обычаи, судебная практика, право юристов, а также появлению новых источников права. Так, анализ советского законодательства 1924-1938гг. привёл М. Н. Марченко к выводу о том, что высшие судебные инстанции в СССР можно рассматривать в качестве субъектов правотворческой деятельности¹;

¹Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. – М.: Норма, 2018. – С. 373.

- обусловленностью социально-экономическими, политическими, духовно-нравственными и культурными противоречиями в обществе, вызвавшими переходное состояние, а также детерминированностью условиями исторической эпохи развития государства и права. Сложность состава противоречий определяет комплекс необходимых мер для их преодоления. Способность властной элиты и общества, связанная с уровнем общественного и индивидуального правосознания, оперативно и адекватно реагировать на текущие вызовы и угрозы, возникающие в связи с кризисным состоянием общества, в конечном счете влияет на масштабность преобразований государства, его формы правления, государственного устройства, политико-правового режима или формы государства в целом.

Для изучения источников права в условиях смены исторического типа государства помимо вышеназванных общенаучных и специальных научных методов считаем необходимым использование междисциплинарного метода синергетики. Данный метод позволяет исследовать в том числе и сложные самоорганизующиеся исторически развивающиеся социальные системы в их масштабной инвариантности.

Синергетика дает верное понимание того, что чем сложнее система, тем больше потребуется затрат для приведения ее в равновесие. Выживание системы не может обеспечиваться только средствами стабилизации общественных отношений, так как в результате самоорганизации меняется масштаб системы и требуются новые притоки энергии из окружающей среды и их последующее структурное упорядочение.

В точке бифуркации (радикальной перестройки) системы, наглядным примером которой служит революция, складывается многовариантность дальнейших путей ее развития. В этот момент возрастает роль такого непрогнозируемого фактора системного развития как случайность. Важным моментом бифуркационной фазы считается разрушение сложившихся тупиковых структур, отбраковка контрпродуктивных средств, поиск наиболее продуктивных консенсуальных способов организации и кооперации элементов

системы, создание условий для их реализации и тем самым перехода на новую стадию развития¹.

Совокупность, действующих в переходный период источников права, обладает системными свойствами, но не является сложившейся системой. Данный вывод подтверждается тем, что действие, институционализация и стабилизация источников права в переходных условиях зависит от состояния социальной среды и соответствия действующих источников новым общественным потребностям. Причем на первый план выходят текущие задачи момента, а не долгосрочные вопросы будущего развития.

Правоведы справедливо указывают на вторичность права по отношению к государству в переходных условиях, что можно объяснить возрастанием роли исполнительных органов власти, осуществляющих оперативное управление в условиях постоянного изменения социально-экономической обстановки. Принципиальный отказ от прежних законов приводит к их вытеснению подзаконными актами. Они принимаются большим массивом, быстро, бессистемно, без теоретического осмысления и обоснования, с нарушением правил юридической техники, что ухудшает их качественные свойства, оборачивается их постоянной заменой и, как следствие, порождает деструктивные явления в юридической практике.

Широкие нормотворческие полномочия исполнительной и судебной власти в условиях отмены прежнего законодательства приводят к снижению действенности, авторитета нормативно-правовых актов, а также вытеснению из них правовой и нравственной составляющей². В юридические формы облакаются решения, имеющие неправовой характер, нарушающие общеправовые принципы, а также права и законные интересы широких слоев населения. Так, деятельность революционных масс в первые месяцы советской

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизации, темпомиры. – СПб., 2002. – С.406.

²Марченко М. Н. Указ соч. – С. 370-372.

власти опиралась на принцип «грабь награбленное». Высшее руководство страны одобряло безвозмездное изъятие имущества по классовому признаку¹.

Формирование системы источников права в переходных условиях не имеет универсального алгоритма, так как зависит от причин, породивших кардинальные общественные изменения и имеющих существенные различия в отдельные исторические эпохи. Вместе с тем можно выделить определенные направления работы властных органов и должностных лиц, без которых данный процесс не обходится.

Во-первых, отменяются нормативно-правовые акты, закреплявшие основы и наиболее существенные отношения утратившего социальную ценность государственного строя.

Во-вторых, восполняются пробелы правового регулирования, образовавшиеся в результате ликвидации старых законов для стабилизации положения в государстве и решения текущих задач.

В-третьих, начинается строительство новой системы законодательства, которое выражается в активном законотворчестве и проведении кодификационных работ.

Выделение данных видов работ не означает, что они отражают последовательную смену действий органов государственной власти по построению новых источников права. Напротив, на всех стадиях правообразования могут одновременно осуществляться все вышеназванные виды работ. Однако ликвидацию основных законов (законов, закрепляющих основы государственного строя) следует признать первоначальной самостоятельной стадией на пути формирования новой системы источников права, обладающей легитимностью и социальной значимостью.

Система источников права государства в переходном состоянии характеризуется особой ролью законодательства. В исследовании данный термин понимается в широком смысле как совокупность законов и

¹ Ленин В. И. Пол. Собр. соч. Т.35. – С.327.

подзаконных нормативно-правовых актов, исходящих от государства. Особая значимость законодательства в переходных условиях подчеркивается в юридической литературе¹.

И с этим сложно не согласится, так как нормативно-правовые акты, обеспеченные силой государственного принуждения, способствуют стабилизации социально-экономических и политических отношений, снятию остроты политической борьбы, созданию нового правопорядка. Поэтому все государственные изменения, происходящие в переходный период, находят отражение в позитивном праве. Как писал П. Стучка, «государственный характер власти в значительной степени характеризуется именно законодательством»².

В связи с этим изучение действующего законодательства в переходном состоянии государства даёт возможность реконструировать в хронологической последовательности изменение приемов, средств и методов государственного управления, а также способов правового воздействия на общество. Их анализ позволяет выявить содержание переходных процессов, механизмы адаптации новых порядков к наиболее устойчивым (традиционным) элементам прежнего строя, способы организации, укрепления и легитимации новой политической власти, а также особенности перехода от временного, несистематического, казуистического к системному устойчивому правовому регулированию.

Законы в переходных условиях зачастую носят неправовой, непопулярный, чрезвычайный характер, влекут ущемление и ограничения прав и свобод граждан, так как используются государством для укрепления властных полномочий новой политической элиты. Однако их организующая роль настолько велика, что многие акты, принятые на переходный период, сохраняют юридическое значение, становятся постоянно действующими и

¹ См.: Сорокин В.В. Указ. соч.– С.50.

² Стучка П. Революционная роль советского права. М., 1931. – С.191.

даже определяют дальнейшее развитие отдельных направлений законодательства¹.

В этой связи считаем возможным выделить следующее особое сочетание качественных характеристик НПА, действующих в государстве переходного состояния и обладающих специфическими признаками. Данные признаки выявлены на основе анализа исторического опыта становления системы источников социалистического права в Советском государстве в 1917-1936гг., раскрытого во второй и третьей главе исследования. В их числе:

- *казуистичность*, обусловленная тем, что данные акты в основном решают конкретные задачи текущего момента, их содержание обусловлено спецификой данных обстоятельств и необходимостью их скорейшего урегулирования, а срок действия НПА продолжительностью существования этих обстоятельств. Стремительное изменение условий жизни в переходный период порождает новые правоотношения, что приводит к быстрому устареванию НПА и требует их постоянного обновления;

- *низкая социальная значимость*, связана с тем, что НПА зачастую базируются не на принципе законности, а на принципе целесообразности и создании видимости стабилизации общественного строя. Они используются публичной властью как вспомогательный управленческий инструмент для решения первоочередных задач, в том числе непопулярными силовыми методами с нарушением основных прав населения, включая право граждан на участие в управлении государством, и разрушением сложившихся социальных иерархий, связей, отношений и структур. Нормативно-правовые акты как правило имеют ограниченное действие, вторичны по отношению к административным решениям, предназначены для закрепления гегемонии и реализации интересов определенных групп населения, выступающих социальной опорой нового политического режима;

¹ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут, 2010. – С. 11.

- *оперативность*, проявляющая в отсутствии плана законотворческой работы, сокращенной процедуре разработки, обсуждения, принятия, утверждения и обнародования НПА, игнорировании формально-юридических процедур рассмотрения проектов НПА, подверженности их ситуационным изменениям, имеющим бессистемный и зачастую нерациональный характер;

- *субъективизм*, связанный с тем, что большинство НПА составляют руководители государства или отдельные должностные лица по их поручению, руководствуясь собственными политико-правовыми идеалами, представлениями о предмете, способах и методах правового регулирования, а также идеологическими установками новой политической элиты;

- *синкретизм*, выражающийся в том, что НПА закрепляют разнообразные порой противоречивые правовые воззрения, отражающие конкуренцию старого и нового в общественном и индивидуальном правосознании; часто не содержат нормативных предписаний, напротив включают декларативные популистские политические установки, не имеющие конкретного механизма реализации, носящие утопический характер, несоответствующие жизненным реалиям, не имеющие надлежащей организационной и материальной основы, а также включают антиномичные новые предписания и традиционные правовые требования народа, соединяя в себе правила разных исторических эпох;

- *временный и ситуационный характер*, в том смысле что НПА принимаются либо на определенный срок, или до момента окончания переходного периода, не имеют особой юридической ценности и отменяются в упрощенном порядке в связи с изменением текущей ситуации и задач государственной политики;

- *многофункциональность*, означающая, что НПА государства в переходном состоянии выполняют не только свойственные им специальные функции(охранительную и регулятивную), но и управленческую, идеологическую, пропагандистскую, воспитательную и даже функцию психологического давления на население. При этом неюридические функции

становятся приоритетными. Так, В. И. Ленин видел в советском праве средство пропаганды и агитации, рассчитанное на активизацию творческой инициативы масс¹;

- *низкое качество*, проявляющееся в игнорировании или недостаточном внимании к качеству нормативно-правового материала, в том числе к общепринятым содержательным, логическим, языковым, структурным, процедурным юридико-техническим требованиям, предъявляемым к НПА²; в отсутствии или фрагментарности процедур проверки НПА на их соответствие формальным правилам составления текстов НПА, их оформления, утверждения и обнародования;

- *новизна*, данные акты закрепляют полномочия новой политической элиты, организацию и правовой статус новых властных институтов и управленческих страт, юридические основы нового правопорядка, новые методы и способы организации власти, институтов законодательства и др.;

- *вариативный характер*, обусловленный динамизмом, непредсказуемостью, деструктивностью и нестабильностью общественных отношений, что требует от властных органов и должностных лиц постоянного поиска способов и методов легитимации властных отношений, а также приемов правового регулирования адекватных текущему моменту. С динамикой переходного состояния и сложностью предвидения дальнейшего движения изменений и их последствий связаны и низкие прогностические возможности рассматриваемых НПА, не рассчитанных на долгосрочную перспективу;

- *преобразовательный характер*, то есть нацеленность на качественное изменение общественного строя путем выработки новых целей и задач развития общества и государства, принципов их взаимоотношений, юридических оснований государственного правления, последовательного

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.45. – С.61, 115.

² Кашанина Т.В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. – М.: Проспект, 2018. – С.70-81.

разрушения старых властных отношений, институтов и порядков общественной жизни, перераспределения собственности, массовой отмены правовых актов, включая конституционные НПА; установления приоритета новых отношений власти и общества, юридических норм и порядков над используемыми в ограниченном виде действовавшими прежде правилами и установлениями;

- *императивность*, заключающаяся в том, что рассматриваемые НПА связаны с авторитарными методами государственного управления в переходном состоянии и предназначены для подавления политических противников, организации, концентрации, централизации, персонификации новой государственной власти и обеспечения ее легитимности путем принудительного получения общественного согласия, ужесточения системы наказаний, широкого использования норм уголовной репрессии и насильственного установления государственного контроля над частной жизнью граждан и ограничение индивидуальной свободы, а также всестороннего воздействия, вмешательства, регламентации и планирования государством экономических отношений.

НПА государства в переходном состоянии как правило ориентированы на соблюдение публичного прежде всего государственного интереса, так как нацелены на преодоление противоречий переходного состояния и выживание новых властных структур, стабилизацию государственного строя и вывод его из кризиса любой ценой. Об этом подробно пишут многие исследователи¹. Легальность НПА и обеспеченность государственным принуждением имеет большее значение, чем легитимность, то есть признание их справедливости и доверие к ним со стороны населения.

Реализация рассматриваемых НПА обусловлена тем, насколько сильны позиции публичной власти и как организован аппарат государственного

¹ См.: Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый (личность в постсоветском социуме) // Полис.1999. № 3. № 12-14.– С. 5-15.

принуждения. Юридическая сила НПА обусловлена реальными властными полномочиями органа или должностного лица, его принимающего.

Источники права государства в переходном состоянии не представляют собой стабильной системы, но могут рассматриваться как динамическая формирующаяся правовая структура. Для иллюстрации сказанного приведём статистику изменений в Гражданский кодекс РСФСР 1922г. В период действия в него было внесено 400 поправок, из них 80 процентов с 1924-1930гг¹. Строение данной структуры характеризуется сосуществованием старых и новых источников права. Действие первых обусловлено их легитимностью и признанием населением. Юридическая сила новых источников права связана с легальным принуждением пришедшей к власти политической элиты.

В переходном состоянии государство вынуждено не только допускать, но и в некоторых сферах расширять использование неорганизованных источников права для стабилизации общественных отношений. Их понятность, доступность и признание населением компенсирует недостаточность внешних форм государственного принуждения. Более того, полагаем, что именно неорганизованные источники в переходном состоянии государства сохраняют правовое содержание, обеспечивают преемственность и устойчивость социального развития. Доказательством тому, служат результаты обследования Ю. С. Токаревым работы народных судов в 1917-1922гг. Он писал о том, что судьи не владели законами, а народные заседатели из крестьян руководствовались правовыми обычаями².

О переходном состоянии РСФСР, а затем и СССР прямо указано в советском законодательстве. Так, в ст.9, ст.79 первой конституции РСФСР сказано, что она рассчитана на переходный момент, получивший название периода «диктатуры пролетариата». Его продолжительность связывалась с

¹Маковский А.Л. Указ. соч. – С. 11.

² Токарев Ю.С. Документы народных судов (1917-1922гг.) // Вопросы историографии и источниковедения СССР. М., Л., 1963. – С. 159, 160.

подавлением буржуазии, уничтожением эксплуатации и водворением социализма (в ст.1 Конституции РСФСР 1925 г.¹. – коммунизма) как общества всеобщего равенства прав граждан в области производства и распределения, без деления на классы и без государственной власти². Государственной формой, через которую пролетариат проводил свою диктатуру, объявлялись советы.

В Руководящих началах по уголовному праву диктатура пролетариата закреплена как переходный от капитализма к коммунизму период (п.3). В этом акте сказано, что слом сопротивления буржуазии приводит к уничтожению государства «как организации насилия» и права «как функции государства»³.

Советское государство в 1917-1936 гг., как пример государства в переходном состоянии, соответствует как общим признакам, выделенным в исследовании ранее, так и обладает специфическими чертами.

В частности, переход власти к партии большевиков был связан с глубоким социально-экономическим, внешним и внутривластным кризисом военного времени, в котором оказалась Российская империя. Несостоятельность царского правительства в вопросах разрешения вызовов и угроз, стоящих перед Российским государством, путем эволюционных преобразований привела к насильственному разрушению структур монархического управления как системной основы государственного строя и создала условия для выбора альтернативного пути его развития. Одной из таких альтернатив, имеющих леворадикальную направленность, стала советская республика (РСФСР), учрежденная в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

¹ Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР. 1925. № 30, ст.218.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51, ст.582.

³ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66, ст.590.

В Советском государстве отмечается и такой признак переходного состояния как сосуществование старых и новых государственных структур, привлечение представителей бюрократического аппарата царской России к деятельности высших, центральных и местных советских органов управления, в том числе и судебных органов.

До лета 1918 г. в РСФСР действовали старые законы, не противоречившие декретам советской власти. Последовавший запрет на использование законов Российской империи не привел к утрате их социальной роли. Советское законодательство создавалось как противоположность буржуазному праву. Однако за основу построения системы социалистического законодательства брали юридические конструкции отрицаемого права. В частности, провалом закончились попытки отмены в России наследования¹, частного имущественного оборота, товарно-денежных отношений, а также пересмотра традиционных семейных норм, институтов и ценностей².

Другим серьезным противоречием стало создание пролетарского государства в крестьянской стране. Как справедливо отмечал Н.Н. Алексеев, это привело к тому, что идеи коммунистического строя чуждые большинству крестьян приходилось внедрять в общественное сознание посредством диктатуры. В государстве трудящихся приоритетом обладала не воля трудового народа, а идея построения коммунизма. Принудительный механизм ее насаждения в массах рассматривался как переходное явление до построения основ нового строя.

Крестьян, связанных витальными и производственными интересами с мелкобуржуазной стихией старого строя, воспитывали в духе идеалов коммунизма³. Необходимость быстрого перевоспитания крестьянских масс привела к таким негативным последствиям как белый, красный и другие виды

¹Декрет ВЦИК от 27.04.1918 «Об отмене наследования» // СУ РСФСР, 1918. №34, ст.456.

²Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака» // СУ РСФСР, 1917. №10, ст. 152.

³ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М., «Аграф», 1998. – С.323.

террора в деревне, раскрестьянивание и раскулачивание. Их жертвами стали несколько миллионов россиян.

Специфические особенности Советского государства как государства в переходном состоянии связаны с тем, что его создание было первой попыткой практического воплощения марксистских идей. Институты государства и права формировались на идее отрицания ценности и отмирания как государства, так и права¹. В организации публичной власти преимущественное значение имели партийные органы как руководящая и направляющая сила советского строя. Поэтому вместо распределения полномочий и децентрализации власти, присущих демократическому государству, отрицалось разделение властей и парламентаризм².

Развитие государства в переходный период осуществлялось в направлении централизации и концентрации государственной власти у высшего партийного руководства ВКП(б). Порядок отношений между властными органами осуществлялся по принципу, названному Н.Н. Алексеевым принципом замещения³. Он означал, что при известных обстоятельствах в определенные периоды времени полномочия одного органа переходили к другому. При этом вышестоящие органы обладали полной властью надзора над нижестоящими, включая право отмены всех принятых ими решений.

Важно отметить, что сам факт выстраивания в советской России системы органов государственного управления означал пересмотр исходных марксистских и ленинских представлений о государстве. Утопичность идеи о государстве-коммуне, построенном не на бюрократическом аппарате, а на широком народном самоуправлении посредством системы территориальных советов, стала очевидной уже в первые месяцы советской власти.

¹ Шатковская Т.В., Бурмистров С.В. Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. – С.15-24.

² Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т.33. – С.47-48.

³ Алексеев Н.Н. Указ. соч. – С.331-333.

В годы Гражданской войны начал складываться централизованный однопартийный государственный аппарат, сращенный с партийными органами и работающий по принципу жесткой партийной дисциплины. Тем самым было положено начало огосударствлению советов. Постепенно они утрачивали первоначальное значение демократических выборных органов народного представительства, становились подконтрольными центральной власти органами местного управления и инструментами для реализации партийных решений¹.

Не меньшей сложностью отличалось и состояние правовой системы России в первые годы существования государства диктатуры пролетариата. На фоне отмены царского законодательства, сложившейся системы судебных органов и органов юстиции происходит волюнтаризация юридической деятельности. Ее пределами был не закон, а революционная целесообразность и революционное правосознание.

Во имя интересов революции и реализации целей диктатуры пролетариата нарушались не только неотъемлемые права человека, в том числе и право на жизнь, но и складывавшиеся в России веками принципы разграничения властных полномочий органов управления, отделения суда от администрации и его независимости, принцип законности в деятельности публичной власти.

Закон в период диктатуры пролетариата выполнял вспомогательную роль при осуществлении функции управления. Его роль ограничивалась внешним выражением и юридическим оформлением революционного, затем и социалистического правосознания, а также формальным воплощением управленческого решения.

В первые месяцы советской власти декреты и иные акты принимали все органы власти как в центре, так и на месте. При отсутствии определенной

¹ Упоров И. В. Институт народовластия и его трансформация в Советском государстве в 1917-1927 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. – С. 75-77.

иерархии актов по юридической силе, множественности субъектов правотворчества и его казуистическом характере складывалась разноуровневая, противоречивая и неорганизованная нормативная база, не только не способствующая, а напротив препятствующая упорядочению общественных отношений. Право творилось в тысяче мест на тысячу разных ладов.

В итоге основными источниками права вновь становятся традиционные для России правовые обычаи и судебная практика. В ст.8 Земельного кодекса РСФСР правовые обычаи признавались субсидиарными источниками права¹. В монографии Т.В. Шатковской выделено четыре этапа в эволюции отношений советского правительства к обычному праву на примере советского земельного законодательства 1917-1922 гг.². За это время оно изменилось от полного воплощения обычно-правовых принципов в Декрете о земле, в основание которого были положены 242 крестьянских наказа, до их вытеснения и законодательного ограничения свободы деятельности крестьянской общины. И если в декрете «О социализации земли»³ приоритет государственного интереса в аграрной политике еще сочетался с ценностными установками крестьянского правосознания, то в Общих началах землепользования 1928 г.⁴ устанавливалось исключительное право государственной собственности на землю (ст.1).

В исследовании Т.В. Шатковской на конкретных примерах показано сохранение действенности правовых обычаев при регулировании имущественных и уголовных отношений вплоть до окончания периода НЭП. В

¹ Постановление ВЦИК от 30.10.1922 (ред. от 27.12.1926) «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 68, ст.901.

² Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: Монография. Ростов-на-Дону: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С.175-177.

³ Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» // СУ РСФСР. 1918. № 25, ст.346.

⁴ Общие начала землепользования и землеустройства (утв. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // СЗ СССР. 1928. № 69, ст.642.

частности, автор упоминает о реализации обычного-правового принципа «глядя по человеку» в ст.11 Руководящих принципов по уголовному праву 1919 г. Традиционное для крестьян ограничение свободы волеизъявления наследодателя нашло отражение в ст.422 ГК РСФСР 1922 г¹.

В условиях неопределенности переходного состояния государства возрождались и иные источники права, о которых более подробно будет сказано в следующих главах исследования. К примеру, в Советской России в 1917-1922 гг. сбился прогноз Ф. Штейнберга, предсказывавшего возрождение права юристов как источника права.

В рассматриваемый период царское законодательство было отменено, а новое не успели создать. Общественные отношения усложнились настолько, что советское правительство не могло урегулировать их своими декретами. Поэтому государственная власть ограничивалась установлением общих принципов и руководящих положений. Разработка кодексов была доверена более сведущим в вопросах кодификации представителям юридической науки, обладающим революционным правосознанием. Юристы не были, как говорил Ф. Штейнберг, «прикованы к тачке государственного законодательства», хотя и не приобрели «авторитет самостоятельных создателей права»².

Все вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

- изучение переходных процессов в государстве дает комплексный набор данных для исследования способов сохранения преемственности в государстве и праве при переходе от старого к новому, механизма преодоления кризисных проявлений в праве, действия отдельных источников права в условиях нестабильности, характера взаимодействия государства и права в условиях кардинальных изменений общественных отношений, роли различных источников права в переходных состояниях государства, а также их значения для стабилизации общественных отношений и др. В переходный период

¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 71, ст.904.

² Цит. по: Тарановский Ф.В. Указ. соч. – С.176, 177.

противостояние старого и нового государственного строя достигает своего апогея и активизирует творческие силы общества в направлении поиска новых способов его правовой организации;

- источники права в переходном состоянии государства обладают свойствами динамически формирующейся системы. В их организации можно выделить статический и динамический уровень. Статику обеспечивают традиционные источники права, связанные с устойчивыми правовыми представлениями больших групп населения. Динамику в развитии источников права обеспечивают нормативно-правовые акты, выступающие для новой государственной власти в качестве средства закрепления и управления, а также адаптации к изменяющимся условиям социально-экономической и политической действительности;

- основными признаками источников права в переходном состоянии государства следует признать их *антиномичность* (противоречивый характер), выражающийся в одновременном действии старых и новых источников права; *динамичность* как отражение постоянной трансформации социальных отношений; *неупорядоченность*, связанную с отсутствием в обществе сложившихся социальных и политических иерархий; *множественность*, вызванную снижением социальной значимости действовавших источников права и необходимостью поиска новых; *казуистичность*, то есть их детерминированность конкретными обстоятельствами социальной действительности; *временный характер* их действия, определяемый задачами текущего момента.

Следует отметить, что выявленные в ходе исследования особенности и значение переходных периодов в истории государства и его правовой системы служат научным обоснованием хронологических рамок диссертации. Период 1917-1936 г. в России стал переходным периодом на пути строительства социализма. Как писал В.И. Ленин: «мы могли бы сказать, что переживаем

переходный период в переходном периоде. Вся диктатура есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу переходных периодов»¹.

Особенность данного периода состоит в том, что с одной стороны, он стал своеобразной проверкой на прочность формальных источников права Российской империи, действие которых в основном было отменено ст.36 декретом «О суде» № 2². С другой стороны, в данный период складывается уникальная система источников права первого в мире социалистического государства, повлиявшая не только на развитие российской правовой системы, но и приведшая к появлению новой правовой семьи³.

¹ Цит. по Стучка П.И.: Государство и право в период социалистического строительства // Революция права. 1927. № 2. – С.3.

² Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. ст.420.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1967. – С.185.

Глава 2 Формирование системы источников социалистического права в период военного коммунизма и новой экономической политики (НЭП)

2.1 Влияние марксистского, социологического и психологического правопонимания на формирование системы источников права в Советском государстве

Динамика общественных отношений в переходных условиях государственного развития приводит не только к быстрому устареванию нормативных актов, но и существенным изменениям в системе источников права в целом. Понимание того, что НПА различных по форме государств имеют существенные отличия даёт объективные основания для разграничения базовых понятий теории права «источник права» и «форма права»¹.

В этой связи обращение к периоду становления системы источников советского права обладает значительной научно-практической значимостью.

Во-первых, в первое десятилетие советской власти осуществлялся своеобразный социальный эксперимент по созданию источников новой социалистической системы права и принципиальному отказу от прежней системы буржуазного законодательства.

Во-вторых, в Советском государстве происходила конкретизация, развитие и апробация марксистского подхода к праву и его источникам. С учётом общего характера марксистской теории права советские юристы становились пионерами в деле создания и обоснования природы социалистического права.

В-третьих, широкое практическое использование получили альтернативные закону традиционные формы права такие как судебный прецедент, правовой обычай. Вместе с тем складывались новые источники и

¹ Диденко М.С. Влияние марксистского правопонимания на формирование системы источников советского права в 1917-1928 гг. // В сборнике: Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. Материалы XXIV Национальной научной конференции (с международным участием). Таганрог, 2023. – С. 158.

формы права. Так, в первые месяцы советской власти источником права стало революционное правосознание¹.

На усмотрение судьи отводилась не только оценка личности правонарушителя и деяния на предмет установления наличия или отсутствия в нём общественной опасности, но и зачастую определение санкции нормы права. Вплоть до 1922 г. в советском уголовном законодательстве определялись только примерные виды наказания. Конкретная санкция зависела от судьи и определялась им в каждом конкретном случае. Ограничения касались только смертной казни, которая назначалась судьями революционных трибуналов.

В первое десятилетие советской власти практическое значение источника права получили теоретические взгляды отдельных представителей российского правоведения. В связи с тем, что большевики избрали марксизм в качестве главного учения для построения социалистического государства, они оказались в сложной ситуации идеологического вакуума в отношении понимания права.

Кроме критики в отношении права как института угнетения, присущего только классовому обществу, марксистское учение не содержало никаких требований в отношении социалистического права². Как отметил А.Л.Маковский, «массы звали к борьбе за справедливость, но не пытались объяснить, чем экономически, кроме передела собственности, эта справедливость будет обеспечена»³.

Так один из классиков марксизма Ф. Энгельс считал, что юриспруденция лишь оболочка экономического содержания. При социализме, по его мнению,

¹ Шаповалов И. А. Формирование правосознания в Советской России в 1917-1920-х гг.: Уголовно-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2005. – С.2,5,127.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.27. – С.43.

³ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут, 2010. – С. 9.

закон мог применяться только как способ придания значимости завоеванной пролетариатом государственной власти¹.

В трудах В.И. Ленина источник и форма права рассматривались как различные понятия. Единственным источником революционного закона он называл революцию. До Октябрьской революции В.И. Ленин полагал, что революционное правотворчество не может быть связано никакими формальностями и не нуждается во внешних санкциях. Акты революционного народа являлись, по его мнению, выражением власти низов, которую они явочным порядком внедряли в жизнь.

Новое право творили народные массы ломкой старых законов, уничтожением органов угнетения трудящихся. Однако иерархия внутри революционного народа как единственного источника права была установлена. Главной регулирующей силой В.И. Ленин называл пролетариат как класс-гегемон, его авангардом выступала коммунистическая партия.

В первые месяцы советской власти все решения, принятые местными советами явочным порядком, становились законом и не требовали санкционирования центральной властью. Именно такое разъяснение дал В.И. Ленин по запросу Московского губернского совета о порядке утверждения его постановлений высшими органами². После окончательной победы Октябрьской революции для организации и руководства «громадной массой населения» пролетариату стала необходима централизованная организация силы в форме государства.

Закон В.И. Ленин считал средством подавления господствующим классом угнетенного населения, допускающим революционное насилие³. Закон не ограничивал государственную власть и имел временное действие в условиях пролетарского государства. Пределы законности распространялись

¹ Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс. К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. – М., 1961. – С.496-498.

² XXI Ленинский сборник / Под ред. М.А. Савельева, В.Г. Сорокина. Москва, Партийное издательство. 323 с. – С.93.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.IX. – С.116, 117, 120.

только на подвластное население. Государству в условиях революции позволялось широко использовать чрезвычайные меры воздействия¹.

Помимо принуждения закон выполнял функции средства пропаганды. Пролетарское государство, считал В.И. Ленин, способно не только угнетать и подавлять, но и созидать, и творить, в том числе с помощью декретов и законов. Проведение этих указаний в жизнь он называл единообразным методом строительства социализма на основе революционной законности².

По мере укрепления центральной власти в РСФСР менялись представления В.И. Ленина об источниках права, о роли советских декретов. С конца 1918 г. декреты были не столько средствами пропаганды, сколько указаниями по дальнейшему социалистическому строительству, исходящими от центральных органов власти и управления.

Местные советы утрачивали роль центров правотворчества. Им запрещалось по выражению В.И. Ленина позволять «себе отсебятину»³. Их функционал в правовой сфере ограничивался точным исполнением принятых высшими органами власти законов.

Принятие мер, выходящих за пределы законов, допускалось в экстренных условиях⁴. В начале 1919 г. В.И. Ленин настаивал на принуждении к единообразному и неуклонному исполнению всеми гражданами декретов центральной власти для построения централизованного хозяйства и установления единой законности во всей федерации⁵.

Пробельность, односторонность и практическая недостаточность марксистского учения о праве требовали развития теории источников советского права. Необходимость её создания советское руководство осознало еще в годы Гражданской войны, начав проведение первой кодификации советского права.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXVII. – С. 35, 319.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXI. – С. 386.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXIII. – С. 468.

⁴ Постановление VI Всероссийского Съезда Советов от 20 декабря 1918 г. «О точном соблюдении законов» // Собрание Узаконений 1918. № 90. Ст. 908.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXII. – С. 467-468.

И если для принятия конкретного решения поимущественным спорам и малозначительным конфликтам революционного правосознания судьи-партийца было достаточно, то для составления советских законов потребовались специальные юридические знания. Дело осложнялось отсутствием не только целостного марксистского революционного понимания об источниках социалистического права, но и даже отчетливых руководящих указаний для правовой сферы¹.

Впервые годы советского правового строительства обнаружилась и другая проблема. Доктринальные положения о праве были выработаны в условиях буржуазного государства и не соответствовали задачам социалистического государства. Поиск источников советского права основывался на идеалах марксизма, которые не были нацелены на построение совершенного правопорядка.

Марксизм отрицал ценность государства и права как форм организованного насилия над людьми, средства подавления и угнетения трудящихся, ставших основой общественного строя. Поэтому развитие государственных и правовых институтов в РСФСР имело временный (до построения коммунизма) характер до построения социалистических социально-экономических отношений².

В связи с этим перед юристами была поставлена задача выработать основанные на лучших достижениях западной юриспруденции основания и источники советского права, соответствующие марксистской идеологии. Формированием советской правовой доктрины занялись представители трех научных направлений в юриспруденции: марксистского, социологического и психологического.

Марксистская теория права более основательную проработку в первые годы советской власти получила в трудах П.И. Стучки. Вплоть до середины

¹ Стучка П.И. Революционная роль права и государства. – С.76.

²Тихоновский Ф.И. Понимание права в советской юридической науке: 1917-1938 гг.: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2009. – С.70.

30-х годов в его трудах озвучивался официальный подход к пониманию права. В частности, он конкретизировал классовый подход к праву, сформулированный в трудах В.И. Ленина, и стал первым советским юристом, попытавшимся обосновать классовую точку зрения на право и выработать формы нового классового права¹.

В первые месяцы советской власти, писал П.И. Стучка, понятие права формировалось на основе «революционного чутья», а не на теоретическом изучении вопроса. В этот период марксистское революционное право, не могло победить, так как его не было². В первой программе большевистской партии отсутствовали правовые требования. Декреты составлялись по мере нарастания классовых противоречий, необходимости решения отдельных социально-экономических проблем и представляли собой оформленную в законе идеологию.

Основными источниками права в первых декретах названы революционная совесть и революционное правосознание. Самым твердым революционным взглядом на право, по мнению П.И. Стучки, обладал В.И. Ленин. Поэтому в случае возникновения острых дискуссий с оппонентами марксистские юристы «становились за его спину» и прикрывались его авторитетом³.

Теория права была полностью подчинена практике решения вопросов социалистического строительства и фактически выражалась в трех положениях: революционно-диалектический метод, классовый подход и материализм. Законы формировались в ходе революционной практики. Поэтому право предстало в теории П.И. Стучки только формой выражения экономических отношений, предназначенной для создания дисциплины социалистических отношений.

¹ Гайворонская Я. В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении: Советский и постсоветский периоды: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2001. – С.16.

² Стучка П.И. Революционная роль советского права. – М., Государственное законодательство советское законодательство, 1934. – С.61.

³ Там же. – С.62.

Как полагал П.И. Стучка, люди позабыв о том, что право в виде закона, обычая и др. – это всего лишь форма материальных отношений, ошибочно пытались придать этим формам самостоятельное содержание. И это не случайно. Юридическое мировоззрение как указывал Ф. Энгельс могло быть только буржуазным. Поэтому П.И. Стучка определял закон как совокупность абстрактных формул, дающих руководство новому суду по применению материального принуждения, мер дисциплинарного воздействия и социальной защиты советского строя¹.

Судебное решение П.И. Стучка рассматривал как самостоятельную форму советского права. Его источником было революционное правосознание судьи. Первоначально пределы этого источника определялись интересами революции. Однако, когда коммунистическая партия начала активно говорить языком декретов, которые служили и формой пропаганды, то и революционное правосознание судьи стало ограничиваться партийной программой минимум. Тем самым классовый подход к праву означал юридическое закрепление идеологических установок победившей партии в источниках советского права².

Централизация власти в годы Гражданской войны способствовала выстраиванию нормативных актов по вертикали в зависимости от места органа, его принявшего, в системе государственной власти и управления. В этот период появилась необходимость выработки марксистского отношения к нормативным актам, издаваемым советской властью.

В частности, официальная позиция по поводу значимости законодательства изложена в статьях Д.И. Курского, занимавшего в первое десятилетие советской власти пост наркома юстиции РСФСР. Данный орган был фактическим центром всей законотворческой деятельности в Советском

¹ Стучка П.И. Указ. соч. – С.79.

² Диденко М.С. Влияние марксистского правопонимания на формирование системы источников советского права в 1917-1928гг. – С. 158-160.

государстве. Анализ его трудов позволяет выявить следующие позиции по вопросу о роли закона и иерархии законодательства в государстве:

- во-первых, приоритет государственной политики над законодательством, то есть все нормативные акты, включая конституцию выполняли техническую функцию фиксирования основных политических и экономических задач переживаемого государством периода. Как писал Д.И. Курский в 1919 г., статьи конституции носят «характер известного примера»¹;

- во-вторых, нормативные установления законов не обладали высшей силой, безусловной обязательностью исполнения всеми субъектами права, в том числе и государственными органами, и ориентированностью на долгосрочную перспективу. С учетом общего положения марксизма о временности существования государства и право, как его надстройка становилось средством на пути к конечной цели – «осуществлению коммунизма»². Это приводило к тому, что даже положения конституции устаревали в течение нескольких лет государственного строительства;

- в-третьих, с момента образования СССР появилась наднациональная система общесоюзного законодательства, что привело к формированию двухуровневой иерархической системы законодательства. Все союзные республики были обязаны привести свое законодательство в соответствие с общесоюзными законами. До конца 20-х годов XX века общесоюзное законодательство содержало общие начала, предоставляя достаточно широкую автономию законотворчества союзным республикам. Чёткого разграничения между законами и подзаконными актами не проводилось. Для определения юридической силы акта ключевое значение имело место органа, его принявшего, в системе советских органов государственной власти и управления;

¹ Курский Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919-1926. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – С.32.

² Там же. – С.9.

- в-четвертых, закон выполнял роль известного примера для решения дел народными судьями. В момент установления советского строя народный суд был свободен, в том числе и при использовании уголовной репрессии. Нормы закона служили для них руководящим, но не обязательным началом. Принцип свободы правотворчества суда был определен как одно из оснований советского права¹. Советские декреты давали возможность судьям свободно применять революционное правосознание².

Подтверждением тому, что высказанная в трудах Д.И. Курского позиция об источниках права может считаться общепринятой в рамках марксистской школы вплоть до начала 30-х годов, служит проведенный анализ трудов таких исследователей, как А.Г. Гойхбарг³, М.М. Исаев⁴, Н.В. Крыленко, Е.Б. Пашуканис⁵, И.П. Разумовский⁶, Л. Успенский⁷ и др.

К примеру, Н.В. Крыленко рассматривал революционный закон и как средство укрепления союза рабочего класса и крестьянства, и как единые директивы, и в качестве законов государственной власти пролетариата, указывавших методы и способы социалистического строительства⁸.

О переходном характере пролетарского права писал И. Козловский. Его источником он называл трудящееся большинство, руководствующееся классовым инстинктом. Главную роль в правотворчестве переходной эпохи автор отводил самодеятельности масс. Задача власти ему виделась в инструктировании масс. Действие пролетарского права ограничивалось периодом построения социализма. После окончательного подавления

¹ Курский Д. И. Указ. соч. – С.51.

² Там же. – С.59.

³ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1. – С.7.

⁴ Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. – Л., 1923. – С.8.

⁵ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М., Наука. 1980.

⁶ Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. – М., 1925. – С.4-6.

⁷ Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927. – С.75.

⁸ Крыленко Н.В. Ленин и Сталин о революционной законности. – М.: Государственное издательство советское законодательство, 1934. 70 с. – С.3.

буржуазии действие источников советского права должно было постепенно сужаться по объему и по сфере применения¹.

Следует отметить, что в рамках марксистского направления были исследования, не совпадающие с господствующими воззрениями. В числе наиболее значимых можно выделить труды Я.М. Магазинера². Он остался на позициях позитивистского подхода к праву, за что был объявлен буржуазным юристом, а его труды по общей теории права были опубликованы только после смерти учёного.

По мнению Я.М. Магазинера, источником положительного права выступает интуитивное право, то есть субъективные представления о праве отдельных лиц или группы лиц. Для придания интуитивному праву общеобязательного характера необходим общественно признанный авторитет, к примеру государственная власть. Авторитет устанавливает данные нормы в официальном порядке и придает им формальный характер и юридическую силу. Только официальное право и составляет источники права, в числе которых Я.М. Магазинер называл закон, обычное право и практику государственных учреждений.

По субъекту, от которого источники права исходят, Я.М. Магазинер выделил нормы, создаваемые массой людей («коллективная индивидуальность»), объединенных общностью жизни. По мере социальной дифференциации особую значимость приобретают нормы, исходящие от органов государства. Таким путем, по его мнению, формировалось законодательство.

Параллельно с законодательством развивалась практика судебных, административных и иных государственных органов, возникающая в ходе

¹ Козловский И. Пролетарская революция и уголовное право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. – М., 1919. – С.237.

² Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А.К. Кравцов. – СПб., Юридический центр Пресс, 2006. – С.69.

применения законодательства и представляющая собой множество новых норм служебного характера¹.

В Советском государстве по Конституции РСФСР 1918 г. Я.М. Магазинер выделил три законотворческих органа – Всероссийский Съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР (далее ВЦИК РСФСР) и его Президиум, а также Совет Народных Комиссаров РСФСР (далее СНК РСФСР). При этом особую роль в деле инициативы создания закона играл СНК РСФСР. Юридическая сила законов определялась местом органа, его издавшего, в иерархии государственных органов власти и управления.

Отмечая наличие учредительной, законодательной, правительственной и судебной функций у высших органов власти и управления сначала в РСФСР, а затем и в СССР Я.М. Магазинер указывал на то, что все они призваны осуществлять «специализированное сотрудничество» для осуществления «общей директивы партии». Тем самым в скрытой форме он указал на источник права, стоящий над юридическими нормами, принимаемыми органами государства².

Таким образом, реализация марксистского подхода к праву в условиях социалистического государственного строительства показала, что прогнозы об отмирании права при переходе к социализму оказались сильно преувеличенными. Отрицание буржуазного права не привело к отказу от законодательного регулирования. Идеологической основой советских законов выступала программа коммунистической партии, а их содержание определялось социально-экономическими задачами текущего момента.

Представители социологического правопонимания разработали и обосновали альтернативную марксистской иерархию источников права. Так, видный социолог П.А. Сорокин подразделял право на официальное и

¹ Там же. – С.70.

² Магазинер Я.М. Указ. соч. – С.78.

неофициальное¹. Данное разграничение осуществлено им по уровню общесоциальной значимости составляющих право юридических норм. Соответственно официальное право, источником которого выступает государство или иной политический союз, П.А. Сорокин рассматривал как право обязательное для всех членов союза вне зависимости от их собственных правовых убеждений. Обязательность официального права обеспечивалась, по его мнению, принуждением аппарата государственной или иной легитимной власти.

Неофициальное право, по П.А. Сорокину, отличается от официального большей гибкости и соответствием интересам определенных социальных групп. Оно восполняет пробелы официального регулирования, а также способствует конкретизации законодательных правил и приведению их в соответствие с общественными интересами. Поэтому сфера действия неофициального права не выходит за пределы группы, авторитет которой обеспечивает действие данных правил.

Исходя из этого деления П.А. Сорокин доказывал, что без устойчивых оснований официального права политический союз существовать не может. И эти основания должны быть рассчитаны на более или менее длительную перспективу. В противном случае общество будет лишено той фундаментальной базы, на которой социальное развитие осуществляется.

Доказывая необходимость и социальную значимость официального права, П. А. Сорокин вместе с тем, указывал и на то, что оно не должно вдаваться в регулировку частных случаев. Он справедливо полагал, что громоздкий законодательный аппарат, обеспечивающий легитимность создания официальных норм, не сможет поспевать за стремительными изменениями общественных потребностей. Поэтому официальное право должно регулировать всеобщее и устойчивое.

¹Сорокин П.А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. – С.66, 67.

Как только эти общие положения перестают удовлетворять интересам большинства населения наступает резкое противоречие между официальным и неофициальным правом. Вследствие этого официальное право будет изменено революционным путем или посредством проведения законодательной реформы¹.

Ученый выявил тенденцию постоянного взаимовлияния неофициального и официального права и доказывал, что она определяет правовое развитие всех народов. Официальное право воздействует на неофициальное право. Если официальное право основано на гуманистических культурных основаниях, то оно может освободить неофициальное право от наиболее архаических обычаев, к примеру обычая кровной мести, полигамии, неограниченной власти родителей над детьми и пр. Однако возможно и негативное влияние на правовые убеждения общества. Как правило это происходит при усилении репрессивной составляющей властного юридического воздействия посредством устрашения, ограничения автономии личности и создания в обществе атмосферы противостояния и недоверия.

Полагаем, что П.А. Сорокин дал наиболее целостное социологическое обоснование различных видов источников права среди советских юристов первых лет советской власти. Несмотря на то, что ученый четко не разграничивал источник и форму права, он понимал, что основанием обязательности той или иной нормы выступает определенный авторитет. Предложенное им деление права на официальное и неофициальное, позволило определить два таких авторитета. Источником официального права он называл государство в лице соответствующих органов и должностных лиц, а также иных носителей публичной власти².

Основной формой официального права П.А. Сорокин считал закон, под которым он понимал официальные правовые нормы, изданные верховной государственной властью в установленном ею порядке. Кроме того, он

¹ Сорокин П.А. Указ. соч.– С.68, 69.

² Сорокин П.А. Указ. соч. – С.69.

выделил и такие формы официального права как указы, распоряжения, обязательные постановления, судебные решения, административные приказы и пр.

Обычай как основной источник неофициального права в трактовке П.А. Сорокина выполнял двоякую роль. В неофициальном праве его основанием являлись правовые убеждения членов данного общества. Их сила базировалась на авторитете воли предков, а действие обеспечивалось соответствием устоявшимся правовым воззрениям народа.

Тем самым давность обычая служила дополнительным основанием его силы. Обычаи выступали по П.А. Сорокину и источником официального права. Он отмечал, что первоначально официальное право представляло собой лишь запись обычаев. В последствии обычаи применялись как субсидиарный источник права для регулирования отдельных сфер общественной жизни.

Следует отметить, что данное высказывание П.А. Сорокина находило подтверждение и в Советском государстве. В частности, Декрет о земле 1917 г. представлял собой запись наказов крестьян, направленных на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и отражавший правовые убеждения крестьян о справедливом перераспределении земли¹. После принятия декрета «О социализации земли» обычаи использовались при перераспределении крестьянских земель для восполнения пробелов, прилагаемой к декрету инструкции².

Административный характер советских земельных законов приводил к тому, что внутрикрестьянские отношения прежде всего права и обязанности членов земельных обществ вплоть до конца 20-х годов XX в. регулировались

¹ Декрет о земле (принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917) // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 1. 28.10.1917.

² Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения») // СУ РСФСР. 1918. № 25. ст.346.

обычаями. Их действие допускалось Земельным кодексом РСФСР (ст.8)¹, но имело субсидиарный характер. В основании земельных отношений были такие обычно-правовые принципы как уравнительное распределение земли, отмена частной собственности на землю, обязательность трудового участия в обработке земли².

По П.А. Сорокину сила обычаев не уступала силе законов. Особенно это проявлялось в период революций. Он полагал, что революционное низвержение законов означало прежде всего их несоответствие правовым обычаям как выражению правовых убеждений общества и замену их соответствующим этим убеждениям. Из этого ученый делал вывод, что при формально-юридической незначительности обычай имеет громадную реальную силу действия³.

По мнению П.А. Сорокина, в России недооценена роль судебного решения как источника права. Он напомнил, что официально только за решениями Сената в России закреплялась такая роль. При этом учёный отмечал, что правотворчество судьи допустимо не только в древности, но и в современном государстве. Судья путем толкования значительно изменяет и дополняет закон.

Несмотря на то, что П.А. Сорокин не дал развернутого обоснования роли судебного решения как источника права его понимание действенности данного источника нашло подтверждение в первое десятилетие строительства Советского государства⁴.

Судья, обладавший революционным правосознанием, в период Гражданской войны фактически был приравнен к законодателю. Пробельность советских декретов не только допускала широкое применение судьей принципа аналогии закона, но и предоставляла ему право самостоятельно

¹ Постановление ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 68, ст.901.

² Шатковская Т.В. Обычное право. – С.256, 257.

³ Сорокин П.А. Указ. соч. – С.60.

⁴ Там же. – С.70.

формулировать норму. Так, в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. (ст.25) был установлен перечень наказаний, носивший примерный характер, что давало возможность судьям самостоятельно творить право¹.

Теоретические воззрения отдельных представителей социологической школы права нашли отражение в первых советских кодифицированных актах. Так, М. О. Окунева выявила дословное повторение научной статьи М.Ю. Козловского в тексте Руководящих начал по уголовному праву². Однако значимость влияния социологического правопонимания, как представляется, указанный автор преувеличил. Учет свойств личности при определении меры наказания в большей степени относится к русской уголовно-правовой традиции³. Понятие преступления была дано исходя из позитивистских воззрений на право⁴. Более аргументированную точку зрения по этому вопросу, как представляется, высказал Г. В. Швеков⁵, указавший на несущественное влияние социологического правопонимания на формирование системы источников советского уголовного права.

Причины незначительного влияния социологической школы на советское право раскрыты в докторской диссертации В. Н. Жукова. Он указал на то, что придание марксизму статуса социологической доктрины шло не от марксистов, а от социологов⁶. Маркс и Ленин не признавали социологию самостоятельной наукой. Некоторый всплеск интереса к социологии права в 1917-1919 гг. сменился в начале 20-х годов высылкой из страны десятков

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 66, ст.590.

² Окунева М. О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. №4 – С.121.

³ Люблинский П. И. О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Сборник первый (цели наказания). СПб., 1914. – С. 15.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – С. 77.

⁵ Швеков Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М.: Высш. школа, 1970. – С. 132, 136, 173.

⁶ Жуков В. Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект): дис ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. – М.: 2015. – С. 202.

выдающихся социологов, в том числе П. А. Сорокина, а в 1929г. социология была объявлена лженаукой и заменена историческим материализмом¹.

Полагаем, что это отчасти связано и с тем, что представители данного научного направления не занимали высоких должностей в органах власти и управления Советского государства. Поэтому вплоть до конца 20-х годов XX в., то есть до оформления основ официальной правовой доктрины выработка теоретических оснований источников советского права проходила под влиянием дискуссий между марксистской и психологической теориями правопонимания.

Наиболее видным представителем психологической школы в советской юридической науке признают М.А. Рейснера². Он одним из первых заметил пробел в правовой и государственной теории марксизма, который, по мнению ученого, образовался в результате напряженной политической борьбы и увлечения пролетарских марксистов публицистической деятельностью. Это привело к тому, что «естественное право» угнетенных масс не получило теоретического выражения³, возник конфликт между «старым правом» и новыми общественными потребностями.

В досоветский период научного творчества М.А. Рейснер упрекал юристов в том, что они связали государство и право. Тем самым они обрекли право на роль неотъемлемого от государства института классового господства и признали невозможность существования народного права вне государства⁴.

Критикуя «бесправный идеал» таких марксистов, М.А. Рейснер указывал и на негативные практические последствия их воззрений. Прежде всего теряли правовую мощь требования пролетариата. Они приобретали характер политических и экономических притязаний. Вследствие этого не происходило

¹ Там же. – С. 208.

² Скибина О. А. Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Белгород, 2015. – С.3.

³ Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М.А. Рейснер. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. – С.11.

⁴ Там же. – С.14.

обновления правовой идеологии, а право окончательно закреплялось как «официальное принуждение современности»¹.

Интерес вызывает сделанный М.А. Рейснером акцент на поиске в рамках социалистической доктрины альтернативных государству авторитетов, обеспечивающих действенность права. Так, он вслед за Г. Еллинеком обратил внимание на рост политического влияния таких сил, не входящих в государственную организацию, как предпринимательские и рабочие союзы, внепарламентские партийные организации. Он отмечал, что созданные данными организациями нормы действуют как социальные наравне с законами, не имея при этом формально-юридического характера². Поэтому психология отдельных социальных групп виделась ему в качестве основы источника права. Каждый класс создаёт свою меру справедливости, а вместе с тем и право³.

Психологическая теория права Л.И. Петражицкого стала для М.А. Рейснера основанием для отнесения народных масс к источникам интуитивного права. Реалии советской юридической практики были таковы, что советское право создавалось и применялось чутьем, о чем свидетельствовала практика. Поэтому теория интуитивного права, трансформированная М.А. Рейснером в интуитивное классовое право, оказалась не только возможным, но и необходимым теоретическим основанием организации революционной юстиции.

Как писал М.А. Рейснер, революционное право существует, хотя оно еще и не закреплено в законодательстве⁴. Кроме того, такое признание возвращало «идею правды» как основания всех социальных требований

¹ Там же. – С.15.

² Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. – С.29.

³ Скибина О. А. Указ. соч. – С. 103.

⁴ Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право / – М. Рейснер. – Л.; – М.: Государственное издательство, 1925. – С.21, 22.

современности¹. Вследствие этого революционное правосознание по М.А. Рейснеру являлось основной формой существования права².

В трудах советского периода М.А. Рейснер приветствовал появление кодифицированного советского законодательства, которое, по его мнению, не только закрепило содержание новых общественных отношений, но и создавало рационализированную форму советской государственной постройки. Он последовательно отстаивал идею о самостоятельности права и выстраивал свою теорию путем критического переосмысления и переработки в духе марксизма учения Л.И. Петражицкого. Так, М.А. Рейснер критиковал учителя за его воззрение на личность как на субъекта права и в противовес этому предложил в качестве субъекта «общественного человека»³.

Теория М.А. Рейснера вызывала массу критических замечаний со стороны представителей марксистского направления советской юридической науки. Признание психики класса в качестве основного источника возникновения права создавало возможность одновременного существования сразу нескольких разновидностей права (по числу имевшихся в обществе классов). Такое разнообразие не позволяло выявить единый базис советского права и оправдывало множественность правовых воззрений в обществе, что противоречило марксистской теории. Как отмечал Е.Б. Пашуканис данная теория не могла быть признана ни правильной, ни марксистской⁴. В государстве диктатуры пролетариата, только воля господствующего класса могла получить официальный статус источника права.

Вместе с тем в условиях поиска фундаментальных положений социалистического права теория М. А. Рейснера оказала заметное влияние на становление источников советского права. Революционное правосознание как «живой источник новых правовых идей», несвязанный с догмой права, давал

¹ Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. – С.98.

² Там же. – С.159.

³ Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. – С.20.

⁴ Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права. – М., 1980. – С.85, 183.

возможность искать новые формы права на базе традиционных представлений о правде и справедливости¹.

Продвижению и популяризации идеи интуитивного права среди правительственной и юридической элиты во многом способствовал А.В. Луначарский. В первую очередь это касается применения революционного правосознания как одного из основных источников права в Советском государстве. В связи с особой ролью данного источника права в юридической практике первых лет советской власти считаем необходимым отдельно остановиться на научном обосновании его значимости.

Взаимосвязь права и правосознания признавалась всеми российскими научными школами правопонимания. О взаимосвязи права и правосознания писали выдающиеся российские юристы (И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский и др.). По И.А. Ильину, «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам»². Для П.И. Новгородцева кризисы социальной жизни вызваны прежде всего кризисом общественного правосознания. Практическое действие права он напрямую связывает с уровнем правосознания. Право может иметь значение, но не выполнять своего назначения, если существует рознь между действующими нормативными предписаниями и общественным правосознанием³.

Качество разработки и применения закона И.А. Покровский связывал с уровнем правосознания в обществе⁴. Только с помощью правосознания можно выработать критерии разумного и справедливого, без которых законодательные построения будут лишены смысла и телеологической ориентировки⁵.

¹ Скибина О. А. Указ. соч. – С. 113.

² Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: «Рарог», 1993. – С.24.

³ Новгородцев П.И. Введение в философию права: кризис современного правосознания. – СПб., 2000. – С.14-16.

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – С.46.

⁵ Диденко М. С. Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XXв. // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. №2 (3). – С. 95.

Изучение трудов выдающихся отечественных правоведов позволяет заключить, что право имеет объективное содержание, динамическая составляющая которого меняется под воздействием смены ценностных ориентиров и условий жизнедеятельности в обществе, но существо права, его разумность и справедливость, остаются неизменным при любых обстоятельствах¹. Уровень соответствия нормативных предписаний ценностным установкам субъектов права, качеству их правосознания определяет практическую реализацию и действенность законодательства².

Резкое изменение системы общественных ценностей приводит к разрыву с действующим правом и кризису правосознания, выражающему не только в отрицании старого законодательства, но и поиске его нового содержания. В такие периоды, именуемые в правоведении переходным состоянием государства и права, активизируются творческие силы общества, что приводит к появлению новых источников права.

Создание нового уклада общественной жизни актуализировало поиск новых форм юридического общения в социалистическом обществе, в том числе и источников их выражения. Так, В.И. Ленин в работе «Государство и революция» утверждал, что соблюдение несложных правил общественного поведения скоро войдет в привычку, так как введение всенародного управления сделает уклонение от его контроля «неимоверно трудным»³.

По мнению В.И. Ленина, возможность действия права на этапе построения коммунизма оправдывается его ролью средства пропаганды коммунистических идей⁴. Нормы, «берущиеся из недр братского сотрудничества», будут легко восприняты правосознанием рабочих, что сделает ненужным использование внешних форм принуждения в виде законов.

¹ Диденко М.С. Место революционного правосознания в системе источников права Советского государства (1917-1928 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. – С.41-42.

² Диденко М. С. Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XXв. – С. 95.

³ Ленин В.И. Государство и революция. Пгр., 1919. – С.111,112.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.27. – С.41, 257.

С точки зрения П.И. Стучки, право не имеет собственного содержания. Оно определяется характером господствующих в обществе производственных отношений. Революционное сознание не занимало в его классовой теории ключевого места. Однако П.И. Стучка полагал, что сознание угнетенных масс является важным фактором образования нового права¹.

Сторонники психологической школы исходили из понимания права, сформулированного Л.И. Петражицким. Право, как психологическое переживание достигает высшей точки развития в массовом правосознании и малейшее отклонение от него вызывает всплеск общественного раздражения, направленного на восстановление нарушенных начал общественной организации, прежде всего права на труд и права на социальное обеспечение².

В трактовке М.А. Рейснера «реальное право» представляло собой психологию, идеологию и сознание угнетенных классов прежде всего рабочих, поскольку убеждения данных слоев общества соответствовали требованиям правды и справедливости и имели правовой характер³. Напротив, закон не мог охватить всю полноту народного правосознания. Свои представления о необходимости создания «законной сферы применения» правового творчества масс М. А. Рейснер переносил в советские декреты⁴. В частности, в Декрет о суде № 1⁵, в создании которого принимал непосредственное участие будучи руководителем отдела законодательных предположений Наркомата юстиции⁶.

Представитель социологической юриспруденции П.А. Сорокин, не признавал правильным отказ от идеи права, и тесно связывал право с

¹ Стучка П.И. Революционная роль советского права. – М., Государственное законодательство советское законодательство, 1934. – С.25.

² Португалов Г.М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. – С.20.

³ Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – Л. – М.: Государственное издательство, 1925. – С.194.

⁴ Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. – М. П.: Петропечать, 1923. – С. 303.

⁵ Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст.5 // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госиздат, 1957. – С.125.

⁶ Диденко М. С. Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XXв. – С. 97.

сознанием субъектов. Для него право выражалось в виде объективных психических явлений, убеждений и поступков человека. Он называл право, содержащееся в кодексах и «бессмысленных изысканиях юристов», мертвым. Вследствие этого П.А. Сорокин, полагал, что «политическая физиономия общества» складывается из убеждений большинства, выраженных в суждениях, поступках, обрядах, организации социально-политических институтов и учреждений¹.

В условиях отказа от юридической догматики и законодательства свергнутых правительств именно революционное правосознание стало основным источником советского права. Данное утверждение основано на изучении первых декретов советской власти. Так, в Декрете о суде № 1 революционное правосознание закреплено в качестве своеобразного фильтра, очищающего советский строй от чуждых ему правил поведения. В качестве последних в Декрете о суде № 2 названы Судебные уставы 1864 г. Закрепленные в них судебные порядки использовались советскими судами, но только в том случае, если они «не противоречили правосознанию трудящихся классов». При отмене норм устаревших законов суд должен был мотивировать свой приговор (ст.8).

Действие революционного правосознания основывалось на приоритете соображений справедливости над формальными требованиями царских законов, не отмененных советскими декретами. Соображения справедливости применялись как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве (ст.36).

Для революционных трибуналов, выносивших в том числе и расстрельные приговоры, роль революционного правосознания также была основной. Революционное правосознание должно было «подсказать» судьям ревтрибуналов каким образом обеспечить интересы Советского государства при установленных обстоятельствах конкретного дела контрреволюционной направленности. Подтверждением сказанному могут служить собранные И. А.

¹ Сорокин П.А. Указ. соч. – С.42-46.

Шаповаловым 500 приговоров трибуналов, вынесенных с 1918 по 1920 гг. на основе революционного правосознания¹. В связи с оценочным характером революционного правосознания как правовой основы дела возникал разноречивый характер местных правил при решении идентичных судебных дел².

С начала 20-х годов революционное правосознание переименовали в социалистическое правосознание. В историко-правовой науке впервые социалистическое правосознание в соотношении с правом было исследовано только в начале 50-х годов³. В последующие годы сформулированы две позиции по поводу соотношения понятия «революционное» и «социалистическое» правосознание. Одни ученые не видят принципиального отличия между ними, другие настаивают на обратном. Первая позиция характерна для советских юристов 20-нач. 30-х годов XX в., не придававших особого значения правовой терминологии и использовавших рассматриваемые термины как синонимы⁴.

Вторая позиция высказана в современных историко-правовых исследованиях. В частности, В.А. Буков пишет о неправомерности отождествления революционного и социалистического правосознания. Свою позицию он объясняет тем, что программа-минимум РСДРП, рассматриваемая в качестве содержания революционного правосознания до марта 1919 г. (VIII съезд РКП(б) содержала широкий перечень общедемократических требований. Социалистическое правосознание базировалось на новой большевистской программе партии, включавшей и иное понимание социализма, и главные методы его построения⁵.

¹ Шаповалов И.А. Указ. соч. – С. 141.

² Кашменский П. С. Революционная законность и становление советской юстиции (1917 - 1922 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2008. – С. 154-158.

³ Сокуренок В. Г. Социалистическое правосознание и его взаимоотношение с правом в советском обществе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.00. – Москва, 1953. – 385 с.

⁴ См. напр.: Стучка П.И. Революционная роль советского права. – С.30, 116.

⁵ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: истоки тоталитаризма. – М.: Археографический центр, 1997. – С.303, 304.

Содержание законодательства на первый взгляд позволяет заключить, что правосознание уступает место основного источника права при рассмотрении судебных споров советским декретам. В частности, в ст.22 Положения о народном суде закреплялось, что социалистическое правосознание применялось судьями при отсутствии или неполноте декретов Рабоче-Крестьянской власти¹. Использование законов свергнутых правительств воспрещалось.

В Положении о революционных трибуналах, принятом в марте 1920 г. в качестве руководящих критериев для судей при вынесении ими приговора указаны установленные обстоятельства дела и интересы пролетарской революции (ст.24)².

Вместе с тем, следует отметить, что в 20-е годы революционное правосознание не только не перестало быть источником права, но и напротив получило развитие в двух направлениях. Во-первых, революционное правосознание содержание которого первоначально выражалось такими абстрактными терминами как интересы революции, интересы пролетарского государства и трудящихся масс было оформлено в виде программы-минимум партии ВКП(б).

Во-вторых, при решении дела и назначении наказания судья должен был руководствоваться своим социалистическим правосознанием, то есть применение данного источника переносится со стадии установления фактических обстоятельств дела (рассмотрения дела) на момент принятия правоприменительного акта, что придает рассматриваемому источнику права даже большее юридическое значение чем прежде.

Как отметил Г.М. Португалов «внутреннее содержание декретной нормы» становилось «совершенно однородно с содержанием

¹ Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР, 1920. № 83, ст. 407.

² Декрет ВЦИК от 18.03.1920 «О революционных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. № 22–23, ст. 115.

социалистического правосознания»¹. Отличие между социалистическим правосознанием и декретным правом он видел лишь в том, что первое «пребывало в массовом правосознании», а второе – «в законодательной форме»².

Социалистическое правосознание в советских декретах нередко стояло выше по юридической силе, чем нормы декретов. Декрет был «оттиском» социалистического правосознания. Так, в ст.9 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. закреплялось, что назначение наказания производилось судьями по их социалистическому правосознанию «с соблюдением руководящих начал и статей Кодекса»³.

В Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. при назначении осужденному мер социальной защиты судья должен был руководствоваться только социалистическим правосознанием с учетом общественной опасности преступления, обстоятельств дела и личности преступника (п. в ст.45)⁴. При этом закон как источник для принятия судьей решения по делу в рассматриваемом кодексе вообще не упоминался.

Решение дела на основе закона не могло противоречить социалистическому правосознанию, содержание которого определялось программой ВКП(б). Следует отметить, что выявленная особенность может рассматриваться как тенденция развития источников советского права. Взаимовлияние социалистического правосознания и закона сохранялось и в послевоенный период. Так, в ст.32 Основ уголовного судопроизводства СССР

¹ Португалов Г.М. Указ. соч. – С.24.

² Там же. – С.38.

³ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922, № 15, ст.153.

⁴ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926, № 80, ст.600.

1958 г.¹. закреплено, что суд назначает наказание, руководствуясь социалистическим правосознанием, в пределах статьи уголовного закона.

В Основях гражданского судопроизводства СССР 1961 г.², а также в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», действовавшем как руководящее начало в деятельности судей вплоть до 2017 г., перед судами поставлена задача при решении дела руководствоваться законом в соответствии с социалистическим правосознанием³.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 «О судебном решении», действие которого так и не отменено, социалистическое правосознание и закон указаны как равные по юридическому значению источники принятия решения по делу для судей (п.1)⁴.

Все вышеизложенное показывает, что утверждение о временности революционного правосознания как источника права государства в переходном состоянии можно легко опровергнуть, опираясь на советское законодательство и судебные акты.

Революционное, ставшее впоследствии социалистическим правосознание, базировалось на марксистской идеологии. Данная идеология получила более конкретное выражение в программных документах Коммунистической партии СССР, определявших в свою очередь содержательные пределы социалистического правосознания.

Декреты в понимании советских законодателей представляли собой не волеизъявление законодателей, а воплощение в нормативной форме

¹ Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 08.04.1989) «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959, № 1, ст.6.

² Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 07.01.1988) «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // «Ведомости ВС СССР», 1961, № 50, ст.526.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 (ред. от 18.04.1986) «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда СССР, № 3, 1963.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 4, 1982.

марксистского учения и конкретизацию социалистического правосознания. Тем самым посредством социалистического правосознания в советском законодательстве незримо закреплялся приоритет господствующего политического учения, партийных документов и решений над законом.

Проведенный анализ трудов советских юристов и содержания декретов первого десятилетия советской власти в аспекте выявления места революционного правосознания в системе источников права позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, революционное правосознание признавалось одним из основных источников права с 1917 по 1920 гг., что объяснялось разрывом с прежней дореволюционной правовой традицией, дискуссионностью в советской юридической науке вопросов о возможности построения социалистического строя без использования позитивного права, о роли законодательства при советском строе и его соотношении с государством, а также пробельностью декретного права указанного периода.

Революционное правосознание можно рассматривать и в качестве способа разрушения устоев прежнего государственного строя и средства оперативного формирования основ новой юридической надстройки Советского государства, находящегося в переходном состоянии.

В рассматриваемый хронологический период революционное правосознание выступало главным средством обеспечения единства правотворчества и правоприменения. В области правотворчества оно создавало идейную взаимосвязь разнообразных несистематизированных декретов. Для правоприменителей прежде всего судей народных судов и революционных трибуналов, реализовывавших в том числе и меры чрезвычайной репрессии, революционное правосознание стало руководством для оценки фактических обстоятельств дела и уяснения внутреннего содержания советских декретов. Фактически судья и законодатель на данном этапе развития советской юридической практики сливались в одном лице.

Во-вторых, революционное правосознание не получило должного научного обоснования и разграничения с такими используемыми в качестве синонимических понятий как «революционная совесть», «революционная справедливость», «революционная целесообразность». Законодательное определение «революционного правосознания» отличается терминологической латентностью. В советских декретах данный источник права определялся разнообразными терминами: «правосознание трудящихся масс», «революционное коммунистическое правосознание», «революционно-социалистическое правосознание» и др.¹. Анализ их нормативного изложения и толкования в трудах советских юристов позволяет утверждать, что все эти термины имели единое содержание.

Полагаем, что существенное отличие революционного правосознания от социалистического состоит в том, что оно творилось волей всего трудящегося народа в интересах революции, что придавало ему черты разрозненности. В то время как социалистическое правосознание имело обоснование в марксистской теории научного социализма и базировалось на программных документах коммунистической партии. Оно также носило коллективный характер, но охватывало круг лиц, разделявших идеалы марксизма-ленинизма.

Как справедливо отмечает В.А. Буков, данное правосознание только отчасти можно признать и социалистическим, и правовым. Во-первых, оно отражало только доктринальные требования партии большевиков². Во-вторых, оно неотделимо от политического сознания и подчинялось задаче выживания советской власти любой ценой. Именно поэтому все ответственные должности в Советском государстве, в том числе и судебные, к концу 20-х годов занимали члены РКП(б).

¹ Приказ Народного Комиссариата по военным делам РСФСР от 23.07.1918 «О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 55, ст.612.

² Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: истоки тоталитаризма. – М.: Археографический центр, 1997. – 450 с. – С.330, 334.

В-третьих, социалистическое правосознание, сохраняло черты источника советского права и руководящего основания в юридической деятельности советских законодателей и правоприменителей в течение всего периода существования Советского государства¹.

Важным дополнением к этому будет следующее: если в первые годы советской власти в качестве источника права признавалось правосознание всех трудящихся масс, что подтверждается ст.8 Декрета о суде № 2² и материалами юридической практики. По данным секретного отдела ВЧК из 47745 задержанных в первой половине октября 1920г. дезертиров 568 человек были приговорены к условному расстрелу. Такое наказание основывалось на традиционных уголовно-правовых представлениях крестьян, дававших возможность преступнику исправиться под контролем общества³. Впоследствии юридическое значение имело только социалистическое правосознание судей и преданных советской власти ответственных работников.

Полагаем, что такой подход привел к тому, что воззрения отдельных представителей советской юридической науки стали положениями первых советских кодексов. Так, идея защиты общества как основы уголовного права, выдвинутая на основе социалистического правосознания М.А. Чельцовым-Бебутовым и другими товарищами и реализованная в УК РСФСР 1922 г., привела к «решительному изгнанию» понятий «вина» и «возмездие» из уголовного права⁴. Тем самым базовые положения отраслей российского права наполнялись содержанием, связанным с текущими задачами.

¹ Диденко М.С. Место революционного правосознания в системе источников права. – С.45,46.

² Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26, ст.420.

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918—1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, Ин-т истории новейшего времени (Франция), под ред. А.Береловича, В.Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — С. 350-351.

⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, 1924. – С.45,46.

Разрыв с выработанными в XIX – начале XX века общими положениями права требовал новых идей для составления декретов и реализации их положений на практике. Источником таких идей стала теория научного социализма. Сформированные на ее основе положения и принципы закреплялись в советском законодательстве, которое воспринималось и законодателями, и правоприменителями как авторитетный путеводитель по социалистическому правосознанию.

2.2 Первая кодификация советского права и ее роль в формировании системы источников социалистического права

Первая кодификация советского права как целостное историческое событие остается одной из малоизученных тем в истории Советского государства. И в момент проведения, и в последующие годы предметом научного исследования становилась разработка отдельных кодексов.

Так, заведующим отделом кодификации и законодательных предположений при Наркомюсте А.Г. Гойхбаргом были написаны труды по истории первого семейного¹, земельного², гражданского³ советских кодексов. Ряд исследований посвящены характеристике советского уголовного⁴, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов.

Современные исследователи продолжают традицию отраслевого исследования первой кодификации советского права. Более проработан криминологический аспект кодификационных работ. Современные авторы исследовали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919г.,

¹ Новое семейное право / Прив.-доц. А.Г. Гойхбарг. – Москва: Изд. Воен.-юрид. кн. магазина «Правоведение» И.К. Голубева, комиссионера Гос. тип., 1918. – 88 с.

² Гойхбарг А.Г. О современном земельном законодательстве / А. Гойхбарг // Советское право. – М.; Л., 1925. – № 1. – С.3-15; Гойхбарг А.Г. Советское земельное право. – М.: Гос. изд-во, 1921 – 116 с.

³ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР: Рекоменд. Гос. Учен. Советом как руководством высш. Учеб. Завед. / Проф. А.Г. Гойхбарг. – 3-е изд., исправ. и доп. Т.1. Гражданский кодекс. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 269с.

⁴ Герцензон А.А. История советского уголовного права / Всесоюз. Ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. – 465 с.

Уголовный кодекс РСФСР 1922г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924г. в контексте развития института преступления и наказания¹. Кодификация гражданского права остаётся слабо изученной вследствие отсутствия архивных документов, связанных с подготовкой ГК РСФСР 1922г². Отдельные работы посвящены кодифицированным актам в сфере трудовых отношений³.

Вместе с тем кодификация как комплексный предмет, включавший не только разработку кодексов, но и формирование доктринальных основ системы советского законодательства и иных источников права, техники советской кодификации на общесоюзном и республиканском уровне ни в советский, ни в современный период не получила всестороннего рассмотрения.

Возможно поэтому исследователи не обратили внимания на то, что это была действительно первая кодификация причем не только советского, но и российского права. В отличие от систематического обобщения действовавшего российского законодательства в первой половине XIX в., проведенного М.М. Сперанским, советским кодификаторам пришлось составлять кодексы практически с нуля.

В ходе первой кодификации в Советском государстве создается кодификационной комиссии 15 апреля 1918 г. В.И. Лениным, обратившимся в Народный комиссариат юстиции (далее Наркомюст) с целью созыва Коллегии Наркомюста и обсуждения вопросов кодификации⁴. В результате данного обсуждения была разработана общая стратегия кодификационных работ.

¹ См.: Окунева М. О. Субъект преступления в советском уголовном праве: становление и развитие института в 1917 – 1941 гг.: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2019. – 272 с.

² Новицкая Т.Е. Кодификация гражданского права в Советской России: Учеб. пособие / Моск. гос. ун-т, юрид. фак-т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С.40; Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. Текст. Приложения. 2-е изд., доп. и испр. / Моск. гос. ун-т, юрид. фак-т. М.: Зерцало, 2002. – С.54.

³ См: Иванов А.Б. Кодификация советского трудового законодательства в 20-е годы XX века: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.05. - Ярославль, 2012. – 196с.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.50. – С.59.

Сущность работ состояла в отказе от «старого Свода» и разработке новых революционных кодексов, рассчитанных на переходный период и основанных на практическом юридическом материале судебных и иных правоприменительных органов (многие из них в период военного коммунизма обладали нормотворческими полномочиями)¹.

Основные работы проходили в Отделе законодательных предположений Наркомюста, возглавляемого Д.И. Курским. Для разработки отдельных кодексов создавались специальные законодательные и кодификационные комиссии при наркоматах или иных органах власти. Вопросами кодификации военных распоряжений и распоряжений высших правительственных органов, относящихся к военному ведомству, занимались законодательная и кодификационная части Реввоенсовета РСФСР².

С момента принятия решения о составлении советских кодексов (лето 1918 г.) советские руководители прежде всего В.И. Ленин выступали против использования как действовавшего в Российской империи нормативного материала, так и классической правовой доктрины, признанной советской властью буржуазной. Ленин настаивал на широких формулировках кодексов, конкретизируемых на практике посредством революционного правосознания и революционной совести³.

И несмотря на то, что полностью отказаться от источников буржуазного права составителям кодексов не удалось, ими были заложены принципиальные новеллы в системное построение советского законодательства и иных источников права и в содержание советского права.

¹ Стучка П.И. Революционные задачи Комиссариата Юстиции // Известия ВЦИК. 1918. 16 апреля.

² Приказ Реввоенсовета РСФСР «О введении в действие штатов Управления Делами Революционного Военного Совета Республики и Военно-Законодательного Совещания при Революционном Военном Совете Республики и Положений о них» от 18.04.1920 № 587 // Сборник приказов Революционного Военного Совета Республики 1920 года.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.45. – С. 190.

Изменения были связаны с тем, что в течение первого десятилетия трижды менялось отношение советской власти к праву. Советские юристы объясняли эти изменения потребностями переходного периода Советского государства. Данный период в свою очередь был разделен на три этапа.

Первый этап советские руководители называли захватом власти. На этом этапе советская власть осуществила разрушительную работу, уничтожив все законы старого режима. До лета 1918г. обсуждался вопрос об отмене любого права. Юридическим основанием этого упразднения стала отмена частной собственности как базиса буржуазного права. Однако, как справедливо отметил П.И. Стучка, буржуазное право продолжало жить «в голове любого коммуниста» и в конкретных отношениях¹. Только при отсутствии советских норм буржуазное право допускалось к применению в народных судах.

На втором этапе (с осени 1918 до конца 20-х годов), параллельно с решением задачи удержания государственной власти обеспечивалось законодательное регулирование отношений производства и обмена. На идеологическом уровне было воспринято материалистическое понимание права как порядка общественных отношений в интересах господствующего класса и защищенного властью пролетарского государства. Советское право не признавалось действующим без принуждения со стороны государства и выражалось в форме декретов. Их основная роль состояла в пропаганде социалистических идей среди трудящихся и укреплении социалистического строя.

И только на третьем этапе переходного периода (с конца 20-х годов) после достижения довоенного уровня экономического развития началось строительство социалистического государства и права. Советское право создавалось путем дефетишизации буржуазного права и отбрасывания его ценностных начал. Его основной целью становилось юридическое

¹ Стучка П.И. Государство и право в период социалистического строительства. — С.17.

обеспечение перехода от «плановой системы господства-подчинения к системе социалистической экономической плановости»¹.

На этом этапе судьи утрачивали роль источника права и революционной целесообразности. Правовая неустойчивость в суде угрожала основам советской плановости. Поэтому организованным путем закона предполагалось устанавливать стандартизированные правила понятные каждому советскому гражданину.

Вместе с тем задачу упростить право до простых технических правил советским законодателям осуществить не удалось. Равно как и полностью отказаться от источников буржуазного права. Прежде всего, буржуазным, по мнению советских юристов, оставался Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (далее ГК РСФСР). Удаление из него целого ряда отношений, например, трудовых, земельных, семейных не изменило его качественно. В нем даже сохранялся институт частной собственности на средства производства (за исключением земли).

Возможно, поэтому с конца 20-х годов XX века ГК практически не применялся в судах, а если и применялся, то с существенными искажениями. Об этом свидетельствуют адвокаты, приводившие много примеров вольной трактовки судьями противоречивых статей ГК РСФСР².

На каждом этапе переходного периода советским руководством ставились различные задачи, но принципиальные подходы сохранялись. Право утратило роль самостоятельного института и было полностью подчинено экономическим вопросам и задачам государственного строительства.

Юридические формы, выработанные в буржуазный период, использовались для социалистического хозяйственного строительства, базировавшегося на отказе от принципа частности собственности, свободы договорных и иных имущественных отношений. Устанавливалась монополия

¹ Стучка П.И. Указ. соч. – С.21.

² Палибин Н.В. Записки советского адвоката 20-е – 30-е годы. Нью-Йорк, 1988. – С.65-83.

государства на средства производства, транспорта и внешнюю торговлю. Поскольку это строительство осуществлялось революционным путем, то и главным методом правового регулирования становилось насилие господствующего класса над угнетенными классами.

Причем классовый подход был применен даже в гражданском праве. Частники формально сохраняли права в ГК РСФСР, но фактически с ними боролись экономическими (более высокие отпускные цены и пр.), политико-административными (более высокие железнодорожные тарифы и пр.) мерами.

В нормах ГК РСФСР также имелись классовые ограничения для частных, в частности в ст.1, 4, 30, 33. Особенно нагляден классовый подход в прим. ст.59. В соответствии с данной нормой бывшие собственники имущества, экспроприированного на основании революционного права, лишались права требования возврата этого имущества. В целом ГК РСФСР был нацелен на укрепление и расширение социалистической экономики за счет частного капитала.

С учетом выявленной взаимосвязи между содержанием права и политикой, проводимой коммунистической партией, а также несамостоятельности права и его обусловленности состоянием текущих социально-экономических отношений можно определить периодизацию Первой кодификации советского права.

Полагаем, что хронологические рамки Первой кодификации можно установить в интервале 1918-1928 гг. Нижняя граница связана с окончанием дискуссии о роли права при советском строе и возобладании позиции о необходимости нормативных предписаний государства в переходный период социалистического строительства. Принятие Конституции РСФСР 1918 г. стало началом систематического построения советского законодательства.

Верхняя граница обусловлена принятием кодификационного акта Общих начал землепользования и землеустройства¹, фактически завершившего

¹ Общие начала землепользования и землеустройства (утв. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // СЗ СССР. 1928. № 69, ст. 642.

кодификационные работы в период построения социализма в СССР. Хотя в 30-е годы формально кодификация не отменялась и продолжали функционировать кодификационные комиссии фактически работы по систематизации права не проводились.

С 1928 года ни хронологическое, ни систематическое собрание действующего законодательства не издавалось. Между тем со времени образования Союза ССР было принято свыше 450 тысяч НПА¹. Среди такого количества актов трудно было найти для практического применения действующие юридические нормы по тем или иным вопросам. Нормативные акты не были выделены и сгруппированы не только по вопросам, но даже по отраслям законодательства. Дефекты НПА рассматриваемого периода прежде всего их противоречивость и бессистемность наиболее наглядно стали понятны в период проведения Второй кодификации советского права².

В целом первую кодификацию советского права следует признать сложным многоэтапным юридически значимым событием, в ходе которого на практике вырабатывались не только доктринальные подходы, принципы построения, содержание и форма советского законодательства, но и состав и иерархия источников советского права, пределы действия альтернативных закону форм права.

Место права, занимаемого в советской политической системе, и его обусловленность политикой, проводимой коммунистической партией и Советским государством, позволяет выделить следующие этапы в проведении Первой кодификации советского права: первый этап совпадает с периодом военного коммунизма. Данный этап отличался применением множества разнообразных разноуровневых источников права, не связанных между собой в единую систему.

В качестве предела использования создаваемых ими форм права советская власть установила их соответствие революционному правосознанию

¹ ГАРФ. Фонд 9514, опись 1. Д.559. Л.14, 15.

² ГАРФ. Фонд 9514, опись 1. Д.559. Л.16-18.

и революционной целесообразности, а также их не противоречие издаваемым властным декретам и распоряжениям. Вследствие фрагментарности, пробельности и казуистичности действующего законодательства такие широкие пределы благоприятствовали развитию коллективного правотворчества народа, но приводили к отсутствию правового порядка и децентрализации управления.

Второй этап связан с проведением политики НЭП. Этот этап характеризуется созданием кодифицированных актов, ставших юридическим основанием отраслей советского законодательства. Использование частного сектора и капиталистических инструментов для восстановления советской экономики потребовало разработки соответствующих юридических форм контроля со стороны государства. Реализация данной задачи активизировала кодификацию. Ее результатом следует признать расширение использования закона в управленческой деятельности. Закон становится основной формой советского права, выражавшей волю правящей партии.

В рамках данного этапа можно выделить подэтап, который Р. Кабриак назван рекодификацией¹. Данный термин может быть применен к кодификации советского права после образования СССР. Появление общесоюзного государства потребовало формирования многоуровневой системы законодательства. Понимание советским руководством того факта, что строительство социалистического государства придется осуществлять в одной отдельно взятой стране послужило началом выработки официальной правовой доктрины государства.

Нормативно-правовые акты как источники советского права 20-х годов получили наибольшее рассмотрение как юристами современниками данных исторических событий, так и современными юристами. Среди ранних

¹ Кабриак Р.К. Кодификации / Пер. с фр. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2007.–С. 200-211.

советских исследований выделим труды Н.Н. Алексеева¹, К.А. Архиппова², Я.М. Магазинера³, Э.Э. Понтович⁴, Л. Успенского⁵.

Современные исследователи, как правило, ограничиваются констатацией приоритетности нормативно-правовых актов над иными источниками права в рассматриваемый период, отмечается особая роль революционного правосознания при реализации советского законодательства, а также использование правовых обычаев как субсидиарных источников права⁶.

Полагаем, что пробелом современных исследований является отсутствие глубокого анализа специфики советского закона. Начало изучению этого вопроса было положено в исследовании К.А. Архиппова. Однако последователей у этого ученого пока не нашлось.

Кроме того, в работах современных юристов недооценена роль Первой кодификации советского права в становлении социалистического законодательства. Согласимся с Т.Ф. Ящук в том, что заимствование современной классификации НПА и их подразделение на законы и подзаконные акты для советского законодательства 20-х г. XX в. приведет к нарушению принципа научной объективности⁷, так как в этот период отказались от классических научных подходов.

Классическое понимание закона, сложившееся в юридической науке, как акта суверенной воли верховной государственной власти приводит к

¹ Алексеев Н.Н., Тимашев Н.С. Источники права // Право Советской России. Вып.1: [Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право]. Прага, 1925. – С.7-29.

² Архипов К.А. Основные моменты эволюции понятия советского закона / К. Архипов // Советское право. – М.; – Л., 1925. – № 5. – С.17-33; Архипов К.А. Опубликование и вступление в силу советских законов / Конст. Архипов // Советское право. – М.; – Л., 1926. – № 1. – С.13-29; Архипов К.А. Закон в советском государстве / К.А. Архипов. – М.; – Л.: Государственное издательство, 1926. – 157 с.

³ Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. – С. 71-81.

⁴ Понтович Э.Э. Понятие и значение закона в советском государстве / Э.Э. Понтович // Советское строительство. – М., 1928. – № 7 (Июль). – С.43-57.

⁵ Успенский Л. Указ. соч. – С.1-24.

⁶ Источники российского права: вопросы теории и истории/ Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2005. – С.27, 48.

⁷ Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. Омск, Изд-во ОмГУ, 2007. – С.87.

необходимости обособления законодательной власти и соответственно закреплению принципа разделения власти. При построении социалистического государства от буржуазных принципов сознательно отказались. Поэтому советским юристам приходилось разрабатывать новое понимание закона.

В 20-е годы в советской науке преобладало широкое понимание закона как общего юридического правила, исходящего от органов советской власти¹. И если в Конституции 1918 г. перечень таких органов четко не был сформулирован, то в общесоюзной Конституции 1924 г. (ст.8, 29) в качестве таковых определены Съезд Советов СССР, ЦИК СССР и его Президиум, СНК СССР (ст.38).

Законодательными полномочиями обладали аналогичные органы на уровне союзной республики. Формально такое распределение на уровне РСФСР было осуществлено еще в 1921 г.². Поэтому в соответствии с конституцией законами можно было считать только НПА, принятые вышеназванными органами. При этом в сборники советского законодательства включали и акты принятые СТО и Малым СНК, а также акты некоторых наркоматов.

Особенностью советских законов рассматриваемого периода можно признать отсутствие у них общих признаков и свойств. Собственно законами эти акты не назывались. Чаще всего их оформляли в виде декретов, использовались и такие формы как постановления, положения, указы, резолюции, инструкции, декларации, распоряжения и др. Попытки разграничить данные формы, по меткому выражению Н.Н. Алексеева, лишены юридического содержания и смысла³.

Такое многообразие, сочетаемое со смешением компетенций, выражаемым в принятии совместных законов верховными и исполнительно-распорядительными органами (к примеру, ВЦИК и СНК РСФСР) делало

¹ Архиппов К.А. Закон в советском государстве. – С. 5.

² Резолюции VIII Всероссийского съезда Советов // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст.1.

³ Алексеев Н.Н., Тимашев Н.С. Источники права. – С.14.

невозможной не только классификацию законов по юридической силе, но и их разграничение с подзаконными актами. Поэтому все законодательство и общее, и специальное имело вспомогательное техническое значение и низкий политический авторитет.

Содержание законов носило декларативный ненормативный характер. Их положения формулировались не на юридическом языке, а скорее на политическом лексиконе, затруднявшем уяснение смысла законов. Поэтому применение законов требовало принятия дополнительных ведомственных инструкций. Более того, даже в системе судебных органов сложилась практика не проведения в жизнь закона без получения соответствующих инструкций от Наркомюста. В итоге Наркомюст вынужден был издать циркуляр о недопустимости такой ситуации¹.

Низкий уровень юридической техники их составления был постоянным предметом критики со стороны специалистов². Игнорирование правил юридической техники не только затрудняло поиск и использование законов, но и приводило к многочисленным коллизиям причем не только между законами, но и в тексте одного закона.

В этих условиях кодификация была призвана решить целый комплекс задач, а именно упорядочить и обобщить, накопленный нормативно-правовой материал; провести его ревизию на предмет изъятия и отмены устаревших декретов; выстроить единую систему советского законодательства и повысить его качество. В связи с этим можно выделить два направления кодификации: системное правотворческое обновление законодательства и его юридико-техническую систематизацию.

Первое направление представлено отраслевыми кодификациями. Формирование отраслей советского законодательства началось еще в годы Гражданской войны с принятием Кодекса законов об актах гражданского

¹ Циркуляр Наркомюста РСФСР от 11.10.1923 № 212 «О проведении в жизнь законов вне зависимости от издания к ним инструкций» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. – М., 1926.

² Перетерский И. «Примечания» в законе // Советское право. 1928. № 2. – С.69-71.

состояния 1918 г. (далее КЗАГС)¹, Кодекса законов о труде 1918 г. (далее КЗОТ РСФСР 1918 г.)². В первые годы НЭП (1922-1923 гг.) было принято еще восемь кодексов. В результате были кодифицированы (с принятием кодексов) такие отрасли как уголовное, гражданское, семейное, земельное, трудовое, лесное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное законодательство.

После образования СССР основным вопросом, который решался при разработке кодифицированных актов, стал вопрос о соотношении общесоюзного и республиканского законодательства. Двадцатые годы можно считать началом не разрешенного до сегодняшнего дня спора о статусе, содержании и соотношении кодифицированных актов в двухуровневой системе законодательства.

Широкие законодательные полномочия союзных республик по Конституции СССР 1924 г. предполагали ограничение содержания общесоюзных основ главнейшими, исходными положениями, предоставляя законодательству союзных республик известную свободу в детализации общих положений, применительно к местным условиям. Однако практика первых лет советской власти показала, что чрезмерная децентрализация правового регулирования могла привести к недопустимым несоответствиям, расхождениям в общесоюзном законодательстве и законодательстве союзных республик.

Кодификация, с одной стороны, привела к появлению такой формы советского права как кодекс. Кодексы не должны были сдерживать применения советскими судами репрессии. Его отличие от закона состояло в особом порядке принятия (по ст.17 Конституции СССР 1924 г. только ЦИК СССР). Для кодексов предусматривался специальный порядок внесения в них изменений, принятый ВЦИК РСФСР и устанавливающий обязательную

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77, ст.818.

² Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) // СУ РСФСР. 1918. № 87-88, ст.905.

процедуру согласования этих изменений с Наркомюстом¹. Интересно, что данное постановление действовало в течение всего советского периода и не отменено до сих пор.

Необходимость регламентации особого порядка принятия и изменения кодексов была вызвана отсутствием в Советском государстве регламента законодательного процесса. Для кодексов такой регламент был разработан и поэтому в отличие от иных советских законов они принимались с соблюдением формальных процедур.

Однако впоследствии СНК РСФСР при составлении кодифицированного права республики нарушал установленный порядок и включал в Собрание кодексов РСФСР акты, не поименованные кодексами и принятые в ином порядке, чем предусмотрено конституцией.

Подведение итогов кодификации в деле построения системы советского законодательства показывает, что в полном объеме поставленные задачи не были выполнены. Вместе с тем кодификация стала важным этапом на данном пути. Во-первых, удалось сформировать основные отрасли советского законодательства и осуществить их кодификацию.

Во-вторых, была преодолена сложившаяся в первые годы советской власти негативная практика самовольной правотворческой деятельности на местах². Удалось закрепить приоритет законодательства высших и центральных органов советской власти и управления и обязательность их исполнения на местном уровне.

В-третьих, проведена комплексная работа по систематическому упорядочению принимаемого советского законодательства. В этой связи стоит выделить Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского

¹ Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «О порядке изменения Кодексов, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом» // СУ РСФСР. 1923. № 54, ст.530.

² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.06.1926 «Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. 1926. № 39. ст.304.

правительства, Собрание законов СССР, Систематическое собрание действующих законов РСФСР и др. В этих сборниках законодательство размещалось по хронологическому принципу, их системное построение определялось конституционным статусом органа их принявшего. Данные сборники не только давали представление о состоянии действующего законодательства, но и устанавливали иерархию законов, облегчали их последующее совершенствование.

К началу проведения Первой кодификации советского права в России наблюдалась множественность не только НПА, но и иных источников права. На основании архивных документов нами установлено, что с октября 1917 до начала 20-х годов XX века правовые нормы создавались крестьянскими сельскими и волостными обществами, волостными комитетами, исполкомами разнообразных местных советов, высшими и центральными органами советской власти, другими органами и даже общественными организациями.

На фоне отсутствия установленной иерархии источников права по юридической силе сложилось явление, которое можно охарактеризовать как плюрализм и партикуляризм источников права. При этом неорганизованных форм права было больше, чем организованных.

Данная ситуация объяснялась тем, что разрабатываемые в первые годы советской власти декреты носили казуистический характер, регулировали конкретные вопросы хозяйственной и государственной жизни. В документах первых лет советской власти давались еще более жесткие оценки декретов. Их называли скоропалительными, неправильными, неграмотными и негодными¹. Их действие помимо качества было затруднено отсутствием слаженной системы правоприменительных, в том числе и правоохранительных органов как в центре, так на местах². Причем речь шла не о далекой глубинке, а о Центральной России.

¹ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. – М., 1918. – С.32.

² Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Фонд Р-1133, опись 1. Дело 1. Циркуляры Наркомюста 20 января – 16 декабря 1920. Л. 3–25.

Так, в фондах Наркомюста имеется ряд писем на имя комиссара юстиции Московского уезда с просьбой выслать все инструкции для руководства местного суда. В них сообщалось, что за отсутствием таковых дело по организации суда заторможено. Одно из писем подписано председателем волостного суда Дурыкинского Московской губернии¹.

Вследствие этого вплоть до начала 30-х годов параллельно с советскими законами применялись и иные формы права. Так, в крестьянской среде большинство правовых отношений регулировалось обычным правом. Действие правовых обычаев выявлено как в сфере гражданско-правовых, так и уголовных, и административных отношений.

В частности, наследственные споры решались на основании обычно-правовых принципов. К примеру, принцип необходимости трудового участия в обработке земли для получения наследственной доли был реализован при отказе в наследственной доли дочери, которая в течение долгого времени пребывала на заработках в Петрограде².

Другой принцип, глубоко укоренившийся в крестьянском сознании и широко применяемый при наследственных спорах в первые годы советской власти, состоял в отказе в наследственной доле отделенному при жизни отца сыну. Тем самым обеспечивались равные возможности отделенных и неотделенных детей получить долю в общем семейном имуществе.

По-прежнему допускалось вмешательство сельского общества, иногда волостных комитетов в наследование по завещанию. К примеру, в одном из дел встретился такой пример. Отец завещал имущество сестре. В связи с этим юридический отдел просил волостной комитет морально повлиять на сестру, чтобы она выделила долю брату³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Фонд 353, опись 9. Д.32. Л.3-5.

² ГАРФ. Фонд 6978, опись 1. Дело 711. Л.75.

³ ГАРФ. Фонд 6978, опись 1. Д.722. Л.194.

В одном из решений волостной суд признал за сестрой покойного наследственное право на имущество при наличии жены¹. Составление и юридические последствия духовного завещания связывались волостными судами с местными обычаями².

Эти и многие другие примеры подтверждают устойчивую традицию в обычном наследственном праве российских крестьян, сформулированную в исследовании Т.В. Шатковской, об ограничении свободы волеизъявления наследодателя крестьянской общиной³. Заметим, что данная тенденция проявляется и в современном наследственном праве, сохраняющем институт обязательных наследников.

Вмешательство коллектива в частные дела семьи встречалось и по другим вопросам, например товарищески воздействовал на мужа, принуждая его содержать семью; морально воздействовал на отца незаконнорожденного ребенка, чтобы он оказывал содержание матери и ребенку и др.⁴.

Наиболее наглядно в первые месяцы советской власти проявились крестьянские правовые воззрения, связанные с отрицанием права частной собственности на землю. «Черный передел» земли проходил путем массовых погромов частновладельческих имений. Причем погромные явления проходили организованно, действовали крестьяне скопом, собираясь для того из нескольких селений одновременно. Этим местные власти объясняли невозможность предотвращения погромных деяний собственными силами. Тем более, что местная власть зачастую и сама принимала участие в этих погромах.

Так, по данным участкового начальника милиции Усманского уезда погромные действия в ноябре-декабре 1917 г. приняли массовый и стихийный характер. Они сначала касались живого и мертвого инвентаря, а затем не ограничившись этим растаскивалось домашнее имущество, мебель, посуда и

¹ Там же. Л.41.

² Там же. Л.111.

³ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян. – С.350, 351.

⁴ ГАРФ. Фонд 6978, опись 1. Д.722. Л.24, 37.

прочее. Местные органы милиции опасались полного разграбления владельческих усадеб, поскольку крестьяне «ободренные осознанием не только безнаказанности указанных поступков, но даже данным им, кем-то разрешением на это, действовали с величайшим азартом и с соревнованием друг перед другом»¹. Разграбление помещичьих имений продолжалось в некоторых губерниях до конца 1918 г.²

Принцип уравнительной справедливости можно признать самым соблюдаемым обычно-правовым принципом в крестьянской среде. По этому принципу прежде всего осуществлялось распределение земли между крестьянами³. Вследствие этого передел земли в деревне чаще всего происходил по числу едоков.

Землей наделялись все граждане, проживавшие на момент передела в деревне и желавшие заниматься личным трудом без различия пола и возраста. При этом личный труд выступал вторым обязательным основанием получения земли. В одном из решений местного волостного земельного отдела предписано, что если к 8 июля земля не будет обработана, то она поступает в ведение волостного земельного комитета и распределяется среди нуждающихся⁴.

Важно отметить, что наличие права частной собственности на землю не являлось для крестьян препятствием для ее изъятия с целью уравнительного перераспределения. К примеру, сельским приговором деревни Малого Городища Бондарской волости Тамбовского уезда решили и изъяти из владения частных владельцев земельные душевые наделы. Всю купленную землю отобрали и поделили поровну «не превышая нормы своего труда

¹ ГАРФ. Фонд 353, опись 9. Д.61. Л.1-19; Д.62. Л.2-4.

² Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Фонд 478, опись 6. Д.576. Л.38, 105.

³ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Д.730. Л.43,65.

⁴ Там же. Д. 732. Л.12,89.

согласно постановлению Всероссийских народных комиссаров»¹. По трудовой норме земля предоставлялась бесплатно.

Народный комиссариат земледелия разъяснял в ответ на обращение Вятского губземотдела, что земельные конфликты между обществами необходимо решать на основании принципа уравнительности, не считаясь с прежними границами².

Кроме того, землевладельцы должны были получать согласие земельного комитета на продажу не только земли, но и рубку леса, продажу лошадей или забой коров. Договоры аренды земли заключались по установленным земельными комитетами ценам. На основании принятых декретов земельные комитеты могли вносить коррективы в договоры аренды земли³.

Имущества конфискованных имений использовалось для удовлетворения нужд сельских обществ. Например, Кисловский земельный отдел продал 10 лошадей из конфискованного имения для ремонта сельскохозяйственных машин⁴.

Широта полномочий местных советских органов нередко ими рассматривалась как безграничная. Так, Красноярский волостной совет крестьянских депутатов наложил на жителей слободы Красного-Яра контрибуцию. Председатель комитета заявил, что власть на местах принадлежит местным советам, поэтому циркуляры центральной власти для местных советов являются необязательными⁵.

Уравнительный принцип использовался не только для разрешения земельных вопросов, но и иных текущих дел. Так, съезд представителей Тотемского уезда в январе 1918 г. решил проблему нехватки продовольствия следующим образом. Поскольку наличных денег в Тотемской

¹ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 732. Л.50.

² РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 576. Л.6.

³ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 603. Л.41, 54, 63, 81, 84, 111.

⁴ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 741. Л.49.

⁵ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 576. Л.149.

продовольственной управе нет, то произвести исполкому заимообразно реквизицию необходимой суммы в монастырях, церквях и у зажиточных сельчан и городских граждан, а недостающую сумму собрать со всего населения по 5 руб.¹.

При отсутствии законных оснований для разрешения споров советские органы обращались и к такому средству как нравственное воздействие, призывая стороны восстановить нарушенную ими справедливость.

Правовые обычаи применялись крестьянами и по уголовным делам. Так, 8 мая 1918 г. близ деревни Жилина Ждановской волости был обнаружен труп убитого гражданина дер. Жденова Сергея Кузьмина. Подозрение в совершении означенного убийства пало на гражданина дер. Жилино Трофима Лейхвесова, который был арестован Ждановским Волостным Советом. Когда по получении сообщения об означенном убийстве на место преступления выехал следователь 2-го участка с уездным врачом Сармо для вскрытия трупа и производства следствия, то оказалось, что волостной сход Ждановской волости 12 мая вынес смертный приговор подозреваемому в убийстве гр-ну Лейхвесову и приговор этот оказался приведенным в исполнение. Причем как видно из прилагаемой копии означенного смертного приговора граждане Ждановской волости постановили по всем подобным преступлениям подозреваемых и впредь без суда подвергать смертной казни².

Вышеперечисленные примеры можно считать наглядной иллюстрацией того, что обычное право соответствовало правовым представлениям крестьянского большинства, но не совпадало с марксистско-ленинскими установками и ориентирами государственного развития.

Во-первых, правовых обычаев было много, и они отличались разнообразием, отсутствием четких формальных юридических процедур их осуществления и конкретных предписаний правового поведения, на них основанного. Особенно ярко данная особенность проявлялась в ходе передела

¹ РГАЭ. Фонд 478, опись 6. Дело 603. Л.8, 9.

² ГАРФ. Фонд 353, опись 2. Д.249. Л.2, 3.

земельных наделов. Принцип уравнительной справедливости в разных местах трактовался по-разному, что приводило к многочисленным жалобам от населения в вышестоящие органы прежде всего в Наркомзем РСФСР. Члены исполкомов советов и наиболее грамотные крестьяне требовали решения всех вопросов по закону.

Во-вторых, разнообразие способов землепользования порождало различные организационные формы крестьянских сообществ. В период Гражданской войны одновременно существовали хуторские, отрубные, подворные, общинные, единоличные и иные крестьянские хозяйства.

Такое разнообразие в условиях социально-экономического кризиса и дефицита продовольствия затрудняло управление крестьянами. Увеличение размеров крестьянских наделов не привело к росту сельскохозяйственного производства, что свидетельствовало о низком регуляторном потенциале правовых обычаев в сфере публично-правовых отношений. Правовые обычаи обеспечивали сохранение традиционных ценностей крестьянского общества, но препятствовали в силу своей консервативности развитию в крестьянской среде новых современных более производительных способов аграрного производства, обмена и распределения продуктов.

В-третьих, широкое применение правовых обычаев приводило к децентрализации правового регулирования. Однако в условиях начавшейся Гражданской войны, ставившей под угрозу существование Советского государства, единственным источником выживания советского строя становилась жесткая централизация правового регулирования и передача правотворческих полномочий высшим органам государственной власти. Именно поэтому юридическая сила правовых обычаев ограничивалась крестьянскими частноправовыми отношениями, при условии их не противоречия декретам советской власти, революционному правосознанию и революционной целесообразности.

Ограничение применения правовых обычаев законом советская власть начала еще до Первой кодификации советского права в феврале 1918 г. с

принятием декрета «О социализации земли»¹. В нем в отличие от Декрета о земле, полностью отражавшего интересы крестьян, закреплён принцип пользования землей не для личной выгоды, а для общественной пользы (ст.21), что давало право на приоритетное получение земли новым социалистическим коллективным хозяйствам.

В личных интересах земля распределялась в определенном декретом порядке, при котором в первую очередь землей наделялись безземельное и малоземельное население (батраки), затем пришлое земледельческое население, прибывшее в деревню после опубликования данного декрета.

Кроме того, право на землю, хотя и в третью очередь, получило и неземледельческое население, то есть крестьянское право на обработку земли перестало быть исключительным. Тем самым все трудящиеся получали право на пользование землей по потребительно-трудовой норме.

В годы военного коммунизма (с января 1919 г. до марта 1921 г.) действие правовых регуляторов в сфере продовольственного обмена между городом и деревней практически полностью прекращается. Вводилась политика продовольственной разверстки, устанавливавшая твердые нормы обязательной поставки крестьянами продовольствия по государственным расценкам, допускавшая безвозмездное принудительное изъятие у крестьян продовольственных запасов и круговую ответственность за ее неуплату². Для реализации этой и других развёрсток (повинностей) специально создавались специальные органы: продовольственные отряды, продовольственные армии, революционные армии труда и др.³.

Нарушение правил о разверстке продовольствия, сырья и фуража; о местном обмене, покупке, продаже различных предметов продовольствия и о

¹ Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» // СУ РСФСР. 1918. № 25, ст.346.

² Декрет СНК РСФСР от 11.01.1919 «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» // СУ РСФСР. 1919. № 1, ст.10

³ Постановление СТО РСФСР от 15.01.1920 «О первой Революционной Армии Труда» // СУ РСФСР. 1920. № 3, ст.15.

неплатеже чрезвычайных налогов считалось преступлением и наказывалось лишением свободы вплоть до 29 апреля 1921 г.¹.

С принятием в феврале 1920 г. Положения «О сельском совете» в сельской местности появился орган, осуществлявший опубликование и разъяснение всех декретов советской власти (пар.16), а также надзор за точным соблюдением земледельческим населением советских закоположений и распоряжений о землеустройстве и землепользовании (пар.26)².

Полагаем, что наиболее конкретно соотношение закона и правового обычая в крестьянских правоотношениях установлено в Земельном кодексе РСФСР 1922г³. В ст.1 сформулирован основной принцип земельных отношений об отмене частной собственности на землю, источником которого названа революционная воля рабочих и крестьян. Однако источником нормативных предписаний по поводу использования земли выступало государство, ставшее единственным собственником всех земель в пределах РСФСР. Заведование единым государственным земельным фондом осуществлял Наркомат земледелия и его местные органы.

Трудовые землепользователи и их объединения получали право непосредственного трудового пользования землей. Данные права и связанные с ними обязанности устанавливались законом. Для регулирования земельных отношений в земельных обществах согласно ст.8 допускалось применение местных обычаев, но только если их применение не противоречило закону.

Общее собрание и иные органы земельного общества могли использовать обычаи, не противоречившие закону, для разрешения земельных

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 29.04.1921 «О прекращении дел о нарушении разверстки и неплатеже чрезвычайного налога» // СУ РСФСР. 1921. № 55, ст.338.

² Декрет ВЦИК от 15.02.1920 «О сельских Советах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. 11, ст.68.

³ Постановление ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 68, ст.901.

дел (ст.55). Их не противоречие закону устанавливалось волостными исполнительными комитетами.

Правовые обычаи, признаваемые советской властью, получали государственную санкцию. Примером тому может служить обычай приймачества. Этим обычаем осуществлялся прием в крестьянскую семью (двор) нового человека. С 1924 г. порядок вступления приймака во двор стал регламентироваться не обычаем, а постановлением Наркомюста¹.

Применение обычаев допускалось и при разделах трудовых земельческих хозяйств - дворов². Точнее на основании обычаев определялся состав личного имущества членов крестьянского двора, не подлежавших разделу (ст.77). Как субсидиарный источник права обычай использовался и при разделах земель в обществах с общинным землепользованием (ст.84).

Главу, посвященную общинному землепользованию, законодатели сформулировали на базе обычно-правовых принципов уравнительного распределения земли посредством переделов, скидок и накидок наделов по отдельным дворам (ст.93). Однако теперь эти правила должны были соответствовать закону, письменно излагаться в уставе земельного общества. Право устанавливать разверсточные единицы по губерниям или ее отдельным районам передавалось губернским исполнительным комитетам.

В обществах, где уравнильный передел земли не проводился с 7 ноября 1917 г. и имелась неравномерность в распределении земли передел мог быть проведен по требованию меньшинства общества с разрешения Наркомзема (прим.1 ст.116). Передел земли оформлялся приговором общества, вступавшим в силу только после его регистрации волостным исполнительным

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 06.09.1924 «О порядке вступления приймака во двор» // СУ РСФСР. 1924. № 73. ст.724.

² Полянская Г.Н. Роль обычая в имущественных отношениях крестьянского двора в период проведения Октябрьской социалистической революции // Советское государство и право. 1941. № 1. – С.48-61.

комитетом. В регистрации могло быть отказано, если в приговоре обнаруживались нарушения закона (ст.120).

В Общих началах землепользования и землеустройства, принятых в 1928 г. и действовавших вплоть до конца 60-х годов в СССР, обычаи как форма действующего права вообще не упоминается. Регулирование земельных отношений теперь осуществлялось только на законных основаниях. Под угрозой уголовной ответственности и лишения права пользования землей запрещались любые сделки с землей, нарушавшие исключительную собственность государства на землю, и начала национализации земли (ст.1).

Более того данный кодифицированный акт, противоречил традиционным обычно-правовым принципам. В частности, уравнительное распределение земли между всеми трудовыми землепользователями заменялось внеочередным и преимущественным наделением более удобной землей крупных государственных сельскохозяйственных предприятий (ст.36), сельскохозяйственных коллективов, бедняцкого и середняцкого малоземельного и безземельного населения (ст.1).

Тем самым обычно-правовая уравнительность, предоставлявшая равные возможности на получение земли в трудовое пользование, трансформировалась в земельную уравниловку как средство управления. Юридическими средствами велась борьба с крестьянским сопротивлением социализации сельскохозяйственного производства, ограничивались средства существования оппозиционно настроенной части крестьян, а также всех категорий населения, лишенных избирательных прав (ст. 9).

Свобода выбора форм землепользования крестьянами ограничивалась нацеленностью сельскохозяйственного производства на кооперацию, коллективизацию (ст.15), поднятие технического уровня сельского хозяйства (ст.18).

Исследование соотношения закона и правового обычая в первое десятилетие советской власти позволяет выделить следующие этапы: с конца октября 1917г. до февраля 1918 г. обычаи широко использовались в сфере

непосредственного правотворчества народа, что позволяло восполнять пробелы законодательного регулирования. На данном этапе применение обычаев допускалось даже конституционным правом. Так, по Конституции РСФСР 1918 г. выборы производились согласно установившимся обычаям (ст. 66). На соблюдение этого обычая при выборах волостных, районных и сельских советов указывает Т.Ф. Ящук¹.

С февраля 1918 г. до 1928 г. правовые обычаи использовались как субсидиарный источник права. Наиболее широко обычаи применялись на уровне автономных республик. Вывод основан на анализе многочисленных данных исследователей об использовании правовых обычаев в различных автономных республиках. Так, в докторской диссертации У.А. Азизова указано на действие в Таджикской АССР таких обычаев как выдача замуж несовершеннолетних девушек, похищение невест, воспрепятствование женщинам в участии в общественно-политической деятельности и др.².

Факты использования правовых обычаев у чеченцев и ингушей приведены в исследовании А.А. Плиева³. Авторы многотомной «Истории государства и права народов Кавказа» доказывают, что адат и шариат играли важную роль в жизни чеченцев, дагестанцев, ингушей и других народов Северного Кавказа.

В последние десятилетия накоплена обширная литература о применении адата в шариатских судах, которые руководствовались не только мусульманским правом, но и адатом⁴. Они рассматривались все гражданские дела с суммой иска до 1000 рублей, бракоразводные и наследственные споры.

¹ Ящук Т.Ф. Указ. соч. – С.98, 99.

² Азизов У. А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Душанбе, Республика Таджикистан Таджикский национальный университет, 2015 г. – С. 265, 266.

³ Плиев А. А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей. 1880–1970 годы / А. А. Плиев. - Москва: Наука, 2016. – С. 75, 143.

⁴ См: Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в.: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии, этнографии; сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. - Москва: Марджани, 2009. – С. 54–69.

Приговоры по уголовным делам выносились по адату. Кровника изгоняли из населенного пункта, наказывали крупными штрафами как в пользу общины, так и пострадавшей стороне. Только в 1923г. дела по убийствам и кровной мести были переданы в народные суды, где они рассматривались по советскому законодательству.

Практику применения правовых обычаев у народов Дагестана вплоть до ликвидации шариатских судов в 1927г. А.М. Сагидов оценивает как значимую, повлиявшую на содержание республиканского законодательства¹. Закрытие шариатских судов привело к восстаниям со стороны местного населения и репрессиям советской власти. Только в 1929г. ОГПУ были расстреляны 300 представителей духовенства, обвиненные в контрреволюции, антисоветизме и сектантстве². С марта 1928 г. действие правовых обычаев допускалось только в случаях, прямо указанных в законах. Сфера действия обычаев в основном ограничивалась международными торговыми отношениями.

Более того, в отдельных НПА правовые обычаи рассматривались как негативное проявление прошлого опыта, способствующее сохранению в народе с низким уровнем политической культуры идеологических пережитков, бытовых и религиозных предрассудков. По мнению законодателей, такие обычаи препятствовали развитию правовой грамотности и социалистического правосознания у населения и создавали в стране хаос и произвол³.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что решение текущих практических задач потребовало построения сильного государства, обладающего централизованным властным механизмом и единой системой законодательства, связывающей население. Поэтому по мере осуществления кодификационных работ, приведших к формированию более ли менее

¹ Сагидов А. М. Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.01. - Москва, 2007. – С. 10.

² Акаев В. Х. Ислам в Чеченской Республике. М.: Логос, 2008. – С.38.

³ Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.02.1925 «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой» // Известия ЦИК СССР. № 38, 15.02.1925.

упорядоченной системы законодательства, правовые обычаи вытеснялись из сферы правового регулирования.

Практика показала, что революционное правосознание трудящихся как источник права создало многообразие форм права, наполненных разнородным содержанием. Это приводило к хаосу и беспорядку в общественных отношениях. Интересы отдельных социальных групп существенно различались и во многом не соответствовали политическим и социально-экономическим предписаниям, закрепленным в советских декретах.

Особенно это касалось самой многочисленной социальной группы - крестьян. Их требования в основном имели экономическое и социальное содержание, не выходили за пределы внутрисословных интересов и не носили революционный характер. Поэтому устанавливалось субсидиарное действие правовых обычаев как основной формы народного правотворчества в период НЭП. Правовые обычаи использовались только для восполнения пробелов в законодательстве и допускались в случаях их не противоречия декретам советской власти.

Отказ от использования правовых обычаев имел не только формально-юридические, но и более серьезные политические последствия. Он стал началом долгосрочной политики по широкомасштабной индустриализации страны. Форсированное проведение этой политики не предполагало налаживание правовых связей между городом и деревней и учета хозяйственных интересов крестьянства.

Социализация деревни в 20-х годах показала, что крестьянство не заинтересовано в предлагаемых властью мероприятиях и механизмах взаимодействия. Крестьянин, обрабатывающий свой участок земли и отказывающийся отдать свой хлеб для спасения рабочего, признавался эксплуататором и врагом народа¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. – С.311.

Принцип равномерного распределения продовольствия в корне противоречил незыблемым основам крестьянской жизни, в частности, обычно-правовому принципу распределения по труду и вызывал яростное сопротивление со стороны крестьян, не прекративших торговлю хлебом даже под угрозой расстрела¹.

Сопротивление крестьян проводимой советской властью продовольственной политике вызвало реакцию в виде государственной хлебной и иной продовольственной монополии, реализуемой методом отчуждения по государственной потребности. К отказникам широко применялась уголовная ответственность. Так, в Тульской губернии только ревтрибуналами с 1918 по 1922 г. за данное правонарушение было осуждено 6512 чел.².

Все вышеизложенное позволяет заключить, что правовые обычаи русского крестьянства, нацеленные на сохранение и воспроизводство традиционных практик его жизнедеятельности, не соответствовали целям социалистического строительства, закреплённым в советских законах. Именно поэтому параллельно с процессом стирания отличий между образом жизни в городе и деревне, добровольно-принудительным насаждением коммунистических идей в деревне шёл процесс вытеснения обычного права из крестьянского правосознания и жизни.

Иначе складывалось соотношение между законом и судебной практикой. Советские теоретики и практики констатировали тот факт, что законодательство в 20-годах несмотря на все предпринимаемые усилия находилось в неудовлетворительном состоянии.

Главной проблемой установления режима законности в стране была двойственность подходов к соблюдению законов. Если для населения устанавливалось требование точного и неукоснительного соблюдения

¹ Крицман Л. Героический период Великой Русской Революции. – М., 1925. – С.133-135.

² Пять лет борьбы за хлеб. 1917-1922. Тула, 1923. – С.9-14.

декретов, то исполнение декретов партийными и советскими руководителями считалось не только не обязательным, но даже и «преступлением перед революцией»¹.

Изменение закона не требовало от ответственных работников осуществления формальных процедур, законы менялись моментально, в 24 часа, по телефону и пр.². Ситуация усложнялась тем, что противоречивые декреты дополнялись многочисленными инструкциями, а их, по словам М. Андерса, «издавали все кому не лень»³.

Режим революционной законности предполагал свободную оценку интересов в конкретных жизненных ситуациях и поиск подлинного смысла закона, не выраженного напрямую в тексте декрета⁴.

Принцип целесообразности предоставлял судебнo-карательному аппарату, так зачастую называли народный суд в партийных документах, исключительные полномочия по определению санкции за совершенные гражданами правонарушения.

Так, поскольку в условиях военного коммунизма спекуляцией, уклонением от трудовой повинности, самогоноварением занималось большинство трудящихся, то такие дела рассматривались единолично судьей во избежание освобождения преступника от ответственности⁵.

К началу 20-х годов советская власть выработала собственное понимание того, каким должен быть советский судья, обладавший стольширокими дискреционными полномочиями. Главными навыками судьи становилось внимательное отслеживание изменения курса коммунистической партии, принятие решений в духе ее политической линии и готовность подчиниться партийной дисциплине. Поэтому судьи должны были иметь

¹ Девятый съезд РКП (б). – С.73.

² Стучка П.И. Революционная роль советского права. – С.87.

³ Андрес М. Письмо к редактору // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47. – С.3.

⁴ Брандербургский Я. Просто законность или революционная законность // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 32. – С.2.

⁵ Материалы НКЮ. Вып. XI-XII. – С.10.

пролетарское происхождение, революционное правосознание и способность усвоить законодательные положения¹, а также партийные директивы. По словам И.В. Сталина, судья должен их усвоить как родные и бесприкословно применить их в жизнь².

Организаторы Высших юридических курсов отмечали полное отсутствие у большинства пролетарских судей не только специальных юридических знаний, но и даже первоначального образования³. Вследствие этого источник знаний для принятия решения они искали не в себе, а вовне, из инструкций, партийных директив, советских газет и пр.

Решения пролетарских судей к началу 20-х годов перестали основываться на их собственном разумении как революционно настроенных трудящихся. Объем применяемой репрессии контролировался высшими органами советской власти по принципу единства судебной практики⁴.

С этой целью давались систематические инструктивные разъяснения по поводу меры репрессий по отдельным видам преступлений⁵, а также указания по конкретным политическим судебным делам⁶. Народные суды регулярно отчитывались о реализации распоряжений высших органов советской власти⁷.

Партия начала осуществлять жёсткий отбор кадров народных судов и революционных трибуналов. Из судов убирали «старых» юристов, неспособных осуществлять пролетарское правосудие, и назначали проверенных товарищей, способных на деле применить репрессию против

¹ Лунин А. Две ударные задачи // Еженедельник советской юстиции. 1922, № 19/20 (31 мая). – 1922. – 32 с. – С.4.

² РКП(б). Съезд (11; 1922 ; Москва). Резолюции XI съезда Российской Коммунистической Партии (большевиков), апрель 1922 г. / РКП(б). Съезд (11; 1922; Москва). – Новониколаевск: Типография Представительства ГПУ по Сибири, 1922. – С.63.

³ Исаев М.О Высших юридических курсах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47. – С.3.

⁴ Крыленко Н.В. К реформе действующей судебной системы // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. – С.4.

⁵ Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 г. – М., 1922. – С.28.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. – С.110.

⁷ ГАРО. Фонд Р-1129, опись 1. Д. 39. Л. 2–13.

врагов советской власти, агентов буржуазии, под которыми понимались прежде всего меньшевики и эсеры, и лица, злоупотребляющие НЭП¹.

Так, если в 1922 г. 49 % председателей Советов народных судей были беспартийными, то в 1924 г. – 98,1 % председателей губернских судов являлись членами РКП(б)².

Как писал один из разработчиков концепции Судебной реформы 1922 г. А. Лунин, советский суд осуществляют профессиональные судьи, коммунисты, способные провести диктатуру пролетариата, но поскольку они часть народа, то и суд народный³. От народных судей требовалось, чтобы они стали проводниками публично правовых интересов и обеспечивали приоритет интересов государства над частными интересами в условиях НЭП⁴.

Тем самым судебная система выстраивалась исходя из общей задачи создания централизованной государственной машины, управляемой партией. По образному выражению В.И. Ленина, такая машина должна была стать паровозом, прочно стоящим на социалистических рельсах⁵.

Для ликвидации остатков децентрализации, самостоятельности судов и встраивания судебной системы в единый государственный механизм была проведена Судебная реформа 1922 г.⁶. В ходе реформы создавался единый централизованный суд как «реальное орудие в руках государственной власти»⁷, контролируемый «единой направляющей инстанцией, дающей

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. – С.397.

² Основные итоги работы губернских (областных) народных судов РСФСР в 1924 г. – М., 1925 г. – С.12.

³ Материалы НКЮ. Вып. XVI-XVII. – С.36.

⁴ Хмельницкой А.И. Красное право и красный суд. Одесса, 1921. – С.10, 11.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. – С.108-109.

⁶ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922). – М., 1990. – С.150.

⁷ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: (лекции по теории и истории судостроительства) / Н.В. Крыленко. – Москва: Юридическое издательство, 1923. – 416 с. – С.151.

соответствующее указание по каждому или по поводу каждого выдвигаемого жизнью случая»¹.

Сохранение института народных заседателей компенсировалось созданием механизма их подбора партийными и государственными структурами. От участия в принятии решений в пролетарских судах, ставших органами классовой борьбы, устранялось большинство населения прежде всего крестьянство как выразитель мелкобуржуазных интересов.

Основным органом толкования советских законов становились губернские суды, на которых возлагалась вся ответственность за работу народных судов². Регламенты, формы и методы работы народных судов, в том числе порядок их взаимодействия с губернскими судами определял Наркомат юстиции. Оценке подлежала не собственно юридическая, а выполняемая в соответствии с правильной классовой политикой и инструкциями практическая работа. Последствием четко налаженной инструкторской деятельности стало минимальное количество отмененных приговоров народных судов. Статистика качества их работы колебалась в пределах 2 % отмененных приговоров³.

Таким способом решалась задача ограничения самостоятельности народных судей, среди которых оставался значительный процент лиц с юридическим образованием, при принятии ими судебных решений. Соблюдение судьями юридических процедур, расценивалось как проявление бюрократизма и волокиты⁴.

¹ Крыленко Н.В. К реформе действующей судебной системы // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. – С.5.

² Тезисы доклада Н.В. Крыленко по пункту 3 повестки дня V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции «Губернский суд и ближайшие мероприятия в сфере его деятельности» // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13. – С.296.

³ Основные итоги работы губернских (областных) народных судов РСФСР в 1924 г. – М., 1925 г. – С.15,16.

⁴ Стучка П.И. Мысли о нашем правосудии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 22. – С.507.

Партия объявила борьбу с индивидуализмом юридического мышления судей. В основном она велась методом устранения из судов интеллигенции¹. При этом в целом количество народных судов сократилось в РСФСР с 2555 в 1921 г. до 1723 в 1923 г.² Данное сокращение сопровождалось личными чистками. По данным Наркомюста только в 36 российских губерниях было уволено 1446 судей и других работников суда, что позволило в том числе освободить судебную систему от критиков политики советского государства³.

Понимание классового подхода для судьи было более значимо, чем знание действующего законодательства. Быстрое устаревание и пробелы этого законодательства нередко приводили к тому, что существенные правовые вопросы разрешались не законом, а постановлениями Пленума Верховного суда СССР или ведомственными инструкциями. В таком состоянии находились, в частности, такие жизненно важные для граждан вопросы, как жилищный наем, обязательства, возникающие из причинения вреда и др.

Таким образом, сохранение революционного правосознания судьи в качестве источника советского права советская власть использовала для укрепления механизма советского государства и создания в его структуре гибкого инструмента для корректировки стремительно устаревающего противоречивого законодательства. Методом централизации, постоянных чисток и ротации кадров советское руководство осуществило трансформацию судебной правовой деятельности в судебную работу, лишенную независимости, несменяемости судей, подчиненную многочисленным ведомственным актам, нацеленную на реализацию задач государства диктатуры пролетариата. Механизм отмены любого решения нижестоящего суда, личная ответственность вышестоящих судей за правильную работу

¹ Брандербургский Я.О. социальном составе советского суда // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 24. – С.554.

² Там же. – С.553.

³ Зенкевич В. Итоги работы по проверке и чистке личного состава в органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 17. – С.396.

нижестоящих судей практически исключила появление судебных решений противных социалистических идеалам.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

Официальное понимание социальной роли и структуры источников советского права в период с октября 1917 г. до конца 20-х годов претерпело существенные изменения. От первоначальной идеи власти, не ограниченной никакими законами, формальностями и регламентами советское руководство отказалось. Пережив период революционных брожений и Гражданской войны, государство сначала приступило к созданию многочисленных декретов, а затем их систематической обработке в виде советских кодексов и иных кодифицированных правовых актов, составивших основу системы советского законодательства. Привязка законов к задачам текущего момента приводила к их быстрому устареванию и появлению феноменов временных кодексов. Примером тому служат КЗОТы 1918 и 1922 гг. Принятый в период «военного коммунизма» КЗОТ 1918 г. утратил актуальность в период НЭП, что потребовало принятия нового трудового кодекса.

Многочисленные нормативные акты издавались различными органами власти и управления в разнообразных формах (декреты, постановления, распоряжения, инструкции и др.). При отсутствии четкого разграничения законодательных полномочий высшего органа советской власти Всероссийского съезда Советов с ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР с 1917 по 1923 гг. было сложно выстроить иерархию принимаемых в упрощенном порядке НПА по юридической силе, а также проверить соблюдение законного порядка их принятия. Конституция СССР 1924 г. отчасти решила данные вопросы, разграничив полномочия высших органов власти и управления на союзном и республиканском уровнях. Однако низкий авторитет конституции, советских законов, отсутствие формально-юридических критериев для разграничения законов и подзаконных актов, порядка их отмены или изменения низводило НПА до роли технического средства управления в

государстве диктатуры пролетариата и препятствовало установлению правопорядка.

Пробельность и иные дефекты советских кодексов, применение принципа аналогии, качественный состав судебного корпуса привели к широкому использованию правосознания как источника права. Однако у народных масс оно было и не буржуазным, что требовалось в условиях «временного отступления» НЭП и не тем более социалистическим. Практика применения обычаев в народных судах и революционных трибуналах демонстрировала множественность и разнообразие норм повседневного правового поведения, несоответствующих идеалам коммунистического будущего. Эти идеалы занимали первое место в иерархии защищаемых советским правом ценностей (ст. 25 УК РСФСР 1922г.). Архаизм и бесперспективность правовых обычаев в плане дальнейшего социалистического строительства привёл советское руководство к отказу от традиционных и поиску новых источников социалистического права.

Проведение Первой кодификации советского права наглядно показало, что системное построение источников социалистического права невозможно без теоретического разрешения вопросов об источниках права и взаимоотношениях между ними, определения закона и его самостоятельной роли в советском обществе, закрепления юридических процедур законодательного процесса, разграничения правотворческих компетенций между советскими органами. С конца 20-х годов началась создание официальной марксистско-ленинской науки о праве. Без понимания сформированных в конце 20-30-е годы теоретических основ социалистического права невозможно выявить особенности системы источников социалистического права. Поэтому данному вопросу будет посвящён следующий параграф исследования.

Глава 3 Развитие системы источников социалистического права в СССР в период индустриализации

3.1 Особенности развития системы источников советского социалистического права в 1929-1936 гг.

Период конца 20-х– 30-х гг. стал временем теоретического и институционального становления официальной марксистско-ленинской науки о государстве и праве, научной разработки концептуальных оснований социалистического права и советской юстиции. Данный процесс до начала 30-х годов сопровождался спорами, дискуссиями, поисками методом проб и ошибок, различными экспериментами.

Свертывание политики НЭП, потребовавшей восстановления отдельных буржуазных правовых институтов, привело к возобновлению дискуссий о противоречиях между негибким формализмом законов и революционной убежденностью, сознательностью советских государственных служащих¹. Однако именно на этом этапе появились вдумчивые и обстоятельные исследования в защиту социалистической законности, ставшие фундаментом для формирования официальной правовой политики, методологии диалектико-материалистического познания права и определения его места в условиях социализма².

Развитие обнаруживается и в понимании источников права. Так, Е.Б.Пашуканис, с опорой на марксистское мышление утверждал, что содержание и форма права складываются в ходе исторического процесса, в центре которого изменение способа производства. Форму права он выводил по аналогии с формой товара и ставил ее в зависимость от производственных отношений в обществе. Атомом юридической теории Е.Б. Пашуканис называл субъекта права. Вследствие этого одной из важных форм права он называл

¹ Калинин М.И. О социалистической законности. – М., 1959. – С.55-56.

² Диденко М. С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. №3. – С. 8.

договор или соглашение, с помощью которых источники независимых волей воздействуют на окружающую их правовую сферу¹.

Важным достижением советской юридической науки стало разграничение буржуазного права и права вообще. Во многом успехам советской юридической науки в рассматриваемый период способствовало понимание того, что право и закон свойственны не только буржуазному обществу². По характеру право было подразделено на право эксплуататорских обществ, основанных на рабовладельческом, феодальном и буржуазном способе производства, и социалистическое право. Оно отличалось от буржуазного права революционным способом формирования и запретом всякой эксплуатации человека человеком. Поэтому советское право перестали рассматривать как историческое продолжение буржуазного права. Его провозгласили новым типом права, выросшим на социалистической революции пролетариата и ставшим результатом непосредственного правотворчества масс³.

Отмирание права связывалось с наступлением коммунизма, то есть такого общества, в котором юридические отношения изживают себя, а люди соблюдают основные правила общежития без принуждения. До этого времени необходима твердая дисциплина на основе правил советских законов.

Подход к праву как специфическому социальному институту, предназначенному для укрепления государства и одновременно важному инструменту государственного управления методом легализованного принуждения, достижения экономических и политических целей стал господствующим.

В конце 20-х – начале 30-х гг. главной политической целью провозглашалась реализация марксистской доктрины в направлении полного

¹ Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – С.183, 187.

² Раппопорт М.Я. Вредительство на правовом фронте и проблема теории государства и права // Советская юстиция. 1938. № 1. – С.15.

³ Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – С.205.

обобществления основных средств производства прежде всего в сфере сельского хозяйства. Н.В. Крыленко, Е.Б. Пашуканис, П.И. Стучка и другие советские юристы пересмотрели свои позиции о роли государства в развитии и осуществлении права. Впрочем их это и не спасло их впоследствии от обвинений в искажении марксистско-ленинского подхода к праву, а некоторых из них от репрессий.

Так, Н.В. Крыленко в декабре 1934г. выступил с докладом на совместном заседании президиума Комакадемии и Государственного института уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР, в котором говорил о необходимости гибкости кодексом, «чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора наиболее целесообразной меры репрессии для каждого конкретного случая». 29 июля 1938г. такая мера была применена к нему¹.

Официально-нормативное определение права приобрело особое социальное значение, а реализация права связывалась с авторитетом пролетарского государства, особой формой которого объявлялось Советское государство. Именно государство обеспечивало социалистический правопорядок, означавший устойчивость социалистических общественных отношений, уважение и сохранение социалистической собственности как основы советского строя, а также соблюдение всех советских законов.

Не менее серьезным изменением в подходе к праву стал отказ от тезиса об отмирании права при переходе к плановому социалистическому хозяйству. Особенно подчеркивался утопизм представлений о возможности обойтись без права на этапе диктатуры пролетариата².

¹ Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Комакадемии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. 1935. № 1–2. – С. 104.

² Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – С.14.

Диктатура пролетариата определяла весь переходный к социализму период. Одним из основных методов социалистического строительства на этом этапе была признана революционная впоследствии социалистическая законность. Отмирать должно было социалистическое право в связи с преодолением принципа распределения по труду при переходе социалистического общества в его высшую фазу – коммунизм.

Марксистско-ленинский подход к праву объявлялся единственно верным в социалистическом обществе, чистым источником великой, подлинно научной мысли. На основе марксистско-ленинской идеологии предполагалось завершить построение науки советского права. Любые отступления от данного подхода были названы извращением существа, природы и значения советского права и подвергнуты суровой критике. Воспроизведение слов Маркса и Ленина не буквально, а в «революционно-диалектическом» ключе стало небезопасным¹.

Так, взгляды М.А. Рейснера на советское право, как триединство пролетарского, буржуазного и крестьянского права провозглашались вредными, антимарксистскими и лженаучными. Вольные трактовки марксизма были обнаружены в трудах П.И. Стучки. Его критиковали за то, что он рассматривал право, как конкретную систему общественных отношений, уравнивал производственные и юридические отношения, лишил советское право его революционной роли, извратил понятие советского закона и прочее².

Признавая ошибочность репрессивных мер в отношении советских юристов, считаем, что выработка общих правовых подходов избавила советские законы от влияния взглядов и позиций их составителей. По мнению А.Л.Маковского, подбор статей в ГК РСФСР 1922г. зависел от личных предпочтений В.А. Краснокутского, А.Г. Гойхбарга, Н. И. Бернштейна³.

¹ Крыленко Н.В. Ленин и Сталин о революционной законности. – М.: Государственное издательство советское законодательство, 1934. – С.31.

² Вышинский А.Я. Указ. соч. – С.18, 19, 23, 24.

³ Маковский А. Л. Указ. соч. – С.12.

Чистка была проведена не только в партийных рядах¹, но и в науке советского права. Её освобождали от остатков буржуазных правовых идей для формирования единообразной, цельной и стройной марксистско-ленинской правовой теории. К вражеским также были отнесены теоретические взгляды на право К.А. Архиппова, Я.Л. Бермана, А.Г. Гойхбарга, И.Д. Ильинского, Д.А. Магеровского, Е.Б. Пашуканиса, Г.С. Гурвича, В.Л. Кобалевского, А.Ф. Евтихеева и многих других советских юристов.

Принципиальный отказ от тезиса об отмирании права при социализме актуализировал задачу формирования общей теории права. Советская теория права воспринималась как система общих правовых принципов, на основе которых выстраивалась система науки права вне зависимости от содержания конкретных ее отраслей. От плюрализма мнений советским юристам предстояло перейти к выработке единой теории социалистического права на принципах марксистско-ленинской методологии.

Вместе с этим были поставлены и основные вопросы теории права, такие как понятие социалистического права, его предмет, метод, принципы, задачи в деле содействия социалистическому строительству, структура; проблема формы и содержания советского права, а также выявления специфики советской правовой формы.

Советские юристы, не отказываясь от принципиальной позиции об отмирании права вообще, перестали отождествлять буржуазное право и право в целом. Утверждение об отмирании юридической формы при переходе к коммунизму было расценено как грубое извращение марксизма, имеющее тяжелые практические последствия в виде нигилистического отношения к советскому праву и ослабления правовых институтов, ставших мощным орудием пролетариата в борьбе с врагами социализма.

При выработке общей концепции социалистического права отказались от немарксистских и лжемарксистских концепций правопонимания. Все они

¹ Успенский И. Успехи и трудности социалистического строительства. – М.: Издание райсовета Красно-Пресненского района Мособлит, 1931. – С.23-24.

были объявлены ненаучными учениями, неспособными решить, стоящие перед советской юриспруденцией задачи. Бессилие буржуазной юридической науки связывалось с отсутствием у нее правильной методологии. Опора на диалектический материализм, дававший систему принципиальных научных положений, гарантировала, по мнению советских идеологов, правильность советского научного познания права.

Правовая форма лишилась самостоятельного собственно юридического содержания и определялась социально-классовым, экономическим и политическим содержанием государственной работы. Государственная политика осуществлялась без оглядки на закон. В частности, разграничение законодательных полномочий в тексте Конституции СССР 1924г. не привело к появлению двухуровневой системы законодательства. В условиях планово-административной экономики и единого экономического пространства правовое регулирование в СССР осуществлялось общесоюзным законодательством¹. Фактически сложившаяся модель впоследствии будет закреплена в Конституции СССР 1936г.

Другим примером может служить проведение политики индустриализации и коллективизации в 1929 – 1932 гг., продемонстрировавшее пренебрежительное отношение советского руководства к действующим законам. В случаях, когда они препятствовали проведению коллективизации и применению принудительных мер для преодоления сопротивления крестьян законы игнорировали.

Вместо них принимались чрезвычайные постановления, многие из которых были составлены лично И.В. Сталиным, в том числе в части определения объема уголовной репрессии. В качестве примера приведем постановление от 7 августа 1932 г.², объявившее врагами народа всех

¹ Маковский А. Л. Указ. соч. С. 16,17.

² Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62, ст.360.

расхитителей социалистической собственности и противоречившее ст.162 УК РСФСР 1926 г.¹.

Специфика советского права объяснялась тем, что это право переходного периода, рожденное и завоеванное революцией и пролетарской диктатурой, разрушавшее все основы юридической догматики. Помимо марксистско-ленинского учения, лежавшего в основе советского права, от буржуазного права его отличало социалистическое содержание всех институтов, опора на социалистическое правосознание, собственная система обобщающих правовых понятий, нацеленность на охрану классовых интересов трудящихся (рабочих и беднейших крестьян). Советское право имело и особый предмет, включавший социально-экономическую природу общественных отношений как основу юридических свойств правовых институтов.

Научные подходы советских юристов конца 20-30-х годов к праву не дают оснований согласиться с исследователями, утверждающими, что в их основе лежало формально-догматическое и этатистское правопонимание². Советское право в трактовке юристов 30-х годов полностью не укладывается и в пределы позитивизма, исходившего из тезиса о высшей ценности государства, принципа верховенства закона, а также значимости формальных аспектов права. Это было революционное направление в науке советского права и к середине 30-х годов оно «перестало соответствовать потребностям страны»³.

Не отрицая того факта, что полностью уйти от правового традиционализма в разных его проявлениях советским юристам не удалось⁴, следует признать наличие существенных новаций, содержащихся в концепции

¹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926, № 80, ст.600.

² Попов В. И. Правопонимание в советской юридической науке: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – С.38.

³ Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Часть 15. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодатель. 2022. №3. – С.92-93.

⁴ Шаповалов И. А. Указ. соч. – С. 137.

социалистического права и не соответствующих классическим (буржуазным) теориям правопонимания.

Законодатель не получил правотворческой свободы и исключительных полномочий по созданию правовых норм. Он был связан социальными факторами как экономического, так и политического порядка. Как справедливо отметил, Р. Давид, марксизм отходил от позитивистского подхода к праву и объяснял его данность материальными особенностями исторического развития социальной среды, в которой право формировалось¹.

Своеобразие советского права подчеркивали многие ученые. Так, П.И. Стучка писал, что термин «советское право» ввели еще при жизни В.И. Ленина и с полного его одобрения. Оно отличалось от буржуазного права не только названием². Важным отличительным признаком социалистического права была его ориентированность на укрепление в обществе коммунистических идеалов.

Уникальность советского социалистического права кроется и в том, что в отличие от западноевропейского права оно изначально формировалось как публичное. В первую очередь оно предназначалось для организации политической системы на идеологических основаниях марксизма-ленинизма. Даже гражданское право приобрело в Советском государстве публично-частный характер³. Частный имущественный интерес не мог нарушать общих интересов социалистического общества.

Преимущественно публичный характер порождал и иные специфические черты советского социалистического права. Назовем ряд из них: во-первых, его применение в значительной степени зависело от государственной воли. Частный компонент в праве был сведен к минимуму. Нарушение правовых

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – С.190.

² Стучка П.И. Государство и право в период социалистического строительства // Революция права. 1927. № 2. – С.18.

³ Шатковская Т.В. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. как феномен публично-частного гражданского права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. – С.113-120.

норм рассматривалось как посягательство на успешную реализацию государственной политики. Интересы государства охранялись максимально строгими мерами. Поэтому в соблюдении правовых предписаний было более заинтересовано государство чем отдельные индивиды. Нормы права имели в большей степени императивный категорический характер.

На преобладание в советском гражданском праве императивных норм указывал И.Б. Новицкий. Он связывал это с плановым характером советской экономики и ходом социалистического строительства. Определяющее значение императивных норм в ГК РСФСР 1922 г. и поправки, внесенные в него в 30-е годы, привели к тому, что сфера частнохозяйственной деятельности сужалась и в эти правовые формы «вливалось новое социалистическое содержание». Так, запрет на коммерческое кредитование повлек поправку, согласно которой признание долга не прерывало сроков исковой давности по спорам между социалистическими организациями¹.

Советское право продолжало восприниматься как инструмент государственной власти. Поэтому препятствия, создаваемые советскими законами, в реализации планов советских преобразований, к примеру коллективизации, не становились фатальными. В таком случае законы заменялись административными решениями и чрезвычайными указами. Даже в самом «буржуазном» ГК РСФСР 1922г. были закреплены «командные высоты государства в экономике»².

Надзаконный характер государственной власти в СССР не следует рассматривать как специфическую черту социалистического права. Напротив, данная черта есть проявление устойчивой тенденции приоритетного значения управленческой функции над законодательной в истории Российского государства. Вследствие этого важную правоприменительную роль играло социалистическое правосознание и образ мышления должностного лица.

¹ Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1959. – С.14.

² Маковский А. Л. Указ. соч. – С. 10.

Собственно, и приоритет конкретных жизненных отношений над общими логическими нормами законов также можно считать традиционным для России феноменом. Данная черта сохранялась и в советском праве. По этому поводу точно высказался Е.Б. Пашуканис «революционное действие может сделать очень многое», «но оно не может сделать существовавшим то, чего на самом деле в прошлом не существовало»¹.

Вместе с тем сохранение традиций в советском праве не стоит сильно преувеличивать, поскольку они получили в социалистическом обществе иное выражение, толкование и применение. Так, негативное отношение крестьян к частной собственности на землю было использовано для обобществления средств производства с целью реализации государственных целей в области социалистического строительства.

Во-вторых, социалистическое право, нацеленное на воплощение полноты общественных отношений, сводилось к формально-юридическому выражению экономических, политических и классовых отношений, определявших его содержание. Как справедливо отмечал Р. Давид, многие юридические термины в социалистическом праве имели иной смысл чем в романо-германском праве. Прежде всего это относится к собственности, договорам, арбитражу, демократии².

Справедливость определялась оценочно, как историческое понятие, зависящее от условий жизни господствующего класса. При советском строе справедливость в праве связывалась с соответствием норм права интересам пролетариата. И если в первые годы советской власти она связывалась с переделом собственности, то впоследствии, как справедливо отметил А.Л.Маковский, не было понятно как «эта справедливость будет обеспечена»³.

В-третьих, последствием пренебрежения юридической догматикой при разработке советского права стало снижение уровня юридической техники.

¹ Пашуканис Е. Б. Указ. соч. – С.80.

² Давид Р. Указ. соч. – С.151, 152, 161.

³ Маковский А. Л. Указ. соч. – С.9.

Данные вопросы были выведены из научного дискурса как малозначимые и псевдонаучные, что привело к ухудшению качества советских нормативных актов. Отсутствие юридических критериев для определения нормативного акта привело к тому, что правовые нормы содержались в различных актах государственных и партийных органов.

Инструментальный характер советского права как орудия пролетарской диктатуры, функциональный подход к его формированию, его нацеленность на борьбу с врагами социализма и выполнение задач построения, закрепления и развития социалистического общества определили приемы научной разработки принципов социалистического права.

Подход к формированию принципов существенно отличался от практики, сложившейся в романо-германской правовой семье, где общие правила выводились из юридической практики или на основании правил долженствований для выработки справедливого решения.

В социалистическом обществе формирование правовых принципов не могло осуществляться путем логической обработки самого права, даже позитивного. Как утверждал А.Я. Вышинский, принципы социалистического права берут свои истоки и содержание в общественных прежде всего производственных отношениях. Поэтому принципы их построения служат основой и теории советского права¹.

Задача юристов собственно и не состояла в разработке принципов советского права. Им необходимо было обнаружить юридическое содержание в базовых принципах марксистско-ленинской идеологии, дававших общее направление при решении конкретных дел. Помимо принципа диктатуры пролетариата, получившего обновленное официальное толкование в трудах И.В. Сталина², советское право базировалось на принципах единства государственной власти и социалистического права как элемента

¹ Вышинский А.Я. Указ. соч. – С.72.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Издание девятое, дополненное. – М., Партиздат, 1938. – С.163-164.

политической надстройки, централизованного планового управления, публичности, классового подхода, революционного (затем социалистического) правосознания, приоритета коллективного интереса над частным, диспозитивности, аналогии закона.

Диктатура пролетариата не соответствовала принципу народовластия, так как юридическая формула о том, что пролетариат выражает волю и крестьян, и интеллигенции носила абстрактный характер и не подтверждалась исторически сложившимися различиями между данными социальными группами, искусственно объединёнными в понятие советский народ. Наглядным доказательством принудительного приобщения значительной части крестьянства к социалистическому образу жизни являлось его сопротивление, оказанное в ходе проведения коллективизации¹.

Право, базирующиеся на диктатуре пролетариата, не предполагало консолидированной выработки общезначимых правил поведения, оно диктовало правильные нормы, соблюдение которых имело принудительный характер, уничтожая пережитки капитализма не только в экономике, но и быту, и в сознании людей.

Классовый подход к праву объяснялся условиями диктатуры пролетариата как особой формы классового союза пролетариата с непролетарскими слоями трудящихся и высшей формы демократии в классовой обществе². Поэтому социалистическое право, которое по мнению советских юристов второй половины 30-х годов обусловлено господствующими в обществе экономическими отношениями, представляет собой форму выражения господствующих в обществе классовых интересов.

Принцип судебного усмотрения выражался в том, что советскому суду принадлежали широкие процессуальные полномочия, в том числе инициатива

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Док. и материалы: В 5 т. / Гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др.; РАН. Ин-т рос. истории и др. – Москва: РОССПЭН, 1999-. – 24 см. Т.4: 1934-1936. Т.4 / Сост.: В. Данилов [и др.]; Редкол.: Ю. Мошков (отв. ред.) [и др.]. – 2002. – 1053с.

² Антропов И.А. Октябрьская революция и право. Иркутск: Издание Иркутского университета, 1929. – С.18-20.

о начале дела по установлению отцовства и об алиментах; право активными действиями регулировать пользование обращающимися в суд гражданами их правами и законными интересами и др.¹.

Сложно согласиться с исследователями, указавшими на свободу действия суда как принцип советского права 30-х годов². Ни закон, ни правоприменитель не могли создавать препятствий в осуществлении государственных задач. Так, закрепив в ст.10 УК РСФСР 1922 г. и последующих уголовных кодексах вплоть до 1958 г. принцип аналогии закона, государство в лице Наркомюста ограничило применение судьями данного принципа только чрезвычайными обстоятельствами³.

Реализация принципа единства государственной власти привела к тому, что фактически законы принимались не Верховным Советом СССР, функционировавшим в сессионном порядке порядка 2-3 дней в году, а его Президиумом. Следует указать на тесную связь между Президиумом ВС СССР и руководством Коммунистической партии (Центральный комитет и Политбюро). В ст.126 Конституции СССР 1936 г. закреплена роль партии как руководящего ядра всех организаций трудящихся общественных и государственных.

Деятельность партии конституционно не ограничивалась рамками закона. Единственным абстрактным ограничителем руководящей роли партии в Конституции СССР 1936 г. указаны интересы трудящихся. Полагаем, что ст.126 закрепляла общую тенденцию централизации политической власти в СССР. В конечном счете все ключевые государственные решения, в том числе и законодательные принимались в Политбюро партии.

¹ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») ст.2 а, ст.5 // СУ РСФСР. 1923. № 46-47, ст.478.

² Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С.29.

³ Переход к НЭПу и революционная законность / Курицын В.М.; Отв. ред.: Чистяков О.И. – М.: Наука, 1972. – С.95-97.

Отказ в Советском государстве от принципа разделения властей фактически уравнивал судебное и административное усмотрение. Подтверждением тому служит роль Наркомюста РСФСР в деятельности судов. В течение рассматриваемого периода он выполнял смешанные судебные-административные функции.

Особо следует выделить влияние циркуляров Наркомюста на судебную практику. Так, Циркуляром Наркомюста от 22 июня 1936 г. народным судьям предписывалось обязательное обсуждение вопроса о поражении прав осужденного при приговоре к лишению свободы свыше одного года¹. Однако данная обязанность предусматривалась в ч.2 ст.34 УК РСФСР.

Вытеснение марксистско-ленинской методологией формально догматического подхода к праву привело к утверждению принципа о непризнании в хозяйственной сфере ничего частного, а также принципа единства и незыблемости государственной собственности. Их, как представляется можно отнести к принципам, названным А. Л. Маковским принципами-ограничениями. Эти принципы позволяли признать незаконным любой «формально правомерный частный оборот» и тем самым допускать свободное вмешательство государства в частноправовую сферу².

Таким образом, к началу 30-х годов противоречивая на первый взгляд правовая система СССР обрела целостность, единство и содержательное своеобразие. Ее статику обеспечивала марксистско-ленинская идеология и выработанные на ее основе правовые принципы. Динамика осуществлялась благодаря соответствию советской правовой системы задачам развития государства диктатуры пролетариата.

Теперь решение практических задач по созданию новой системы источников социалистического права упиралось в отсутствие положительного определения советского социалистического права и его структурных

¹ Циркуляр Наркомюста РСФСР от 22.06.1936 № 62 «Об обязательном обсуждении судом вопроса о поражении прав осужденного при приговоре к лишению свободы свыше года» // Советская юстиция. 1936. № 22.

² Маковский А. Л. Указ. соч. – С. 14.

элементов. И такая задача была поставлена перед теоретиками в середине 30-х годов. Принципиальный поворот, произошедший в понимании права в этот период связан с именем А.Я. Вышинского. Он олицетворял собой новое поколение юристов, для которых советский закон и социалистическая законность становились определяющими понятиями, а теория советского права – основой юридического сознания практических работников советской юстиции. Вместо понятия права как общественного порядка, основанного на революционной целесообразности, была выдвинута идея правопорядка, санкционированного государственной властью¹.

Критикуя своих предшественников прежде всего П.И. Стучку за смешение производственных и правовых отношений и тем самым принижение роли советского закона А.Я. Вышинский предложил новые доктринальные подходы к праву. Интерес вызывает определение, разработанное Институтом права Академии наук, озвученное А.Я. Вышинским в докладе и обсужденное на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства, прошедшем в июле 1938 г. в Москве при участии представителей юридической общественности из всех районов страны². На совещании была предпринята попытка сформулировать общее мнение юристов о праве.

В предложенном А.Я. Вышинским определении советское право представлено в виде совокупности правил поведения, сформулированных в нормативно-правовых актах, обычаях, иных правилах общежития, санкционированных государством и обеспеченных его принудительной силой³. Охрана данных правил была обусловлена их соответствием целям и интересам господствующего класса. Источником права в определении названы общественные отношения и порядки, «выгодные и удобные господствующему

¹ Стальгевич А.К. К вопросу об определении права // Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Ученые записки. 1940. Вып. 1. – С.8.

² Турецкий В. I Совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Советское государство. 1938. № 4. – С. 119–129.

³ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. – С.234.

классу»¹.

В окончательном варианте определения, принятого на упомянутом совещании под правом, понимались только правила поведения, принятые в законодательном порядке властью трудящихся и обеспеченные принудительной силой государства. Источником советского права названа воля трудящихся. Политическим выражением воли трудящихся была советская власть. Дискуссии, начатые на первом совещании о проблемах системы советского социалистического права и ее строении были продолжены на страницах юридических журналов в 1938-1940гг².

Определение, ставшее основой официального правопонимания, впоследствии в научной литературе было названо узконормативным подходом к праву. Однако нормативизму оно имеет слабое отношение. Так, классический нормативизм Г. Кельзена предполагал подчинение государства верховной норме, об этом в социалистическом праве не могло быть и речи. Как писал С. Ф.Кечекьян нормативизм принципиально отличался от марксистско-ленинского подхода к праву тем, что в нём «нормы рассматриваются в отрыве от тех экономических отношений, выражением которых ни являются»³.

В официальном определении советского права государство поставлено над правом. Его господство выражалось в возможности исключения из числа правовых принципов тех, которые противоречили идеологическим основам социализма. Как писал Н. В. Крыленко, «политически неосторожно» и «прямо глупо» господствующему классу «связывать себе руки торжественным обещанием преследовать только за те действия, которые он заранее

¹ Вышинский А.Я. Указ. соч. – С.83.

² Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Часть 15. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодатель. 2022. №4. – С. 86-94, №5. – С.86-94.

³ Кечекьян С.Ф. Выступление в прениях по докладу А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» // Вопросы правоведения. 2009. № 2. – С.151.

предусмотрел в законе»¹. Допускалось приостановление действия норм закона и их замена административными решениями как выражением государственного принуждения. Причем, принимаемые решения могли не только не соответствовать нормам законов, но и общеправовым принципам.

Отсутствие в данном определении четких различий между правом и законом не соответствовало советской действительности, в которой право не уместилось в рамки закона. Нарком юстиции СССР до 1938г. Н. В. Крыленко считал преступным не только то, что прописано в законе, а «все опасное для диктатуры пролетариата»². В поисках справедливых решений обращались не только и не столько к законам. С этой целью использовались и высказывания классиков марксизма-ленинизма, вождей мирового пролетариата и партийные документы.

С середины 30-х годов право толковать марксистские формулы принадлежало только руководителям партии и государства. Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин именно в такой иерархии выстраивались научные высказывания для формулирования исходных положений теории права. Основу официального правопонимания составили тщательно собранные правовые формулы, сформулированные К. Марксом, Ф. Энгельсом и развитые в трудах В.И. Ленина и И.В. Сталина.

В отличие от идеалистов, считавших источником законов волю людей, марксисты вслед за К. Марксом давали материалистическое понимание права. Соответственно источником права называлось содержание производительных сил, материальный образ жизни людей.

Как писал Р. Давид, основной источник социалистического права складывается из соединения двух факторов: обобществления средств производства и народовластия, то есть власти трудящихся в стране³.

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. 2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1928. – С. 28

² Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. – С.10.

³ Давид Р. Указ. соч. – С.198.

Производственные отношения по К. Марксу определяли существо права и порождали юридические отношения, в частности при капитализме разделение труда и отношения собственности¹.

При определении социального значения права советские юристы опирались на высказывание Маркса о том, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»². Закон, лишенный реального экономического содержания, он называл абстракцией и юридической иллюзией. Как только закон перестает соответствовать общественным отношениям, он превращается в пачку бумаги³.

Необходимость отказа от юридического метода как произвольной чисто умозрительной спекуляции К. Маркс объяснял тем, что он искажал смысл реальных экономических отношений и явлений, определявших содержание юридических форм. В частности, он критиковал восприятие юридической фикции о продлении власти человека после его смерти как основы наследственного права и полагал, что реальным источником наследования является необходимость накопления и существование семьи как проявление экономической структуры общества⁴.

Рассуждая о соотношении содержания и формы права К. Маркс писал, что «форма не имеет никакой цены, если она не есть форма содержания». Поэтому он считал необходимым обратить особое внимание именно на содержание права⁵.

С 1933 г. политически правильным примером соотношения содержания и формы для советских юристов стало выступление И.В. Сталина на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В своей речи он назвал колхозы и советы формой политической организации, значимость которой во многом зависела от того,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.IV. – С.326, 348.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.XV. – С.274-275.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.VII. – С.254.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.IV. – С.327.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.I. – С.257, 258.

какое содержание в них будет влито. Тем самым он на конкретном примере продемонстрировал единство формы и содержания при анализе явления с позиций диалектического материализма.

Из этого примера советские юристы 30-х годов делали вывод о невозможности использования правовых понятий других экономических эпох при советском строе. И соответственно понятие права следовало искать методом анализа общественных и производственных отношений, породивших социалистическую форму права.

Так, в одном из первых советских учебников по дисциплине «Теория государства и права» 1940 г. понятие источника права приведено в двух значениях в лингвистическом и специально юридическом смысле¹. В лингвистическом смысле в качестве источника права названа сила, вызывающая данное явление к жизни. В этом значении источником названа государственная власть как выразитель воли господствующего класса. Источником социалистического права определена диктатура пролетариата, выражающая волю трудового народа социалистического государства.

Под юридическим источником права авторы учебника понимали способ придания государственной властью правилу поведения общеобязательной силы. К юридическим источникам советского права отнесены закон, иные акты государственной власти.

Обычай, как сказано в учебнике, может быть источником социалистического права в очень ограниченных пределах, что в принципе соответствовало сложившейся юридической практике. Обычаи, сформированные в прежнюю эпоху, порядки которой были полностью отвергнуты революцией, оказались несовместимыми с социалистическим образом жизни.

Редкое использование обычаев объяснялось также плановостью советской экономики, крепкой организованностью социалистического

¹ Голунский С.А., Строгович М.С. Указ. соч. – С.173.

государства, а также тем, что советские законы максимально точно отражали волю трудящихся в отличие от буржуазного законодательства.

Обычай со свойственной ему пестротой, многообразием и неопределенностью не вписывался в советский строй. Он допускался только в сфере торгового мореплавания (ст.89, 90 Кодекс торгового мореплавания СССР)¹, в земельных отношениях при разделе имущества крестьянского двора(ст.8, 77 ЗК РСФСР).

Вместе с тем, с учетом сохранения доктринального положения об отрицании права при коммунизме формировался новый вид обычаев – правила социалистического общежития. Они рассматривались как самостоятельные правила поведения, соблюдение которых согласно ст.130 Конституции СССР 1936 г. закреплено в качестве обязанности каждого гражданина СССР.

Как полагал Р. Давид, правила социалистического общежития невозможно типологизировать в юридическом смысле². Они упоминались в законах и внедрялись в правовое сознание граждан как альтернатива отрицающему позитивному праву. Тем самым в недрах социалистического общества создавались нормы и вырабатывались формы добровольного участия населения в управлении, с помощью которых можно было обеспечивать охрану общественного порядка при коммунизме.

В учебнике четко устанавливалась иерархия источников советского права. Закон во всех случаях считался основным источником социалистического права, а обычаи приобретали юридическую силу только посредством их санкционирования законом. Поэтому значение обычаев ограничивалось тем, что они служили материалом для создания законов и судебной практики³.

Судебный прецедент был исключен из числа источников права по причине того, что советский суд не мог создавать новых норм права. Его

¹ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14.06.1929) // СЗ СССР. 1929. № 41, ст.366.

² Давид Р. Указ. соч. – С.235.

³ Голунский С.А., Строгович М.С. Указ. соч. – С.182.

задача состояла в поддержании авторитета и укреплении действующих советских законов. Признание судебной практики источником права, по мнению советских юристов 30-х годов, выводило суд из-под требований закона и нарушало единство системы законодательства. При этом судебной практике отводилась роль руководящего источника для формирования единообразной работы судов.

Кроме того, судебная практика выполняла воспитательную функцию. В ст.3 закона о судостроительстве сказано, что суд всей своей деятельностью обязан воспитывать граждан СССР в духе неуклонного соблюдения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, уважения к правилам социалистического общежития, честного отношения к государственному и общественному долгу.

Тесная связь права с политикой приводила к тому, что к избираемым народным судьям в первое десятилетие советской власти не предъявлялось обязательное требование наличия юридического образования, в отличие от политического доверия и лояльности. Политическая роль судебной практики в 30-е годы имела преимущественное значение. Если закон был правотворческим инструментом власти по реализации государственной политики, то суд стал ее правоприменительным орудием.

В соответствии со ст.75 закона о судостроительстве только Пленум Верховного суда СССР мог давать судам указания по вопросам судебной практики, формируя их методом суммирования наиболее типичных ошибок судов для предотвращения их появления в будущем¹. Эти указания должны были строго соответствовать закону и не имели самостоятельного нормативного значения.

В советской юридической науке рассматриваемого периода был поставлен и вопрос о воле советского народа как источнике советского права.

¹ Закон СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11. – М., Госюриздат, 1954.

Как отмечено выше, К. Маркс отрицал значение воли как источника права. Однако советские теоретики полагали, что это касалось условий капитализма.

По мнению А.Я. Вышинского, в буржуазных правовых порядках ссылка на волю народа служила всего лишь ширмой для эксплуатации трудящихся. В советском обществе народ состоял из рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. Народ под руководством рабочего класса, возглавляемого коммунистической партией, действительно правит и имеет единую волю, выраженную в советских законах¹.

Тем самым советская организация государственной власти как форма политического господства трудящихся давала основание считать волю народа действительным источником социалистического права. Данный тезис, к сожалению, не получил развернутого научного обоснования в 30-х годах. Как, впрочем, и многие другие юридические термины, введенные в новый социалистический юридический оборот.

Специфика советской экономики привела к исключению из числа источников социалистического права и договор. В условиях плановой и командно-административной экономики предприятия получали точные задания и обязательства, невыполнение которых влекло юридическую ответственность. Поэтому при наличии планового акта управления договоры между предприятиями заключались на их основании и для их четкого исполнения. Зачастую с помощью договора предприятия конкретизировали содержание плановых заданий.

Объем свободы предприятия при заключении договоров был ограничен возможностями контрагента, его выбирали из числа советских предприятий, если это не противоречило актам планирования. Поэтому договоры прежде всего играли экономическую роль. Их юридический аспект полностью связан с реализацией задач плановой социалистической экономики. Преимущественно

¹ Вышинский А.Я. Указ. соч. – С.86.

публично-правовой характер советских договоров обуславливал и жесткость наказаний за их неисполнение вплоть до уголовной ответственности.

Интерес вызывает классификация значений понятия «источник права», данная И.Б. Новицким. Несмотря на то, что труд «Источники гражданского права» был подготовлен в 1958 г., его основанием стало советское законодательство 20-30-х годов, на что указывал сам автор¹. Впрочем по-другому быть и не могло, так как Основы гражданского законодательства союза ССР и союзных республик были приняты только в 1961г., а новый ГК РСФСР в 1964г.

И.Б. Новицкий разделял понятия «источник познания права» и «источник права». Двухтысячелетний возраст понятия «источник права», по мнению И.Б. Новицкого, требовал обращения к его первоисточнику в лице Тита Ливия, назвавшего Законы XII таблиц источником всего публичного и частного права. Как полагал И.Б. Новицкий, источник в первоначальном варианте имел значение источник содержания права, то есть его основу из которого оно выросло.

Поскольку данный термин не отражал путей выражения воли господствующего класса в норме права, то понятие «источник права» употребляют и в значении формы выражения права. Применение данного значения объяснялось необходимостью отделить правовую форму выражения воли господствующего класса от других форм ее выражения, например политики.

Как представляется И.Б. Новицкий очень точно подметил различие источника содержания права и способа его выражения и одним из первых в советской науке предложил разграничить понятия «источник права» и «форма выражения права». Свое предложение он основывал на критическом переосмыслении трудов другого советского юриста Н.Г. Александрова².

¹ Новицкий И. Б. Указ. соч. – С. 5,6.

² Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые труды ВИЮН. Вып. III. Юриздат, 1946. – С.15.

В итоге под источником права И.Б. Новицкий понимал «акт нормотворческой деятельности, которым устанавливается или признается юридическая норма». Такое определение не создавало угрозы раздела формы и содержания, о которой писал Д.А. Керимов¹. Напротив, как полагал И.Б. Новицкий, содержание права, в качестве которого в социалистическом обществе выступала воля трудящихся, могло облекаться не только в форму права. Поэтому закон, подзаконный акт, санкционированные государством обычаи, он называл формами выражения права.

Признавая справедливым применение понятия источник права только к нормообразующим фактам И.Б. Новицкий вместе с тем, считал неприемлемым исключение из их числа таких важнейших НПА как Конституция СССР и гражданские кодексы союзных республик.

В учебнике 1949 г., изданном в Институте государства и права РАН СССР дано иное определение источника права, которое на многие десятилетия стало господствующим в советском правоведении².

Важно отметить, что учебники по теории государства и права 30-40-х годов, хотя и издавались под фамилиями отдельных авторов, но представляли собой коллективный научный результат. Их издание предварялось многочисленными обсуждениями в научно-исследовательских коллективах и проходило цензуру партийных органов. Тот факт, что «первые стабильные учебники» обсуждались в 30-е годы, а издавались с некоторой задержкой в 10-12 лет авторитетно подтвердил А.Л.Маковский³.

Под источником права в вышеназванном учебнике понималась особая форма, в которую облекались правила поведения, выражающие волю господствующего класса, чтобы стать нормой права. Данное определение в

¹ Керимов Д.А. Понятие советского социалистического права // Ученые записки Ленинградского юридического института // Ученые записки Ленинградского юридического института. Вып. V, 1951. – С.81.

² Аршанов М.А., Кечемян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Теория государства и права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – С.363.

³ Маковский А. Л. Указ. соч. – С. 13.

учебнике не сопровождалось никаким научным обоснованием. Фактически придание правилам поведения, выражающим волю господствующего класса, специфической внешней формы связывалось с приобретением ими характера нормы права, обеспеченной юридической силой и государственным принуждением.

Тем самым особые формы, по мысли авторов учебника, возводили содержание воли господствующего класса в закон и придавали им значение нормы права. В качестве таких форм в учебнике 1949 г. указаны закон как акт высшей власти в государстве, указы Президиума Верховного Совета, акты органов управления и местных органов власти.

В отношении судебного прецедента и судебной практики позиция советских юристов не изменилась. Они не признавались источниками права. При этом оговаривалась особая роль постановлений Пленума Верховного Суда СССР, содержащих не только руководящие указания для судов, но и положения прямо в законе не предусмотренные, но из его общего смысла вытекающие. К примеру, постановление 32 Пленума Верховного суда СССР от 10 февраля 1931 г. «О порядке применения различных по содержанию законов отдельных союзных республик, регулирующих имущественные отношения»¹.

Значимость постановлений Пленума Верховного суда СССР, по мнению авторов учебника, во многом объясняется тем, что они формулируются путем обобщения целой группы однородных дел.

Процесс постепенной эволюции советской теории права в сторону позитивизма нашел отражение в понимании роли обычая как источника права в учебнике 1949 г. Так, принадлежность обычая к источникам права связывалась с признанием его юридического значения, которое могло осуществить только государство. Поэтому критерием признания обычая в

¹ Аршанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Указ. соч. — С.386.

качестве нормы права выступала обеспеченность его действия государственным принуждением.

Договор рассматривался источником права в государственном праве, а также до 1934 г. в трудовом праве в форме коллективных договоров. В государственном праве прежде всего выделяли договор об объединении советских республик в единое союзное государство. Коллективные договоры определяли как акты, регулирующие на основе действующего законодательства, условия труда на предприятии, учреждении или группе предприятий, восполняя действующий нормативный материал¹.

Использование партийных актов в качестве материала для советского социалистического права считаем неотъемлемой частью его эволюции. Со времени утверждения в качестве содержания революционной законности программы партии ВКП(б) и установления неразрывной связи содержания права с экономическими, социальными и политическими отношениями происходит окончательный отказ от буржуазной юридической доктрины.

В государстве диктатуры пролетариата коммунистическая партия стала руководящим идейным ядром всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных. Данный тезис получил конституционное оформление в ст.126 Конституции СССР 1936 г. Поэтому не случаен тот факт, что в высказываниях И.В. Сталина нарушение закона приравнивалось к нарушению партийной и государственной дисциплины².

Высокий авторитет партии даёт основание некоторым исследователям полагать, что партийные акты следует признать в качестве источника либо советского³, или соподчиненного ему партийного права⁴. С авторами данного

¹ Аршанов М.А., Кечежян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Указ. соч. – С.394.

² Ленин, Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП (б). т.III. – М., 1938. – С.324.

³ Токмин С.А. Партийные акты в системе источников советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015. – С.33.

⁴ Раевич С.И. О характере норм партийного законодательства РКП (к вопросу о создании общепартийного кодекса) // Советское право. 1923. № 3 (6). – С.92-93.

подхода можно согласиться только в признании особой роли партии в советском законотворчестве, а также концептуального значения партийных актов в формировании советского законодательства.

Вместе с тем утверждение о признании партийных актов источниками права, а тем более элементами отрасли права считаем дискуссионным по крайней мере для периода 1917-1936 гг. В его основе как представляется лежит слишком широкий подход к понятию источника права и одновременно его смешение с понятием «форма» права.

Такой подход не только противоречит официальному советскому правопониманию, согласно которому источниками права признавались только законы, акты органов государственной власти и в редких случаях обычаи, но и не отражает реального положения права в политической системе Советского государства. Инструментально-функциональная роль советского права как орудия государственного управления не идет в сравнение со значимостью партийных документов, обладавших ведущим политико-идеологическим значением. Они определяли генеральное направление и стратегические установки развития страны. В 30-е годы деятельность коммунистической партии не ограничена внешними регуляторами, в том числе и правом, что следует из текста ст.126 Конституции СССР 1936 г.

Невозможность признания партийных актов в качестве формально-юридических источников социалистического права, по нашему мнению, может быть аргументирована следующим образом:

Во-первых, по природе партийные акты следует признать особой разновидностью социальных норм, что подтверждают и советские юристы¹. Сравнительный анализ различных видов советских социалистических социальных норм осуществлен в отечественном правоведении². При их

¹ Нижечек В.И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. Изд-во, 1973. – С.248.

² Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов: издательство Львовского университета, 1959. – С.15-20.

общеродовом сходстве имеются и черты различия, не дающие основания говорить о существовании «партийно-правовых» норм, что убедительно доказано в исследовании А.В. Мицкевича¹.

Как сказано в учебнике по теории государства и права 1949 г. «право существует только в государстве, и только государство может придавать обязательную силу нормам права». Исходя из этого о руководящей роли партии как законодательной норме можно говорить только с 1936 г. после ее закрепления в конституции.

Во-вторых, иную (неправовую) природу норм, содержащихся в партийных актах, подтверждает тот факт, что для придания юридической силы такие акты принимались совместно с советским правительством СНК СССР. Данная практика согласуется с позицией В.И. Ленина о том, что «на съезде партии законов не пишут»². На невозможность издания КПСС указов и законов указывали советские юристы и в начале 80-х годов³. Тем самым санкционирование государством партийных норм было обязательным условием придания им юридического характера.

Издание совместных партийных и государственных нормативно-правовых актов представляет научный интерес как пример смешанного правового и социально-организационного регулирования. Как представляется данный способ применялся для преодоления наиболее узких мест в народном хозяйстве, требовавших максимальной мобилизации, единства и сплоченности партийных и иных общественных организаций, а также советско-хозяйственных органов.

Так, с 1931 по 1933 гг. был принят ряд постановлений СНК СССР, ЦК ВКП (б), нацеленных на предотвращение серьезных затруднений с

¹ Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления в СССР. – М.: Юрид. лит., 1967. – С.130.

² Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Полное собр. соч. Т.43. – С.72.

³ Ленинские принципы и методы партийного руководства. – М.: Политиздат, 1983. – С.166.

железнодорожными перевозками и работой речного транспорта¹. Данные постановления содержали комплекс реальных мер, заданий конкретным органам и организациям, необходимых для решения злободневных народно-хозяйственных проблем.

В-третьих, деятельность партийных органов не была нацелена на формирование правовых норм. Напротив, основной целью, которую ставила перед собой партия и закрепляла в своих программных документах считалось построение коммунистического общества, порядок в котором обеспечивался не правом, а иными социальными регуляторами. Участие коммунистической партии в законотворчестве было связано с необходимостью придания юридической силы и обязательного характера партийным решениям не только для членов коммунистической партии, но и для всех граждан СССР, государственных органов, советских общественных организаций.

Как отмечал С.С. Алексеев выработался определенный алгоритм возведения партийного решения в закон. Сначала принималось руководящее решение и закреплялось в партийном документе. Затем проходило совместное заседание ЦК КПСС и Совета Министров СССР. После этого принимался конкретный нормативно-правовой акт². Придание партийным актам силы закона обеспечивало их исполнение силой государственного легализованного принуждения.

Полагаем, что вывод исследователей о необходимости признания партийных актов в качестве источников права не соответствует не только современным теоретическим представлениям о понятии источника права, разграничении отдельных видов социальных норм и специфике правового регулирования, но и советскому официальному правопониманию

¹ См.: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.01.1931 «О железнодорожном транспорте» // СЗ СССР. 1931. № 7. ст.81; Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 05.02.1931 «О речном транспорте» // СЗ СССР. 1931. № 7, ст.82; Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 03.07.1933 № 1367 «О работе железнодорожного транспорта» // СЗ СССР. 1933. № 40, ст.237 и др.

² Алексеев С.С. Советское право как средство осуществления политики КПСС // Правоведение. 1977. № 5. – С.20.

(1917-1936 гг.), организации власти в СССР и советскому законодательству прежде всего Конституции СССР 1936 г. На основании ст.ст.3, 32, 49, 59, 66, 73, 81, 91, 98 конституции можно достаточно точно установить перечень источников права. ВКП(б) в данный перечень не входила.

Сторонники признания партии источником права допускают и ряд менее значимых, но вместе с тем неточностей. К примеру, утверждая, что до 1954 г. в наименовании совместных актов на первом месте всегда стояло советское правительство, а затем ЦК КПСС, что, по их мнению, отразило расстановку сил в стране¹. Это не соответствует действительности, что подтверждается рядом совместных постановлений 30-х годов².

Включенность партии в законотворческую работу, с одной стороны, демонстрировала общую тенденцию централизации власти в СССР и возникающую вследствие этого негативную тенденцию сращения партийных и государственных органов. Полагаем, что изначально данное соединение действительно было «гибким»³ и осуществлялось не с целью смешения партийных и государственных функций, а для постепенного вытеснения государственных структур при переходе к коммунизму⁴. С аналогичной целью в политической сфере расширялись права советских общественных организаций, например профсоюзов, а в законодательстве в качестве регуляторов использовались правила социалистического общежития как регулятивная альтернатива закону.

С другой стороны, СССР стал первым социалистическим государством в мире, создаваемым во многом экспериментальным путем. Его опора на

¹ Токмин С.А. Указ. соч. – С.65, 66.

² См.: Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР от 27.11.1931 «О работе зерновых совхозов» // СЗ СССР. 1931. № 69, ст.459; Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР от 27.05.1939 «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам». Т.2 (1917-1957 гг.). – М., Госполитиздат, 1957.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.45. – С.388-389.

⁴ Доклад Л.И. Брежнева «О проекте Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения» // Правда. 1977. – 4 октября.

марксизм, разработанный как политико-идеологическое учение еще в XIX в., требовала постоянного доктринального обновления в связи с изменением условий жизни. Поэтому шла постоянная доработка марксистских положений, осуществляемых на протяжении всего советского периода высшим партийным руководством.

Ключевая роль по обновлению марксистской доктрины как представляется во многом предопределила руководящие позиции коммунистической партии в советской политической системе и обеспечила «идеологическую и политическую определенность» советскому праву¹. Социалистическое право было одним из инструментов, с помощью которых выполнялась данная ответственная миссия. Деятельность КПСС вплоть до принятия ст.6 Конституции СССР 1977 г. конституционным законом не ограничивалась.

Таким образом, в рассматриваемый период в Советском государстве партийные акты ВКП(б) служили марксистско-ленинской концептуальной основой; программой действий, конкретных мероприятий, задач и поручений, определявших стратегию и тактику развития СССР в духе коммунистических идей, а значит и содержание советского социалистического права, ставшего в 30-х годах формой советской политики. Данная роль не соответствовала понятию источника права, задача которого ограничивалась санкционированием сформированной политической воли и ее выражением в нормативно-правовых актах.

С учетом того, что содержание социалистического права выводилось за пределы юридической сферы, то формирование руководящими партийными органами страны правил, которые в ходе их воплощения государственными органами приобретали юридическую силу, обеспечивало реализацию

¹ Кодан С. В. Идеологическая и политическая определенность советского права, партийно-государственные механизмы формирования и нормативного оформления (1917-середина 1980-х гг.) // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение. Монография. Под общей редакцией О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2023. – С.169-197.

марксистско-ленинской идеологии силой государственного принуждения. Так, посредством возведения в закон осуществлялось масштабирование коммунистических идеалов и их внедрение в общественное сознание как обязательных правил поведения.

Подводя итоги параграфа, отметим, что понимание источников и формы социалистического права в Советском государстве в конце 20-30-х годах тесно связано с формированием официальной марксистско-ленинской теорией права. Общая политическая тенденция на укрепление единства и обеспечение руководящей роли коммунистической партии, централизацию государственной власти сказалась и на подходах к системе источников социалистического права. Ей отводилась инструментально-функциональная роль средства оперативного управления государством.

Сохранение отдельных юридических терминов и иных юридико-технических средств не отменяет того факта, что в Советском государстве произошел поворот в понимании существа права. Доктрина социалистического права формировалась опытно-экспериментальным путем на идеологической основе марксизма. Основную роль в ее развитии играли политические руководители, определявшие и контролировавшие деятельность советских юристов. Поэтому право оказывалось в тесной связи с политикой, а точнее рассматривалось как ее форма.

3.2 Советский закон как основной источник социалистического права в СССР и его соотношение с иными источниками права

Общая тенденция на укрепление единомыслия и консолидации социалистического строя в СССР в 30-е годы отразилась и на теории советского права, которая по выражению А.Я. Вышинского превратилась в «правовой фронт» борьбы¹. Ее главной целью стала ликвидация инакомыслия и очищение советской юридической науки от буржуазного влияния.

¹ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1937. – С.3,4.

Построение базовых принципов советской теории права осуществлялось на основе марксистской-ленинской идеологии. На ее основе определялась единая законность и официальное советское понимание сущности социалистического права. Воззрения на право, как на временное явление были оценены как нигилистические, подрывающие основы советского государственного строя. Представители так называемого революционного направления в науке были подвергнуты репрессиям¹.

Одним из главных теоретических вопросов, который необходимо было решить на пути реализации поставленной цели, стал вопрос о соотношении права и закона. В современной юридической науке дискуссии по проблеме соотношения права и закона в СССР принято относить к 60-70-м годам XX в. Однако данная проблема обсуждалась в трудах советских юристов в начале 30-х годов. Так, Е.Б. Пашуканис, отмечая тесную связь права и закона, не отождествлял данные понятия. Законы как официально предписываемые государством общеобязательные правила поведения он называл инструментом, с помощью которого государство вносит в правовые отношения необходимый ему порядок и устойчивость.

Право Е.Б. Пашуканис рассматривал как сложный многоаспектный социальный институт. Он отказывался от объяснения права как юридизированного государства. Сила государства, по его мнению, состояла в защите классового господства любыми способами и вне всяких юридических форм².

После «разоблачения» в 1937 – 1938гг. Е.Б. Пашуканиса и других юристов, «искаживших основы марксизма» дискуссия о соотношении права и закона была свернута. Право перестали рассматривать как «пеструю ткань», созданную волеизъявлением и интересами различных социальных групп.

¹ Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Часть 15. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодатель. 2022. №4. – №6. – С.87-94.

² Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С.193, 194.

Перед теоретиками была поставлена задача найти единственный смысл права с учетом назревших задач развития материальной жизни советского общества¹. Поиск смысла права вели по ленинской формуле о том, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»².

Понимание права тесно связывалось с механистическим подходом к государству как организации власти господствующего класса. Государственные цели достигались с помощью права как обязательных правил поведения, обеспечиваемых силой государственного аппарата принуждения. Такой подход подкреплялся высказыванием В.И. Ленина о том, что воля государства, не выраженная в законе, есть «пустое сотрясание воздуха пустой звук»³. Равно как и «...право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»⁴. Тем самым право и государство рассматривались как две стороны такого исторического явления как классовое господство.

Деление права на право в объективном и субъективном смысле с позиций марксистско-ленинской науки отвергалось. Считалось, что таким образом буржуазная наука допускала самостоятельное существование права и отрывала его от источника - реальных общественных отношений. По этой же причине не признавался институт неотъемлемых прав граждан, независимых от государства и не закрепленных в законе.

Социалистическое право закрепляло волю рабочего класса как выразителя интересов и устремлений всего трудового народа и тем самым придавало ей общеобязательный характер. Право имело нормативный характер, то есть состояло из правил поведения людей, установленных или санкционированных государством. Источником их силы выступала государственная власть⁵. Она либо прямо принуждала к исполнению норм права или применяла к лицам различные меры воздействия.

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.547.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXII. – С.462.

³ Ленин В.И. О государстве. – М.: Партиздат, 1937. – С.14, 21.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXI. – С.438.

⁵ Голунский С.А., Строгович М.С. Указ. соч. – С.154.

Несмотря на то, что терминологически право и закон в научной литературе не смешивались и не рассматривались в качестве синонимов четко разграничить данные понятия с позиций марксистско-ленинской теории права 30-х годов весьма затруднительно.

Так, в учебнике С.А. Голунского и М.С. Строговича установлена прямая и неразрывная связь между правом и государством. Норма, по мнению советских теоретиков, могла стать правовой только в результате ее санкционирования государством. Нарушение права означало не соблюдение советских законов¹. Однако поскольку советское право реализовывалось в жизни не только через обязанности, но и посредством прав, то оно означало и возможность граждан или организаций требовать определенных действий от других лиц или органов власти.

Полагаем, что отсутствие четкого разграничения между правом и законом отражало общую тенденцию 30-х годов создания единого права социалистического государства и ограничения форм его юридического выражения. Общность права и закона определялась единством их содержания в виде социалистических производственных отношений, а также марксистско-ленинской политико-идеологической основы. Неразрывность права и государства приводила к тому, что единственным источником права в Советском государстве стала воля государства, определяемая политическим руководством в лице коммунистической партии.

В Конституции СССР 1936 г. впервые была дана классификация актов, которые в современной теории права принято именовать нормативно-правовыми (далее НПА). Отметим, что ни в научной литературе, ни в законодательстве конца 20-30-х гг. данный термин не использовался. Акты принятые государственными органами власти и управления подразделялись на законы, указы, постановления, распоряжения, приказы и инструкции. Критерием отграничения закона от иных нормативно-правовых актов стало их

¹ Голунский С.А., Строгович М. С. Указ. соч. – С.155.

принятие Верховным Советом СССР, обладавшим исключительным полномочием законотворчества в СССР. То есть теперь законом СССР могли именоваться только акты, принятые в установленном порядке Верховным Советом СССР. В ст. 20 устанавливался приоритет общесоюзного законодательства над союзно-республиканским.

Следует отметить, что норму ст.32 Конституции СССР 1936 г. предложил и отстаивал И.В. Сталин. Согласно современным историко-правовым данным, он разработал конституционный механизм принятия законов в СССР, в том числе включавший новеллу о едином законодательном органе власти¹.

В процессе обсуждения проекта конституции высказывались позиции о наделении законодательными полномочиями Президиума ВС СССР. Сталин был против и обосновывал свою точку зрения тем, что расширение круга законодателей нарушит принцип стабильности советских законов.

Формальное деление актов, принятых государственными органами, на законы и подзаконные акты содержалось в Конституции СССР 1936 г. С учетом того, что законами именовались только акты, издаваемые Верховными Советами СССР, союзных и автономных республик, то остальные акты упоминаемые в ст.32 приобретали подзаконный характер. К ним отнесены указы Президиумов ВС СССР, союзных и автономных республик, постановления и распоряжения СНК СССР и союзных республик².

Поворот в сторону укрепления социалистической законности способствовал развитию теории советского закона, которая была тесно связана со спецификой социалистической законности. Она была подчинена политической власти, служила ее надежным инструментом контроля за правопорядком, нацелена на построение и укрепление авторитета сильного централизованного Советского государства.

¹ Шершнева Е.А. Создание Конституции СССР 1936 года. Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2011. – С.15.

² Диденко М. С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права. – С. 9.

Социалистическая законность не исключала использования мер внесудебного воздействия¹, чрезвычайных и административных мер против врагов. Чрезвычайные меры рассматривались как средство отбрасывания «устаревших» законов и расчистки пространства для принятия новых². Их равновесие с законом обеспечивалось посредством политической целесообразности. Формальные правовые и неформальные политические гарантии в советском праве не противопоставлялись³.

Тем самым законы стали средством революционной борьбы и переустройства общественных отношений на социалистических началах. В целом социалистическая законность сохранила свой прикладной характер. Публичные заявления И.В. Сталина и А.Я. Вышинского об укреплении закона и обязательном соблюдении юридических процедур звучали на фоне усиления политических репрессий⁴.

Главной задачей советских законов была защита социалистического государства от любых посягательств, выражение всех политических решений в юридической форме. Так, в 30-е годы задачей номер один провозглашалась охрана социалистической собственности. Вследствие этого был принят ряд законов, направленных на реализацию данной задачи⁵. В ст.131 Конституции СССР 1936 г. лица, покушавшиеся на социалистическую собственность, объявлялись врагами народа.

Закон как зеркало процессов социалистического развития требовал от законодателя умения правильно понять и отразить запросы и требования текущего момента, «регистрируя» свершившиеся изменения. Помимо этого,

¹ Крыленко Н.В. Практика применения законов от 7 августа 1932 г. // За социалистическую законность. 1934. № 6. – С.1-10.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.260.

³ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – С.35.

⁴ Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923-1953 (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. – С.28.

⁵ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62, ст.360; ЦИК СССР VI созыв III сессия. – М., 1933. Бюллетень № 1. – С.23, 24, 26.

советский закон должен был создать образ демократического Советского государства как внутри страны, так и в глазах международного сообщества. Особенно это относилось к конституции. Конституция СССР 1936 г. придала образ легитимности всем государственным структурам, создала видимость демократического порядка, защищающего юридические права советских граждан.

Ценность советских законов определялась не их юридическими достоинствами, а особенностями материальных условий жизни советского общества и его политического строя, определявших содержание законов. Как указывали авторы первого учебника по государственному праву, юридические вопросы можно решить «лишь покидая «правовую» почву и переходя на почву действительных общественных отношений»¹. Этим объяснялся высокий организационный потенциал советских законов, служащих установлению справедливого общественного строя, укреплению и созданию положительного образа социалистического государства как внутри страны, так и на международной арене.

С середины 30-х годов социалистическая законность связывалась со стабильностью советских законов как основы государственной дисциплины. Важным этапом на данном пути стала разработка и принятие Конституции СССР 1936 г. Согласно ст.ст. 32, 59, 91 закреплялось три разновидности советских законов: общесоюзные законы, законы союзных республик и законы автономных республик. Содержание, порядок принятия и действие каждой из разновидностей законов определялось пределами компетенции органов их санкционировавших.

Перечисленные законы находились в иерархической взаимосвязи и соподчинении. Высшей юридической силой обладали общесоюзные законы, имевшие обязательную силу на всей территории СССР. Законы союзных республик действовали в пределах отдельных союзных республик и не могли

¹ Советское государственное право. Учебник для юридических институтов / Под общей редакцией А.Я. Вышинского. М., 1938. – С.86.

противоречить общесоюзным законам (ст.20). Соответственно законы автономных республик должны были соответствовать и законам СССР, и законам союзной республики, в которую входила автономная республика (ст.21).

Особенности принятия советских законов определялись спецификой организации государственной власти и управления прежде всего отсутствием принципа разделения властей. В частности, не существовало процедуры утверждения закона и наложения на него вето. Закон получал силу немедленно после его принятия палатами Верховного Совета. Никакого юридического контроля за законодательной деятельностью высших органов власти не было.

По содержанию и юридической силе советские законы подразделялись на конституционные и обыкновенные. Конституция как основной закон была юридической базой законодательства и устанавливала принципы общественного, государственного устройства, а также организации государственной власти и управления¹.

Обыкновенные законы издавались в соответствии с конституционными законами и подразделялись на органические законы и кодексы. Органические законы определяли устройство государственных органов. Кодексами именовали сборники законов по отдельным отраслям права. Впоследствии данная классификация была подвергнута научной критике советскими юристами и признана необоснованной².

Особую группу составляли исключительные законы. Они принимались в связи с наступлением особых обстоятельств для исключения действия общих норм применительно к определенному кругу лиц или к кругу отношений. В

¹ Диденко М. С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права – С. 10.

² Мицкевич А.В. Закон СССР как высший нормативный акт Советского государства / А.В. Мицкевич // Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему: «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе» / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Юридический факультет. – [М.]: Издательство Московского университета, 1966. – С.17-19.

СССР в 30-е годы принятие таких законов объяснялось необходимостью борьбы с врагами советского строя. Примером такого закона можно назвать закон от 1 декабря 1934 г., ограничивающий права обвиняемых по делам о террористических действиях в отношении деятелей советского государства.

Принцип стабильности советского закона порождал обязанность его «нерушимого» и «непреклонного соблюдения». Данный принцип не означал неподвижности советских законов. Однако их развитие должно было осуществляться на твердых и прочных принципах социалистического строя.

В частности, принцип единства государственной власти в СССР исключал деление законов на законы в формальном и материальном смысле. Признание данного деления, по мнению советских юристов¹, могло привести к ослаблению власти высшего органа государства. При этом конституционный контроль за деятельностью Верховного Совета СССР отсутствовал. Поэтому формально Верховный Совет СССР, а фактически его Президиум могли беспрепятственно вносить изменения не только в важные законы, но и в конституцию.

Закон всеми советскими юристами 30-х годов единодушно признавался основной формой выражения или юридическим источником советского права. Вместе с тем формальное разграничение в Конституции СССР 1936 г. законов, указов, постановлений и распоряжений имело недостаточный содержательный характер.

Так, закон отличался от других НПА в основном тем, что он принимался в установленном порядке Верховным Советом СССР, Верховными советами союзных и автономных республик. Поскольку данный орган был признан высшим органом власти в СССР, то получалось, что и статус закона, и предмет его правового регулирования определялся законодательной компетенцией органа его принявшего.

¹ Аршанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М. С. Указ.соч. — С.51.

Формализация порядка принятия советских законов не решала проблему их низкого авторитета. Закон в системе советского социалистического права не мог занимать того места, которое ему отводится в правовом государстве. Это связано как с особенностями марксистско-ленинской идеологии, определявшей закон как техническое средство реализации государственного принуждения, так и с динамикой общественных отношений, не позволявшей стабилизировать законодательство. Именно поэтому в начале 30-х годов советское руководство отказалось от идеи провести кодификацию и составить Собрание действующих законов СССР¹.

Опосредованный характер принципа верховенства закона в системе социалистического права приводил к тому, что не только постановлениями, но даже инструкциями, циркулярами и директивами органов власти и управления содержание закона существенно дополнялось и изменялось.

К примеру, директивами Наркомюста СССР, Верховного суда СССР, ОГПУ в ходе реализации закона от 7 августа 1932 г. были разграничены категории обвиняемых, заслуживающих смертной казни или подлежащих наказанию в виде 10 лет лишения свободы, расширена компетенция народных судов². В исследовании П. Соломона с опорой на архивные данные приводятся по этому поводу острые критические замечания П. Красикова, занимавшего пост прокурора Верховного суда СССР. Он утверждал, что директивами Наркомюста фактически было создано два закона от 7 августа 1932 г.³

В сфере трудового права наравне с законами действовали нормативные акты (правила, инструкции, разъяснения), издаваемые профсоюзами. Особенно их правотворческая деятельность активизировалась после объединения в

¹ Постановление СНК СССР от 31.03.1933 № 609 «Об утверждении Положения о правовом отделе при СНК Союза ССР» // СЗ СССР. 1933. № 24, ст.144.

² Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного суда СССР, действующих на 1 апреля 1935 г. – М., 1935. – С.100-110.

³ Соломон П. Указ. соч. – С.110, 111.

1933 г. Народного комиссариата труда с ВЦСПС¹. В качестве локальных нормативных актов действовали уставы общественных и кооперативных организаций, прошедшие процедуру государственной регистрации или утверждения².

Такие НПА как основы законодательства, кодексы, уставы не получили в 30-е годы конституционного закрепления и теоретического обоснования. Неопределенность их места в системе форм выражения права приводила к тому, что правовые отношения в значительной степени регулировались специальными постановлениями. Вот как описывал эту ситуацию в сфере гражданского права И.Б. Новицкий, можно сказать, что «отношения социалистических организаций регулируются нормами ГК РСФСР постольку, поскольку они не предусмотрены специальными нормами»³.

Разбросанность и разнообразие специальных подзаконных актов препятствовала реализации принципа социалистической законности. Поскольку тем самым нарушалась иерархичность форм права, признанная многими исследователями одним из основных признаков социалистического права⁴.

Данное обстоятельство усиливал низкий авторитет и качество советских кодексов. Широкое применение в первое десятилетие советской власти революционного правосознания наравне, а порой и вместо закона породило правовой нигилизм. Ссылки на быстрое устаревание законов позволяли правоприменителям нарушать установленные правила. Об этом неоднократно говорил в своих публичных выступлениях А.Я. Вышинский⁵.

¹ Постановление СНК СССР, ВЦСПС от 10.09.1933 № 1952 «О порядке слияния Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов» // СЗ СССР. 1933. № 57, ст.333.

² Шебанов А.Ф. Форма советского права. – Москва: Юрид. лит., 1968. – С.58.

³ Новицкий И.Б. Указ. соч. – С.16.

⁴ Сабо, Имре. Социалистическое право: Пер. с венг. / Под ред. и со вступ. статьей канд. юрид. наук В.А. Туманова. – Москва: Прогресс, 1964. – С.161, 166.

⁵ Вышинский А.Я. К положению на правовом фронте. – С.33.

И если порядок издания законов был в общих чертах закреплён в ст.ст. 32, 59, 91 Конституции СССР 1936 г., то принятие кодексов и уставов никак не регламентировалось. Поэтому акты, которые формально являлись кодифицированными законами и в теории относились к законам, принимались указами Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями СНК СССР, ЦК ВКП(б)¹.

Проблема разграничения указов и законов высшего органа и его президиума стояла с момента обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г. до ее отмены. Для ее решения выдвигались разные предложения от наделения Президиума полномочием издавать законы до предоставления ему права издавать в исключительных случаях указы-законы².

Анализ действующего законодательства 30-х годов позволил сделать вывод об отсутствии четких отличий между указами Верховного Совета СССР и его Президиума. В подтверждение приведем следующие аргументы:

во-первых, в связи с сессионным порядком работы Верховного Совета СССР его Президиум принимал значительное количество указов, содержащих общие нормы, применяемые наравне с законами и приобретающими после их утверждения на ближайшей сессии Верховного Совета СССР статус законов. Факт того, что Верховный Совет СССР не мог подробно обсуждать указы, принятые его Президиумом, подтверждает длительность его сессий. Высший орган власти собирался на сессии 2 раза в год. Каждая сессия продолжалась 2-3 дня. Поэтому на отдельное голосование выносились только особо важные законы.

Утверждение указов Президиума Верховным Советом СССР носило формальный характер поскольку к моменту утверждения данные акты

¹ Примерный устав сельскохозяйственной артели (утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17.02.1935) // СЗ СССР. 1935. № 11, ст.82.

² Новицкий И.Б. Указ. соч. – С.17.

вступали в действие, применялись на практике и регулировали актуальные вопросы общественной жизни¹.

Данная практика воспроизводила порядок, сложившийся в конце 20-х первой половине 30-х гг. Он связан с законотворчеством ЦИК СССР и его Президиума². Так, на основании архивных данных О.Д. Максимова делает вывод о том, что Президиум ЦИК СССР в первой половине 30-х годов занимался законотворческой деятельностью³. В последующие годы наблюдалась практика внесения указами Президиума Верховного Совета СССР изменений в Конституцию 1936 г. Для соблюдения формальностей данные указы впоследствии утверждались Верховным Советом СССР, тем самым им придавался статус закона⁴;

во-вторых, указы Президиума Верховного Совета СССР не вписывались в классическое деление НПА на законы и подзаконные акты. Прямое указание на их подзаконный характер в ст.32 Конституции не решало эту проблему. Особенно это касается указов, содержащих общие нормы. Ряд указов Президиума Верховного Совета СССР носил отраслевой характер и существенно дополнял действующие кодексы. Их отнесение к законам противоречило конституции, непризнание законом лишало их практического значения общей нормы обязательной к применению.

Указы Президиума Верховного Совета СССР и соответственно президиумов верховных советов союзных и автономных республик, содержавшие общие нормы, соответствовали существенным признакам закона, разработанным в советской теории права в 30-е годы. Так, законами считались акты верховной власти, составляющее первичное право. Их содержание выражало волю господствующего класса, устанавливающего

¹ ЦИК СССР III сессия V созыва. – М., 1931. Бюллетень № 18. – С.20, 25.

² Максимова О.Д. Законотворчество в Советском государстве в 1917-1936 годах. Диссертация на соискание ученой степени докт. юрид. наук. – М.: 2015. – С.398, 399, 404.

³ Там же. – С.407.

⁴ Закон СССР от 13.12.1962 № 802-VI «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 70, 77 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1962. № 50, ст.529.

новое право¹. Многие указы не представляли собой конкретизации законов. Они утверждались верховными советами только в тех случаях, когда вносились изменения и дополнения в действующее законодательство.

Кроме того, практика работы Верховного Совета СССР, его палат и комиссий показала необходимость использования иных, помимо закона, форм права. Многие вопросы высшего управления, в том числе избрание Президиума Верховного Совета СССР, образование советского правительства и др. требовали юридического оформления данных решений². Вплоть до 1946 г. эти решения в основном оформлялись указами. Из документов следует, что по целому ряду вопросов указы принимал не только Президиум, но и сам высший законодательный орган³.

Все вышесказанное не позволяет согласиться с современными исследователями, утверждающими, что конституция вводит «чёткую дифференциацию правовых актов, издаваемых органами государства», а тем более реализацию в ней принципа верховенства закона⁴.

Конституция СССР 1936 г. лишь отчасти преодолела недостаток предыдущего периода, связанный с множественностью органов, издававших законы. При отсутствии разграничения между законами и актами законодательного назначения, к которым можно отнести указы Президиума ВС СССР, содержащего общие нормы, а также наличия в актах подзаконного характера, таких как постановления СНК СССР, союзных и автономных республик общих норм права юридическое содержание советского закона

¹ Аршанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Указ. соч. – С.371.

² Мицкевич А.В. Избранное [сост. и авт. предисл. Е.А. Юртаева]; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юридическая фирма «Контракт»: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – С.54.

³ Стенографический отчет / Первая сессия Верховного Совета СССР. 12-19 янв. 1938 г. – [Москва]: Верховный Совет СССР, 1938 (Ф-ка книги «Кр. пролетарий»). – С.128-134, 146, 160-167, 200-205.

⁴ Желдыбина Т. А. Понимание закона и законности в советской юридической науке: историко-правовой аспект // Право. Законодательство. Личность. 2013. №2. – С.10.

фактически определялось компетенцией Верховного Совета СССР, верховных советов союзных и автономных республик¹.

В значительной степени весомость закону придавала не его форма и материальное содержание, а статус органа его принявшего. При отсутствии четких разграничений между полномочиями властных и управленческих органов такой подход к юридической силе НПА создавал ряд негативных тенденций в системе источников социалистического права, таких как коллизийность, множественность, разобщенность, несогласованность, неупорядоченность, нестабильность.

Признавая пробельность и неполноту законодательного закрепления системы источников советского права в Конституции СССР 1936 г. данный акт нельзя не признать важным шагом на пути укрепления социалистической законности. Во-первых, термин «закон» получил конституционное закрепление и определение как высшей формы социалистического права, что позволило сформировать особую подсистему советских законов в системе социалистического права. Их принципиальным отличием от прочих форм права была более высокая юридическая сила и социальная значимость, стабильность и формально-процедурная определенность.

Во-вторых, принятием Конституции СССР 1936 г. государство сделало первый шаг на пути прекращения практики применения судами уголовных санкций к гражданам на основании циркуляров Наркомюста РСФСР, СНК СССР и других ведомств². Особенно широко такая практика была распространена во время проведения индустриализации и коллективизации в первой половине 30-х годов.

Практика подобного уголовного преследования осуществлялась в отношении отдельных крестьян – саботажников, оказывавших сопротивление

¹ Диденко М. С. Систематическое построение нормативных правовых актов в СССР во второй половине 30-х годов XX века // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). – С.401.

² Сборник циркуляров и разъяснений Наркомюста РСФСР, действующих до 1 мая 1934 г. – С.95-216.

колхозному строительству, и даже целых деревень¹, а также хозяйственников за неудовлетворительную работу заводов, фабрик; невыполнение плановых заданий; изготовление некачественной продукции и многое другое².

Последствием резкого снижения авторитета формальных процедур и гарантий действующего законодательства стал не только рост преступности, но и самоуправства, произвола, злоупотреблений областных и местных политических элит, что подтверждалось многочисленными фактами нарушения ими директив, исходивших от центральной власти, а также неудовлетворительной работой местных судов и прокуратуры³.

Исследователи выделяют и такую причину поворота в сторону законности как необходимость смягчения социальной напряжённости в стране, выражавшейся в огромном потоке жалоб и протестов в органы власти, управления и в газету «Правда»⁴. Пристальное внимание к законным процедурам пытались использовать в том числе и для мобилизации контроля общественного мнения за ходом социалистического строительства на местах. Итак, вторая половина 30-х годов ознаменовалась поворотом к социалистическому правопорядку и законности⁵.

Изменение статуса советских законов привело к иному соотношению между источниками социалистического права. В предыдущей главе нами выявлено особое место революционного сознания в качестве источника советского права. В частности, основанием для назначения наказания судебными органами по уголовному делу согласно ст.9 УК РСФСР 1922 г.

¹ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сборник статей / Под ред. канд. ист. наук В.П. Данилова. – Москва: Госполитиздат, 1963. – С.155.

² Нахимсон Ф.М. Суд и прокуратура на охране производства и труда: Практич. пособие для органов юстиции: Директивы партии, постановления Правительства, распоряжения наркоматов / Ф. Нахимсон, Г. Рогинский, Б. Сахов; Под ред. Н.В. Крыленко. – Москва: Советское законодательство, 1932. – С.338-360.

³ Е.Ш. Каленым железом выжечь политическое и бытовое разложение // Партийное строительство. 1935. № 14. – С.44-46; Кожевников М.В. Пути развития советской прокуратуры // Ученые записки МГУ. – М., 1950. № 147. – С.59-62.

⁴ Маслов В., Чистяков Н. Сталинские репрессии и советская юстиция // Коммунист. 1990. № 10. – С.102-112.

⁵ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.517.

было прежде всего социалистическое правосознание при условии соблюдения руководящих начал и статей кодекса.

В 30-е годы соотношение социалистического правосознания и советского закона изменилось в пользу закона. Более того, положение, допускавшее противопоставление социалистического правосознания и советского закона признавалось неправильным. Как писал А.Я. Вышинский, «закон есть только форма, только один из способов выражения правосознания господствующего в данном обществе класса. Отрывать одно от другого, противопоставлять одному другому никак нельзя»¹.

Социалистическое правосознание рассматривалось в качестве «ключа» к пониманию советских законов и к их применению. На практике социалистическое правосознание позволяло правоприменителю осознавать общественно-политическую обстановку, в которой действовал закон, исходя из этого давать оценку фактическим обстоятельствам и решать дело на базе применяемого закона.

В соответствии с этим усмотрение суда отличное от закона исключалось. В случае пробела в законе судья должен был решить дело по принципу аналогии закона, то есть на основе наиболее близкого закона или по общему смыслу закона. Решение дела только на основании социалистического правосознания не допускалось. Его содержание, по мнению А.Я. Вышинского, должно было ограничиваться понятием общий смысл закона, включающим базовые правовые понятия, если нет соответствующего закона².

Полагаем, что в трактовке А.Я. Вышинского социалистическое правосознание воспринималось как средство восполнения пробелов советских законов либо путем аналогии закона или аналогией советского права. Социалистическое правосознание ставилось в определенные правовые рамки, тем самым не допускалось стирание границ между усмотрением и законом.

¹ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – С.24.

² Там же. – С.28.

Анализ действующего советского законодательства рассматриваемого периода позволяет заключить, что для восполнения пробелов разрешалась только аналогия закона. Реализация принципа аналогии закона не освобождала суд и иных правоприменителей от необходимости применять закон. Даже в случае неполноты, неясности и противоречивости закона судебные органы не вправе были отказать в принятии к своему производству или прекратить уголовное преследование в отношении общественно-опасного деяния¹. Аналогичные нормы находим в ст.ст.16, 45 УК РСФСР 1926 г.²

Осуществление принципа аналогии лишь при наличии закона, в чётком соответствии с законом и на его твердых основаниях, в дополнение закона, а не без закона, рассматривалось как вынужденная мера, обусловленная границами регуляторных возможностей закона.

Советский закон, ставший действенным средством решения грандиозных задач социалистического строительства, в 30-е годы приобрел статус основной формы права. И несмотря на то, что действие норм советского материального и процессуального права 20-х годов сохранилось, их официальное толкование принципиально изменило соотношение советского закона и социалистического правосознания. Социалистическое правосознание утратило роль самостоятельного источника социалистического права. Ему отвели место средства понимания и осуществления советских законов.

При определении соотношения советского закона и обычаев как форм советского права следует исходить из того, что законодательно закреплялись два вида обычаев. К первому виду обычаев относятся правила поведения, приобретшие значение нормы права в силу длительности их использования в обществе. Их применение допускалось в очень ограниченных пределах и только в случаях, четко предусмотренных в советских законах.

¹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» ст.5 // СЗ СССР. 1924. № 24, ст.206.

² Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст.600.

Поскольку обычаи, возникшие в условиях старых порядков, в большинстве своем не соответствовали социалистическому образу жизни, то они воспринимались как пережитки, от которых надо последовательно избавляться в условиях социализма. Данные обычаи имели значение субсидиарного источника права. Их действие допускало только с санкции закона и в случае, если они не противоречили закону.

Второй разновидностью обычаев, получивших законодательное закрепление в ст.130 Конституции СССР 1936 г. можно назвать правила социалистического общежития как социальные нормы нового общества. Впервые они упоминались в трудах В.И. Ленина. Данному продукту социалистических производственных отношений особое внимание уделено в Программе Коммунистической партии как средству решения материальных и духовных задач построения коммунизма¹.

Привычка советских граждан к соблюдению правил социалистического общежития рассматривалась как неременное условие перехода к коммунизму. В широком смысле они включали в себя моральные нормы строителей коммунизма. В узком смысле данные правила понимались как совокупность общественно-бытовых правил поведения.

После закрепления в советском законодательстве правил социалистического общежития был поставлен вопрос об условиях их признания в качестве нормы обычного права. В числе таких условий определены непрерывность действия фактически осуществляемого правила в течение длительного периода времени (факультативное условие, так как любой установившийся порядок мог создать обычай); определенность обычая, то есть возможность установления его содержания; признание его юридического значения государством².

¹ Программа и устав ВКП(б). – [Саратов]: Сарат. гос. изд-во, 1935 (тип. № 1 Крайместпрома). – Обл., 116 с.

² Аршанов М.А., Кечекьян С.Ф., Маньковский Б.С., Строгович М.С. Указ. соч. – С.389.

Два из трех перечисленных условий могли создаваться судом и иными правоприменительными органами. Суд придавал определенность содержанию обычая и формулировал норму обычного права. В решении суда осуществлялось санкционирование обычая государством. Однако данное одобрение было возможно только в случае, если применение обычая в данной сфере допускалось законом и не противоречило действующему законодательству.

Правила социалистического общежития не утратили своего социального значения и в последующие периоды развития Советского государства. Они последовательно культивировались и защищались законом. Так, уважительное отношение к правилам социалистического общежития рассматривалось в качестве обязанности каждого советского гражданина наряду с соблюдением советского законодательства в ст.59 Конституции СССР 1977 г.

На этапе построения социализма правила социалистического общежития обеспечивались в том числе и государственным принуждением. К примеру, уголовные наказания¹ и административные взыскания² налагались на правонарушителя, в том числе и с целью его исправления и перевоспитания в духе правил социалистического общежития.

В основном правила социалистического общежития были адресованы и нацелены на советских граждан, способных к их добровольному исполнению или перевоспитанию и исправлению в случае их нарушения. Советский закон 30-х годов, реализуемый посредством легализованного принуждения и жёстких мер, своим «орудийным острием» был прежде нацелен против «врагов народа» для их подавления и преступников, угрожавших социалистическому строю.

Научное исследование правил социалистического общежития началось только в конце 60-х годов. Наиболее последовательно данную проблему

¹ Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст.591.

² Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (принят ВС РСФСР 20.06.1984) ст.23 // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27, ст.909.

разрабатывал А.М. Айзенберг, защитивший докторскую диссертацию на тему «Правила социалистического общежития советского общества»¹. По его мнению, отнесение норм к правилам социалистического общежития определялось характером общественных отношений, с которыми данные нормы связаны, а также с их способностью обеспечить социалистическое сотрудничество и социалистическую законность².

В состав правил социалистического общежития А.М. Айзенберг включал политические нормы, отдельные правовые нормы, нормы эстетического поведения, организационные нормы и обычаи³. От права правила социалистического общежития отличались особым предназначением по преобразованию социалистических отношений в коммунистические прежде всего методами морального обоснования и воспитания нового человека в духе взаимопомощи, тесного сотрудничества и других коммунистических идеалов.

Соотношение норм закона и правил социалистического общежития рассматривалось в контексте особенностей социалистического правового регулирования⁴. С одной стороны, отмечалось расширение сферы правового воздействия, в том числе и на неправовые нормы. С другой стороны, взаимосвязанное воздействие неправовых и правовых норм, составляющих правила социалистического общежития, воспитывало в советском человеке убежденность в справедливости советского права, а значит способствовало укреплению социалистической законности. Следует отметить, что данное

¹ Айзенберг А.М. Правила социалистического общежития советского общества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора юрид. наук: (специальность 710 «Теория и история государства и права») / Айзенберг А.М. – ; Харьковский юридический институт. – Харьков, 1970. – 38 с.

² Айзенберг А.М. Роль правил социалистического общежития в укреплении социалистической законности // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. Межвузовская научная конференция: тезисы докладов: октябрь 1968 г. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1968. – С.32.

³ Там же. – С.33.

⁴ Вильнянский С.И. Обычаи и правила социалистического общежития // Харьковский юридический институт. Ученые записки. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1954. – Вып.5. – С.3-24.

соотношение опиралось на сталинское учение об убеждении и принуждении в социалистическом обществе¹.

Таким образом, правила социалистического общежития можно признать неправовым социальным регулятором, связанным с советским законодательством прежде всего общностью марксистско-ленинской идеологической основы, социалистических производственных отношений, общественного сознания, которые определяли их содержание.

Развитие правил социалистического общежития направлялось объективными законами развития советского общества. Формами их выражения могли быть как правовые, так и неправовые нормы. Перспективное значение правил социалистического общежития определялось тем, что данные нормы соблюдались в отличие от права осознанно, добровольно, без принуждения в силу привычки. Этим правилам была уготована роль основного регулятора отношений в коммунистическом обществе.

Все вышеизложенное позволять сформулировать следующие выводы:

- построение социалистического государства в период индустриализации привело к изменению отношения к советским законам. Их социально-значимая функция укрепления единоначалия, правопорядка и дисциплины в советском обществе определили их место основного источника социалистического права. На законодательном уровне была закреплена их иерархия, на теоретическом уровне предпринята попытка разграничить закон и иные формы права;

- решение задачи по укреплению социалистической законности в СССР в конце 20-30-е годы не привело к разработке советской юридической доктрины. Вследствие этого вопросы, имеющие специально юридический характер и связанные с развитием техники нормотворчества и правоприменения, оставались без соответствующего научного разрешения. Существенные пробелы в советской юридической доктрине создавали неопределенность при использовании отдельных видов нормативных актов, лишая их

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – С.131-132.

самостоятельного юридического содержания и внутренней структуры. Поэтому в рассматриваемый период не удалось сформировать единую стройную целостную взаимосвязанную систему нормативно-правовых актов. Собственно, и термин «нормативно-правовые акты» для обозначения наиболее приемлемой, а в 30-е годы основной формы советского права в советской научной литературе 30-х годов не применялся. Данные вопросы получат всестороннее научное рассмотрение в ходе подготовки и проведения второй кодификации советского права;

- понимание специфики системы источников советского социалистического права возможно только с учетом ее марксистского идеологического базиса. Использование в советской юридической науке классических юридических терминов не должно вводить в заблуждение о ее идентичности с нормативным или социологическим правопониманием. В 1917-1939 гг. были сформированы сущностные основания системы, справедливо получившей наименования источников социалистического права. Обусловленность и тесная взаимосвязь данной системы с экономическими, социальными условиями и идеологией социалистического строя является важным моментом, который следует учитывать в процессе применения отдельных ее элементов для регулирования общественных отношений, имеющих несоциалистическую природу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд заключительных выводов, связанных с реализацией цели и задач диссертации. Революционные изменения в российском праве в 1917-1936 гг. не привели к полному разрушению устойчивых связей в системе его источников. Поэтому в рассматриваемый период сохраняются такие устойчивые тенденции как влияние экономического уклада общества на систему источников права. Чем более многоукладным было советское общество, тем сложнее становилась система источников права. Особенно наглядно данная закономерность прослеживалась в первые месяцы советской власти и в период НЭП, когда одновременно действовали различные виды организованных и неорганизованных источников права.

Национальные правокультурные традиции в аспекте развития источников права проявились в сохранении действия двух наиболее распространенных и широко применяемых источников российского права закона и правового обычая. Закон прошёл эволюцию от множества разновидностей актов в форме декретов, распоряжений, постановлений до советского закона, принимаемого высшим органом власти в СССР.

Действие обычая как формы выражения советского права связано со способом его формирования. Обычаи закрепляли фактически сложившиеся и длительно применяемые правила поведения, приобретшие характер привычки. Государство контролировало действие обычаев и санкционировало те из них, которые соответствовали целям социалистического строительства.

В Советском государстве наблюдалась и такая закономерность как последовательное вытеснение советскими законами правовых обычаев. Государственный правопорядок складывался таким образом, что место обычая в нем определялось законом. Объективность данного процесса как представляется связана с тем, что только государство может обеспечивать общие начала законности в обществе с централизованной моделью управления.

Вместе с тем советский опыт подтвердил закономерность активизации социального значения неорганизованных традиционных источников права в переходные периоды развития государства. Это связано с утратой легитимности прежнего законодательства и невозможностью быстрого формирования новой системы правового регулирования. Более того именно традиционные источники права обеспечивают в переходный период сохранение правопорядка.

Еще одной закономерностью считаем влияние длительно существовавших форм правления в государстве на формирование устойчивых свойств системы источников национального права. В частности, при переходе к республиканской форме правления в Советской России сохранялись такие признаки системы источников монархического государства как ключевая роль главы государства (ее выполнял руководитель коммунистической партии) и органов исполнительной власти в создании источников позитивного права, отсутствие чётких границ между законами, административными и подзаконными актами.

Наряду с устойчивыми тенденциями в период с 1917 по 1936 гг. выявлены специфические особенности системы источников социалистического права. Они обусловлены переходным состоянием от буржуазного строя к социализму, в котором находилось Советское государство, а также революционными изменениями, претерпеваемыми обществом и его правовой системой. Так, в рассматриваемый период источники советского права обладали системными свойствами, но не являлись устойчивой системой, что проявлялось в действии противоречивых источников права, множественности форм и частых изменениях нормативного материала. Только во второй половине 30-х годов XX в. советский закон и иные НПА были конституционно закреплены как основной источник социалистического права.

Строение структуры источников социалистического права в переходном состоянии Советского государства отличается сосуществованием старых и

новых источников права. Действие первых обусловлено их длительным использованием и общественным признанием. Юридическая сила новых источников права связана с легальным принуждением пришедшей к власти политической элиты. Необходимость формирования новой иерархии и системных связей источников права в период построения социализма в Советском государстве была обусловлена изменившимися условиями правовой действительности, целями государства, задачами его правовой политики, изменением идеологических установок, а вместе с тем правосознания и правового мышления различных слоев общества и правящей элиты.

В рассматриваемый период переосмысливались доктринальные и идеологические основы юридической науки, шёл поиск конструктивных, действенных и адекватных новой социальной реальности юридических практик, методов, способов, средств, режимов правового регулирования для восполнения правовых пробелов и поддержания правового порядка в условиях проведения масштабных социально-экономических и политических преобразований.

Наиболее существенные трансформации происходят в системе позитивного права, так как кардинальные изменения в форме государства влияют на содержание, структуру и форму, юридическую силу НПА. Ослабление регуляторных возможностей государственных институтов приводит к повышению социальной значимости субсидиарных и альтернативных закону источников права, к примеру таких как правовые обычаи, судебная практика, право юристов, а также появлению новых источников права (революционное и социалистическое правосознание).

Господство марксистского подхода к праву привело к трансформации, сложившейся в досоветский период иерархии источников права. Законодательство утрачивает самостоятельное значение, его идеологической основой становится марксистская идеология, формально выраженная в программе коммунистической партии и партийных актах. Институциональная

роль законодательства ограничивается выполнением технических функций государственного управления в «текущий момент» времени.

В числе новых источников права выделялось революционное впоследствии социалистическое правосознание. Его содержание в первые месяцы советской власти определялось широким понятием «интересы пролетарской революции», а затем получило идеологическое содержание в виде программных документов коммунистической партии.

Теоретическое обоснование источников права не стало отдельным направлением исследований в советской юридической науке в рассматриваемый период. Вместе с тем в дискуссии о роли права в Советском государстве, проходившей вплоть до начала 30-х годов XX в. при участии представителей марксистского, социологического и психологического правопонимания вопросы об авторитетном источнике права и формах его выражения постоянно обсуждались. Победа в этой дискуссии господствующего марксистского правопонимания с одной стороны, способствовала завершению многочисленных споров и выстраиванию системы советского законодательства в целом.

С другой стороны, марксистский подход к источникам права заложил в данную теорию и ее практическое воплощение ряд противоречий. Во-первых, отрицание самостоятельной роли права в Советском государстве противоречило требованиям безусловного соблюдения социалистической законности. Инструктивно-технический характер советских законов предполагал усмотрение правоприменителей и широкое использование ими социалистического правосознания, допускавшего отступление от буквы закона.

Во-вторых, провозглашение диктатуры пролетариата исключало демократический характер советского законодательства, так как правовые убеждения значительной части трудящегося населения (крестьян, интеллигенции и др.) рассматривались как враждебные новому строю. Вследствие этого большинство советских декретов могли быть реализованы

только принудительными методами, что порождало конфронтацию в советском обществе, а также снижало эффективность действия законов.

В-третьих, использование законодательства как средства осуществления государственной прежде всего экономической политики лишало его самостоятельного содержания, приводило к тому, что в юридическую форму облекались административные, экономические и иные государственные решения. Такой подход лишил законодательство фундаментальных правовых оснований, придающих ему устойчивость, а также привел к необходимости постоянной смены законов для их соответствия задачам текущего момента.

Подведение итогов первой кодификации в деле построения системы советского законодательства показывает, что в полном объеме поставленные задачи не были выполнены. Вместе с тем кодификация стала важным этапом на пути формирования системы источников социалистического права. Во-первых, удалось сформировать основные отрасли советского законодательства и осуществить их систематическое построение в форме кодексов.

Во-вторых, была преодолена сложившаяся в первые годы советской власти негативная практика издания законов и самовольной правотворческой деятельности на местах, а также закреплён приоритет законодательства высших и центральных органов советской власти и управления и обязательность их исполнения на местном уровне.

В-третьих, проведена комплексная работа по систематическому упорядочению принимаемого советского законодательства. В этой связи стоит выделить Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства, Собрание законов СССР, Систематическое собрание действующих законов РСФСР и др. В этих сборниках законодательство размещалось по хронологическому принципу, их системное построение определялось конституционным статусом органа их принявшего. Данные сборники не только давали представление о состоянии действующего

законодательства, но и устанавливали иерархию законов, облегчали их последующее совершенствование.

Выявленные в ходе первой кодификации пробелы и дефекты в теоретическом обосновании социалистического права и отсутствие официальной правовой доктрины активизировали в том числе поиск научных подходов к источникам социалистического права.

Теория источников и форм социалистического права органично связана с официальным марксистско-ленинским правопониманием, обусловлена спецификой социалистического права и его местом в политической системе советского общества, что, с одной стороны, ограничивает познавательную ценность ее критики с позиций классического («буржуазного») правоведения, сформированного в условиях капиталистического общества, с другой стороны, затрудняет ее буквальное проецирование на правовые порядки, основанные на иных (несоциалистических) социально-экономических устоях.

В советской теории права конца 20-30-х годов разграничены понятия «содержание», «источник» и «форма» права. Содержание права было выведено за пределы юридической сферы и прежде всего определялось реальными производственными отношениями, выраженными в форме политических решений партийных органов, советских органов государственной власти и управления. Единая идеологическая основа позволяла комбинировать и издавать совместные акты государственных и партийных органов, тем самым подчеркивая особую политическую важность вопросов, по которым они приняты. Вместе с тем, партийные решения не следует рассматривать в качестве источника права, так как с середины 30-х годов советское право неразрывно связывалось с государством и порождалось его волей.

Источники социалистического права в 30-е годы определялись в материальном и формальном смысле. В материальном смысле источником права называли силы порождающие правовые нормы и придающие им обязательный характер. В формальном смысле под источником права

понимали способ выражения права для придания ему обязательного характера. Система источников социалистического права соответствовала динамизму советских общественных отношений и творческой роли государства по осуществлению задач социалистического переустройства общества. Поэтому из нее последовательно исключались формы, не подконтрольные государству и соответствующие более медленным темпам развития права (обычай и судебная практика). Издание юридических источников права стало привилегией государства как единственной силы, придающей праву обязательный характер. Волеизъявление других участников правоотношений не признавалось источником права как необязательное и создающее угрозу единству и целостности социалистического строя. Только государство могло объективировать свою волю в правовые нормы для подчинения этой воле действий отдельных лиц и организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР. 1925. № 30, ст.218.
3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51, ст.582.
4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (принят ВС РСФСР 20.06.1984) ст.23 // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27, ст.909.
5. Закон СССР от 13.12.1962 № 802-VI «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 70, 77 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1962. № 50, ст.529.
6. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961, № 50, ст.526.
7. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959, № 1, ст.6.
8. Закон СССР от 16.08.1938 «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.
9. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и

укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62, ст.360.

10. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14.06.1929) // СЗ СССР. 1929. № 41, ст.366.

11. Общие начала землепользования и землеустройства (утв. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // СЗ СССР. 1928. № 69, ст.642.

12. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.06.1926 «Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. 1926. № 39. ст.304.

13. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926, № 80, ст.600.

14. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.06.1926 «Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. 1926. № 39. ст.304.

15. Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.02.1925 «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой» // Известия ЦИК СССР. № 38, 15.02.1925.

16. Постановление Наркомюста РСФСР от 06.09.1924 «О порядке вступления приймака во двор» // СУ РСФСР. 1924. № 73. ст.724.

17. Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «О порядке изменения Кодексов, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом» // СУ РСФСР. 1923. № 54, ст.530.

18. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 71, ст.904.

19. Постановление ВЦИК от 30.10.1922 (ред. от 27.12.1926) «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 68, ст.901.
20. Резолюции VIII Всероссийского съезда Советов // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст.1.
21. Постановление Наркомюста РСФСР от 29.04.1921 «О прекращении дел о нарушении разверстки и неплатеже чрезвычайного налога» // СУ РСФСР. 1921. № 55, ст.338.
22. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР, 1920. № 83, ст. 407.
23. Декрет ВЦИК от 18.03.1920 «О революционных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. № 22–23, ст. 115.
24. Декрет ВЦИК от 15.02.1920 «О сельских Советах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. 11, ст.68.
25. Постановление СТО РСФСР от 15.01.1920 «О первой Революционной Армии Труда» // СУ РСФСР. 1920. № 3, ст.15.
26. Декрет СНК РСФСР от 11.01.1919 «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» // СУ РСФСР. 1919. № 1, ст.10.
27. Постановление VI Всероссийского Съезда Советов от 20 декабря 1918 г.
«О точном соблюдении законов» // Собрание Узаконений 1918. № 90. ст.908.
28. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. ст.420.
29. Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» // СУ РСФСР. 1918. № 25, ст.346.
30. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77, ст.818.

31. Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) // СУ РСФСР. 1918. № 87-88, ст.905.
32. Декрет ВЦИК от 27.04.1918 «Об отмене наследования» // СУ РСФСР, 1918. №34, ст.456.
33. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака» // СУ РСФСР, 1917. №10, ст. 152.
34. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст.5 // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госиздат, 1957. – С.125.

Материалы судебной практики

35. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 4, 1982.
36. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 (ред. от 18.04.1986) «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» // «Бюллетень Верховного Суда СССР», № 3, 1963.

Сборники документов, опубликованные источники

37. Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. – М., 1954. – 358 с.
38. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам». Т.2 (1917-1957 гг.). – М., Госполитиздат, 1957.
39. Краткий доклад Президиума ВЦИК II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Приложение: Статистический отчет о работе Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета за январь – май 1923 г. / РСФСР. – М.: Издание ВЦИК, 1923. – 22 с.
40. Первая сессия Верховного Совета СССР. 12-19 янв. 1938 г. – [Москва] : Верховный Совет СССР, 1938 (Ф-ка книги «Кр. пролетарий»). – 208 с.

41. Письма во власть. 1917–1927 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям/ Составители: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов.— М., 1996. — 664 с.

42. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. — М.: Изд-во ВЦИК, 1918. — 192 с.

43. РКП(б). Съезд (11; 1922; Москва). Резолюции XI съезда Российской Коммунистической Партии (большевиков), апрель 1922 г. / РКП(б). Съезд (11; 1922; Москва). — Новониколаевск: Типография Представительства ГПУ по Сибири, 1922.

44. Сборник постановлений и распоряжений Всероссийского Центрального Комитета XI созыва и его Президиума / РСФСР. — М.: Издание ВЦИК, 1924. — № 3 (июль — август). — 71 с.

45. Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного суда СССР, действующих на 1 апреля 1935 г. — М., 1935.

46. Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926. — 526 с.

47. Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 г. — М., 1922. — 596 с.

48. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918—1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, Ин-т истории новейшего времени (Франция), под ред. А.Береловича, В.Данилова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 864с.

49. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Док. и материалы: В 5 т. / Гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др.; РАН. Ин-т рос. истории и др. — Москва: РОССПЭН, 1999-. — 24 см. Т.4: 1934-1936. Т.4 / Сост.: В. Данилов [и др.]; Редкол.: Ю. Мошков (отв. ред.) [и др.]. — 2002. — 1053.

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

50. Фонд А-353 – Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР). 1917-1963. Опись 9.

51. Фонд Р-6978 – Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов 1 созыва. 1917-1918. Опись 1.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

52. Фонд Р-1133 – Народный суд 8 участка г. Ростов-на-Дону. 1920-1923. Опись 1.

53. Фонд Р-1129 – Народный суд 3 участка г. Ростов-на-Дону. 1920-1921. Опись 1.

54. Фонд Р-1146 – Народный суд 6 участка г. Ростов-на-Дону. 1922-1923. Опись 1.

55. Фонд Р-1147 – Народный суд 9 участка г. Ростов-на-Дону. 1921. Опись 1.

56. Фонд Р-1175 – Краевой арбитражный суд при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Крайисполком). 1922-1925. Опись 1.

57. Фонд Р-1191 – Особая сессия по трудовым делам (трудсуд) при Донском областном суде. г. Ростов-на-Дону. 1922-1923. Опись 1.

Российский государственный архив экономики

58. Фонд 478 – Народный комиссариат земледелия РСФСР. 1917-1929. Опись 6.

Монографии и статьи

59. Агамбен, Дж. *Homosacer*. Чрезвычайное положение. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 148 с.

60. Азми, Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938-1946 годы). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. – 286 с.

61. *Азми, Д.М.* Правовая структуризация и систематика [Текст] / Азми Д.М. – Москва: Юстицинформ, 2010. – 318 с.
62. *Айзенберг, А.М.* Правила социалистического общежития советского общества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора юрид. наук: (специальность 710 «Теория и история государства и права») / Айзенберг А.М.; Харьковский юридический институт. – Харьков, 1970. – 38 с.
63. *Айзенберг, А.М.* Роль правил социалистического общежития в укреплении социалистической законности // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. Межвузовская научная конференция: тезисы докладов: октябрь 1968 г. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1968. – 292 с
64. *Александров, Н.Г.* Понятие источника права // Ученые записки ВИЮН. Вып. VIII. – М., 1946. – С.47-54.
65. *Алексеев, Н.Н., Тимашев, Н.С.* Источники права // Право Советской России. Вып.1: [Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право]. Прага, 1925. – С.7-29.
66. *Алексеев, Н.Н.* Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.
67. *Алексеев, Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Моск. науч. изд-во. 1918. – 208 с.
68. *Алексеев, Н.Н.* Русский народ и государство. – М., «Аграф», 1998. – 640 с.
69. *Алексеев, С.С.* Советское право как средство осуществления политики КПСС // Правоведение. 1977. № 5. – С.15-23
70. *Алексеев, С.С.* Структура советского права. – М.: Юрид. лит-ра, 1975. – 264 с.
71. *Андрес, М.* Письмо к редактору // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47. – С.2-4.

72. *Антонова, Л.И.* Организационные формы правотворческой деятельности Совета Народных Комиссаров. 1917-1922 гг. // Правоведение. 1968. № 3. – С.96-105.
73. *Антропов, И.А.* Октябрьская революция и право. Иркутск: Издание Иркутского университета, 1929.– 38 с.
74. *Архиппов, К.А.* Закон в советском государстве / К.А. Архиппов. – М.; – Л.: Государственное издательство, 1926. – 157 с.
75. *Архипов, К.А.* Опубликование и вступление в силу советских законов / Конст. Архиппов // Советское право. – М.; – Л., 1926. – № 1. – С.13-29.
76. *Архипов, К.А.* Основные моменты эволюции понятия советского закона / К. Архиппов // Советское право. – М.; – Л., 1925. – № 5. – С.17-33.
77. *Аришанов, М.А., Кечекьян, С.Ф., Маньковский, Б.С., Строгович, М.С.* Теория государства и права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949.– 513 с.
78. *Байтин, М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов. 2001. – 416 с.
79. *Бакаржидиев, Я.В.* Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41).– С.69-79.
80. *Бержель, Жан-Луи.* Общая теория права. Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
81. *Бережнов, А.Г., Воротилин, Е.А., Кененов, А.А. и др.* Теория государства и права: учебник для вузов. Под редакцией М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.
82. *Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 624 с.

83. *Бранденбургский, Я.Н.* О социальном составе советского суда / Я. Бранденбургский // Еженедельник Советской Юстиции. – М., 1923. – № 24 (21 июня). – С.553-554.
84. *Буков, В.А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. – М.: Археографический центр, 1997. – 450 с.
85. *Вегер, В.Л.* Право и государство переходного времени. – М.: Издание Коммунистического университета им. Свердлова, 1924. – 131 с.
86. *Венгеров, А.Б.* Теория государства и права: в 2 т. Т.1. – М., 1995. – 608 с.
87. *Вико, Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. – Л., 1940. – 640 с.
88. *Вильнянский, С.И.* Обычаи и правила социалистического общежития // Харьковский юридический институт. Ученые записки. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1954. – Вып.5. – С.3-24.
89. *Вопленко, Н.Н.* Источники и формы права: Учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.
90. *Вышинский, А.Я.* Вопросы теории государства и права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 419с.
91. *Вышинский, А.Я.* К положению на фронте правовой теории. – М.: Юридическое издательство НКЮ, 1937. – 31 с.
92. *Гегель, Г.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
93. *Гердер, И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
94. *Герцензон, А.А.* История советского уголовного права / Всесоюз. Ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. – 465 с.

95. *Гольбах, П.А.* Избранные произведения в двух томах. Том 1. Под общ. ред. и со вступит. статьей Х.Н. Момджяна. Пер. с фр. – М., Соцэкгиз, 1963. – 715 с.
96. *Гойхбарг, А.Г.* Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1. – С.3-24.
97. *Гойхбарг, А.Г.* О современном земельном законодательстве / А. Гойхбарг // Советское право. – М.; – Л., 1925. – № 1. – С.3-15.
98. *Гойхбарг, А.Г.* Советское земельное право. – М.: Гос. изд-во, 1921 – 116 с.
99. *Гойхбарг, А.Г.* Хозяйственное право РСФСР: Рекоменд. Гос. Учен. Советом как руководством высш. Учеб. Завед. / Проф. А.Г. Гойхбарг. – 3-е изд., исправ. и доп. Т.1. Гражданский кодекс. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 269 с.
100. *Голунский, С.А., Строгович, М.С.* Теория государства и права. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 304с.
101. *Грановский, Т.Н.* Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1986. – 428 с.
102. *Гурвич, Г.Д.* Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб.: Издательский Дом С. Петерб. Гос. ун-та, Издательство юридического факультета С. Петерб. Гос. ун-та, 2004. – 848с.
103. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
104. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. / Предисловие Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. – 552 с.
105. *Данилов, А.Н.* Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск, 2000. – 432 с.

106. *Дилигенский, Г.Г.* Индивидуализм старый и новый (личность в постсоветском социуме) // Полис.1999. № 3. № 5-15.
107. *Дювернуа, Н.* Источники права и суд в Древней Руси. – М.: Университетская типография Катков и Ко. 1869. – 419 с.
108. *Желдыбина, Т. А.* Понимание закона и законности в советской юридической науке: историко-правовой аспект // Право. Законодательство. Личность. 2013. №2. – С.7-13.
109. *Зенкевич, В.* Итоги работы по проверке и чистке личного состава в органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 17. – С.396 – 403.
110. *Зивс, С.Л.* Источники права. – М.: Наука, 1981. – 239 с.
111. *Ильин, И.А.* Общее учение о праве и государстве. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2006. – 510 с.
112. *Ильин, И.А.* О сущности правосознания. – М.: «Рарог», 1993. – 235 с.
113. *Исаев, М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. – Л., 1923. – 138 с.
114. *Исаев, М.О.* Высших юридических курсах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46-47. – С.3-5.
115. Источники российского права: вопросы теории и истории/ Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – 336 с.
116. *Кабрияк, Р.К.* Кодификации / Пер. с фр. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2007. 476с.
117. *Калинин, М.И.* О социалистической законности. – М., 1959. – 186с.
118. *Кареев, Н.И.* Лекции о духе русской науки. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1885. – 20 с.
119. *Кашанина, Т.В.* Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник. – М.: Проспект, 2018. – 302 с.

120. *Керимов, Д.А.* Понятие советского социалистического права // Ученые записки Ленинградского юридического института. Вып.V, 1951. – С.80-91.
121. *Князева, Е.Н., Курдюмов, С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизации, темпомиры. – СПб., 2002. – 414 с.
122. *Ковлер, А.И.* Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
123. *Ковлер, А.И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже ХХI в. – М., 1997. – 101 с.
124. *Кодан, С. В.* Идеологическая и политическая определенность советского права, партийно-государственные механизмы формирования и нормативного оформления (1917-середина 1980-х гг.) // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение. Монография. Под общей редакцией О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2023. – С.169-197.
125. *Кожевников, М.В.* Пути развития советской прокуратуры // Ученые записки МГУ. – М., 1950. № 147. – С.102-112.
126. *Козловский, И.* Пролетарская революция и уголовное право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: Сборник статей. – М.: Госиздат, 1919. – 324 с.
127. *Крицман, Л.* Героический период Великой Русской Революции. – М., 1925. – 280 с.
128. *Крыленко, Н.В.* К реформе действующей судебной системы // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. – С.2-5.
129. *Крыленко, Н.В.* Ленин и Сталин о революционной законности. – М.: Государственное издательство советское законодательство, 1934. – 70 с
130. *Крыленко, Н.В.* Практика применения законов от 7 августа 1932 г. // За социалистическую законность. 1934. № 6. – С.1-10.
131. *Крыленко, Н.В.* Суд и право в СССР. Ч. 2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., Гос. изд-во. 1928. – 158с.

132. *Крыленко, Н.В.* Судостроительство РСФСР: (лекции по теории и истории судостроительства) / Н.В. Крыленко. – Москва: Юридическое издательство, 1923. – 416 с.
133. *Курицын, В.М.* Переход к НЭПу и революционная законность / Курицын В.М.; Отв. ред.: Чистяков О.И. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
134. *Курский, Д.И.* На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919-1926. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 134 с
135. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. Т.9. – М.: Издательство Политической литературы, 1967. – 579 с.
136. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. Т.27. – М.: Издательство Политической литературы, 1967. – 643 с.
137. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений. Т.22. – М.: Издательство Политической литературы, 1967. – 597 с.
138. Ленин, Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП (б). т.III. – М., 1938.
139. Ленинские принципы и методы партийного руководства. – М.: Политиздат, 1983. – 350с.
140. *Леонтьев, К.Н.* Избранное. – М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. – 400 с.
141. *Лунин, А.* Две ударные задачи // Еженедельник советской юстиции. 1922, № 19/20 (31 мая). – 1922. – 32 с.
142. *Магазинер, Я.М.* Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А.К. Кравцов. – СПб., Юридический центр Пресс, 2006. – 352 с.
143. *Майков, П.М.* О Своде законов Российской империи (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). – «Зерцало», 2006. – 189 с.
144. *Маковский, А.Л.* О кодификации гражданского права (1922-2006). М.: Статут, 2010. – 435с.
145. *Мальцев, Г.В.* Социальные основания права. – М: Норма, 2011. – 800 с.

146. *Марченко, М.Н.* Источники права. Учебное пособие. – М.: Норма, 2018. – 672 с.
147. *Маслов, В., Чистяков, Н.* Сталинские репрессии и советская юстиция // Коммунист. 1990. № 10.– С.102-112.
148. *Михайловский, И.В.* Очерки философии права. Т.1. Томск: Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. – 628 с.
149. *Мицкевич, А.В.* Акты высших органов Советского государства: Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства; А.В. Мицкевич. – М.: Юридическая литература, 1967. – 175 с.
150. *Мицкевич, А.В.* Закон СССР как высший нормативный акт Советского государства / А.В. Мицкевич // Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему: «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе» / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Юридический факультет. – [М.]: Издательство Московского университета, 1966. – С.17-19.
151. *Мицкевич, А.В.* Избранное [сост. и авт. предисл. Е.А. Юртаева]; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Юридическая фирма «Контракт»: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 303 с.
152. *Нахимсон, Ф.М.* Суд и прокуратура на охране производства и труда: Практич. пособие для органов юстиции: Директивы партии, постановления Правительства, распоряжения наркоматов / Ф. Нахимсон, Г. Рогинский, Б. Сахов; Под ред. Н.В. Крыленко. – Москва: Советское законодательство, 1932. – 399 с.
153. *Недбайло, П.Е.* Советские социалистические правовые нормы. Львов: издательство Львовского университета, 1959. – 170 с

154. *Нерсисянц, В.С.* Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – 813 с.
155. *Нижечек, В.И.* Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. Иркутск: Вост. – Сиб. кн. изд-во, 1973. – 456с.
156. *Новгородцев, П.И.* Введение в философию права: кризис современного правосознания. – СПб.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – 393 с.
157. *Новицкая, Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. Текст. Приложения. 2-е изд., доп. и испр. / Моск. гос. ун-т, юрид. фак-т. М.: Зерцало, 2002. – 218с.
158. *Новицкий, И.Б.* Источники советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1959. – 157 с.
159. Новое семейное право / Прив.-доц. А.Г. Гойхбарг. – Москва: Изд. Воен.-юрид. кн. магазина «Правоведение» И.К. Голубева, комиссионера Гос. тип., 1918. – 88 с.
160. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в.: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии, этнографии; сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. - Москва: Марджани, 2009. – 272с.
161. *Окунева, М. О.* Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922гг. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. №4 – С. 114–125.
162. Основные итоги работы губернских (областных) народных судов РСФСР в 1924 г. – М., 1925.
163. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сборник статей / Под ред. канд. ист. наук В.П. Данилова. – Москва: Госполитиздат, 1963. – 560 с.

164. *Палибин, Н.В.* Записки советского адвоката 20-е – 30-е годы. Нью-Йорк, 1988. – 197 с.
165. *Пашенцев, Д. А.* Развитие системы источников права в Российской империи. – М.: МГПУ, 2013. – 56с.
166. *Пахоленко, Н.Б.* От тоталитаризма к демократии: о функциях государства в переходный период // Политические проблемы теории государства. – М., 1993. – 245 с.
167. *Пашуканис, Е.Б.* Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М., Наука. 1980. – 271 с.
168. *Перетерский, И.* «Примечания» в законе // Советское право. 1928. № 2. – С.69-71.
169. *Плиев, А. А.* Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей. 1880–1970 годы / А. А. Плиев. - Москва: Наука, 2016. – 156 с.
170. *Покровский, И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 384 с.
171. *Поляков, А.В.* Общая теория права. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 642 с.
172. *Полянская, Г.Н.* Роль обычая в имущественных отношениях крестьянского двора в период проведения Октябрьской социалистической революции // Советское государство и право. 1941. № 1. – С.48-61.
173. *Понтович, Э.Э.* Понятие и значение закона в советском государстве / Э.Э. Понтович // Советское строительство. – М., 1928. – № 7 (Июль). – С.43-57.
174. *Попов, В.П.* Государственный террор в советской России, 1923-1953 (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. – С.26-32.
175. *Портнов, В.П., Славин, М.М.* Становление правосудия Советской России (1917-1922). – М., 1990. – 166с.
176. *Португалов, Г.М.* Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург: Государственное издательство, 1922. – 52 с.

177. Пять лет борьбы за хлеб. 1917-1922. Тула, 1923. – 34 с.
178. *Раевич, С.И.* О характере норм партийного законодательства РКП (к вопросу о создании общепартийного кодекса) // Советское право. 1923. № 3(6). – С.92-93.
179. *Разумовский, И.П.* Проблемы марксистской теории права. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1925. – 136 с.
180. Раппопорт М.Я. Вредительство на правовом фронте и проблема теории государства и права // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 15.
181. *Рейснер, М. А.* Государство буржуазии и РСФСР. – Москва; Петроград: Петропечать, 1923. – 420с.
182. *Рейснер, М.А.* Право: Наше право. Чужое право. Общее право / – М. Рейснер. – Л.; – М.: Государственное издательство, 1925. – 276 с.
183. *Рейснер, М.А.* Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М.А. Рейснер. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. – 248 с.
184. *Сабо, Имре.* Социалистическое право: Пер. с венг. / Под ред. и со вступ. статьей канд. юрид. наук В.А. Туманова. – Москва: Прогресс, 1964. – 396 с.
185. *Сергеевич, В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1910. – 667 с.
186. *Соломон, П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 464 с.
187. *Сорокин, В.В.* Общее учение о государстве и праве переходного периода: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – 424 с.
188. *Сорокин, П.А.* Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. – 236 с.
189. Социология. Под ред. Зомбарт Вернер. – Ленинград, Мысль. 1926. – 138 с.

190. *Сталин, И.В.* Вопросы ленинизма. Издание девятое, дополненное. – М., Партиздат, 1938.
191. *Стучка, П.И.* Государство и право в период социалистического строительства / П. Стучка // Революция права. – М., 1927. – № 2. – С.3-26.
192. *Стучка, П.И.* Мысли о нашем правосудии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 22. – С.507.
193. *Стучка, П.И.* Революционная роль права и государства: общее учение о праве. Общее учение о праве и о государстве. Ч.1 /Стучка П.И. – М.: Госиздат, 1921. – 125 с.
194. *Стучка, П.И.* Революционная роль советского права. – М., Государственное законодательство советское законодательство, 1934. – 178 с.
195. *Сырых, В. М.* Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву: монография / В. М. Сырых. - Москва: Юрлитинформ, 2020. – 502с.
196. *Сырых, В. М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия): [монография] / В. М. Сырых. - Москва: Юрлитинформ, 2017. – 515с.
197. *Тарановский, Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Типография К. Маттисена, 1917. – 534 с.
198. *Тарановский, Ф.В.* Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 2001. – 439 с.
199. *Токарев, Ю.С.* Документы народных судов (1917-1922гг.) // Вопросы историографии и источниковедения СССР. М., Л., 1963.– 655с.
200. *Томсинов, В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883 – 1954): государственный деятель и правовед. Часть 15. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодатель. 2022. №3. – С.86-94, №4. – С. 86-94, №5. – С.86-94, №6. – С.87-94, №7. – С.87-94, №8. – С.87-94, №9. – С.87-94, №10. – С.87-94, №11. – С.87-94, №12. – С.76-83.
201. *Тоцкий, Н.М.* Вступление закона в силу // Право и жизнь. 1925. № 1.– С.3-10.

202. *Трайнин, А.Н.* О революционной законности / А. Трайнин // Право и Жизнь. – М., 1922. – Книга 1 (июнь). – С.5-8.
203. *Трубецкой, Е.Н.* Энциклопедия права. – СПб.: Лунь, 1998. – 224 с.
204. *Турецкий, В.* I Совещание по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Советское государство. 1938. № 4. – С. 119–129.
205. *Упоров, И. В.* Институт народовластия и его трансформация в Советском государстве в 1917-1927гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. – С. 75-77.
206. *Успенский, Л.* Очерки по юридической технике. Ташкент: Средазкнига, 1927. – 219 с.
207. *Успенский, И.* Успехи и трудности социалистического строительства. – М.: Издание райсовета Красно-Пресненского района Мособлит, 1931. – 35 с.
208. *Хвостов, В.М.* Общая теория права. Элементарный очерк. Москва: Университетская типография, 1905. – 160 с.
209. *Хвостов, В.М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Москва: Московское научное издательство имени Г.Н. Марн при Московском научном институте, 1919. – 389 с.
210. *Хмельницкой, А.И.* Красное право и красный суд. Одесса, 1921. – 20с.
211. *Чесноков, Д.И.* Исторический материализм. – М.: Мысль, 1965. – 528 с.
212. *Чиркин, В.Е.* Переходные государственные формы (формы государства переходные к социалистическому типу). Свердловск, 1963. [б.и.] – 510 с.
213. *Чучаев А. И.* Первый советский уголовный кодекс, концептуальные основы и общая характеристика (к 100 – летию со дня принятия) // Государство и право. 2022. №6. – С. 152–157.

214. *Чучаев А. И., Грачева Ю.В., Маликов С. В.* Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. №2. – С. 106–121.

215. *Шапсугов, Д. Ю.* Проблема свободного мышления в юридической науке. – [б.м.]: Издательские решения, 2020. – 456с.

216. *Шатковская, Т.В.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. как феномен публично-частного гражданского права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. – С.113-120.

217. *Шатковская, Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. – 576 с.

218. *Шатковская, Т.В., Бурмистров, С.В.* Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. – С.15-24.

219. *Шатковская, Т.В., Напалкова, И.Г.* Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. – С.9-16.

220. *Шатковская, Т.В.* Социальная реконструкция источников обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. – С.32-41.

221. *Швеков, Г. В.* Первый советский Уголовный кодекс. М.:Высш. школа, 1970. – 207с.

222. *Швеков, Г. В.* Преемственность в праве: Научно-теорет. пособие для преп. вузов по специальности «Правоведение». – М.: Высш. школа, 1983. – 184с.

223. *Шебанов, А.Ф.* Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – 212 с.

224. *Шершеневич, Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1908. – 163 с.

225. *Чельцов-Бебутов, М.А.* Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – 92 с.
226. *Энгельс, Ф.* Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21.- М., 1961.– С.495-516.
227. *Юдин, Ю.А.* Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). – М., 1975. – 325 с.
228. *Якушик, В.М.* Государство переходного типа: вопросы теории. Киев, 1991. – 199 с.
229. *Яцук, Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. Омск, Изд-во ОмГУ, 2007. – 592 с.
230. XXI Ленинский сборник / Под ред. М.А. Савельева, В.Г. Сорокина. Москва, Партийное издательство, 1933. – 323 с.

Диссертации

231. *Азизов, У. А.* Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: дис ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. Душанбе, Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, 2015 г. – 413 с.
232. *Архиезер, А.С.* Методология социокультурного исследования переходных процессов (на материале России). Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 1997. – 372 с.
233. *Богатова, О.В.* Нормативный правовой акт как источник права (теоретический аспект): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2004. – 185 с.
234. *Ботанцов, И. В.* Эволюция систем источников права Российской империи (1832-1917гг.): дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 2017. – 190с.

235. *Боино, С.В.* Форма права: теоретико-правовое исследование: дис ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. – М.: 2005. – 440 с.
236. *Васильев, А.А.* Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Барнаул, 2007. – 192 с.
237. *Гайворонская, Я. В.* Концепция нормативности права в отечественном правоведении: Советский и постсоветский периоды: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Санкт-Петербург, 2001. – 246с.
238. *Гурова, Т.В.* Актуальные проблемы теории источников права: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Самара, 2000. – 188 с.
239. *Данцева, Т.Н.* Формальные источники права: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Красноярск, 2007. – 295 с.
240. *Жуков, В. Н.* Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XXв. (теоретико-методологический аспект): дис ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. – М.: 2015. – 367с.
241. *Иванов, А.Б.* Кодификация советского трудового законодательства в 20-е годы XX века: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.05. - Ярославль, 2012. – 196с.
242. *Коростелкина, О. Н.* Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01.– М., 2005. – 192с.
243. *Лукашева, Е.А.* Правосознание и законность в социалистическом обществе: Идеологические и социально-психологические факторы обеспечения социалистической законности: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Москва, 1972. – 528 с.

244. *Максимов, Р.А.* Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях (Общетеоретический аспект): дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Пенза, 2014. – 207 с.

245. *Максимова, О.Д.* Законотворчество в Советском государстве в 1917-1936 годах: дис. ... на соискание ученой степени доктора юрид. наук: 12.00.01. – М.: 2015. – 484 с.

246. *Огородников, В.В.* Переходные состояния политического режима в теории государства: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Омск, 2005. – 211 с.

247. *Окунева, М. О.* Субъект преступления в советском уголовном праве: становление и развитие института в 1917 – 1941 гг.: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2019. – 272 с.

248. *Попов, В.И.* Правопонимание в советской юридической науке: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – 186 с.

249. *Рожнов, А. П.* Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2003. – 252 с.

250. *Сагидов, А. М.* Обычаи и традиции в правовой системе Республики Дагестан: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2007. – 177 с.

251. *Садوخина, Н.Е.* Развитие источников российского права в советский и постсоветский период: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Тамбов, 2005. – 186 с.

252. *Скибина, О. А.* Государственно-правовые взгляды М. А. Рейснера: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.01. – Белгород, 2015. – 222 с.

253. *Сокуренок, В. Г.* Социалистическое правосознание и его взаимоотношение с правом в советском обществе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.00. – Москва, 1953. – 385 с.

254. *Тихоновский, Ф.И.* Понимание права в советской юридической науке: 1917-1938 гг.: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2009. – 187с.

255. *Токмин, С.А.* Партийные акты в системе источников советского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Иркутск, 2015. – 210 с.

256. *Шаповалов, И. А.* Формирование правосознания в Советской России в 1917-1920-х гг.: Уголовно-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2005. – 227с.

257. *Шершневa, Е.А.* Создание Конституции СССР 1936 года: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2011. – 231 с.

258 *Шишов, О.Ф.* Становление и развитие уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917 - 1936). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 – Москва, 1985. – 436 с.